

Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

Московское областное региональное отделение
Российского общества «Знание»

Вардан Эрнестович Багдасарян
архимандрит Сильвестр (Лукашенко)

ТРАДИЦИОННЫЕ
ЦЕННОСТИ:
СТРАТЕГИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Под научной редакцией
Ю. Ю. Иерусалимского

Ярославль, 2022

ББК ТЗ(2)46-8

УДК 94(470)

Б14

Рецензенты:

Д. М. Володихин, доктор исторических наук, профессор
(МГУ им. М. В. Ломоносова);

А. Ф. Гавриленков, доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор (Военная академия ВПВО, г. Смоленск)

Научный редактор

Ю. Ю. Иерусалимский, доктор исторических наук,
профессор (ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

Ответственный редактор:

С. И. Реснянский, доктор исторических наук, профессор (РУДН)

Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит

Б14 Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / Науч. ред. Ю. Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2022. — 248 с.

Традиционные ценности — формируемая новая идеологическая основа развития России и человечества. В монографии приводится авторский взгляд на традиционные ценности, даётся их перечень, раскрывается их отличие от ценностей нетрадиционных и антитрадиционных. Авторы показывают, что именно традиционные ценности создают идеологическую альтернативу глобализму. В книге предложена модель осмысления традиционных ценностей в качестве новой российской системы государствовоительства и послания человечеству. Материалы монографии предназначены к использованию при формировании стратегий государственных политик, в научной, преподавательской и просветительской деятельности.

© В. Э. Багдасарян, текст, 2022

ISBN 978-5-91722-468-8

© Архимандрит Сильвестр (Лукашенко), текст, 2022

Оглавление

Введение	7
ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	
Мир изменился	11
Почему либералы против традиционных ценностей: разбор аргументов	12
Актуализация запроса на традиционные ценности в фокусе специальной военной операции	17
Идентичные ценности как основа суверенитета России	19
Обрушение идеологических столпов несuverенного развития	21
Опыт российского идеологического строительства	23
Перечень традиционных ценностей нуждается в уточнении	25
От ценностей к смыслам	31
Традиционные ценности в мировом праве	33
Прогнозируемые последствия	36
От слова — к практике	37
ГЛАВА 2. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ СМЫСЛОВЫХ КООРДИНАТ	
Традиционные ценности на пути Зла	40
Ключевые вопросы к раскрытию понятия «традиционные ценности»	42
Теории традиционных ценностей	45
Примордиальная Традиция	46
Традиционные ценности в теории цивилизаций	48
Традиционные ценности и витальный подход	50
Традиционные ценности в теории фамилиализма	51
Традиционные ценности в религиозной антропологии	55
Традиционные ценности и историческая эпоха домодерна	58

Традиционные ценности в сравнительной социологии	61
Бог как источник традиционных ценностей	63
Традиционные ценности несовместимы с моделью капитализма	65
Традиционализм как проект	67
Запрос на традиционализм	67
Традиционализм не тождественен консерватизму	68
Принцип религиозной поливариантности	69
Принцип полиэтничности	72
Принцип вселенской адресации	72
Интеграционный опыт России как историческое основание традиционалистской перспективы	73
Историческая неизбежность традиционализма	75

ГЛАВА 3. ПОСТМОДЕРН: ПУТЬ В БЕЗДНУ

Актуальность постановки задачи	77
Базовая категория	79
Генезис понятия «постмодерн»	84
Объяснительные модели	91
Объяснительная модель № 1: «Смерть Бога»	91
Объяснительная модель № 2: «Смерть автора»	91
Объяснительная модель № 3: «Либеральный тренд»	92
Объяснительная модель № 4: «Технологический переход»	93
Объяснительная модель № 5: «Технология манипулирования массовым сознанием»	93
Объяснительная модель № 6: «Заговор»	94
Объяснительная модель № 7: «Цивилизационный кризис»	95
Объяснительная модель № 8: «Поколенческая инверсия»	97
Объяснительная модель № 9: «Субпассионарии»	99
Объяснительная модель № 10: «Новый антропологический тип»	100
Объяснительная модель № 11: «Парадигмальный эклектизм» ..	101
Объяснительная модель № 12: «Крах метанарративов»	102
Объяснительная модель № 13: «Смена парадигм, время транзита»	104
Объяснительная модель № 14: «Когнитивный кризис»	105
Объяснительная модель № 15: «Глобализация, или новое вавилонское смешение»	105

Исторические результаты постмодерна: разверзшаяся бездна	106
---	-----

ГЛАВА 4. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ МАТРИЦА НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ: ПРИНЦИПЫ И ОБРАЗЫ

Запрос на новый чертёж российского жизнеустройства	115
Исторический опыт формирования государственной идеологии России	117
Специфика систем жизнеобеспечения российской государственности	124
Цивилизационная матрица российской идеологии	127
Ключевые метафоры	130
Русская мечта	130
Русский ковчег	131
Русский собор	133
Русская сотериология	133
Русское преображение	135
Русский катехон	136

ГЛАВА 5. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: «БЕЛЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ ПАКЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Критерии традиционных ценностей	139
Заповеди и добродетели в традиционных религиях	140
Заповеди и добродетели в идеологиях и национальных культурах	147
Родина	151
Религия, религиозная вера	155
Любовь	158
Жизнь	161
Государство, государственное и общественное служение	163
Суверенитет	168
Труд	170
Традиция	175
Духовность (нематериальность)	176
Закон	177
Природа	183
Соборность, общинность	184
Сосуществование народов	188
Семья	190

История	195
Язык	197
Честь, достоинство	199
Сострадание, милосердие, благотворительность	201
Предки, поколенческое преемство, почитание старших	203
Альтруизм	204
Цивилизационная идентичность, цивилизационное единство	205
Красота	207
Мера	209
Правда	210
Истина	211
Мужество	212
Целомудрие, скромность	212
Верность	213
Священные символы, атрибуты	215
Сакральные откровения, предания, книги	216
Народная цивилизационно-идентичная культура	217
Мир	218
Социальная гармония	220
Земля, территориальная целостность	221
Здоровье	222
Безопасность (защищённость)	223
Народосбережение	225
Общее благосостояние	227
Совесть	228
Познание	231
Творчество	232
Учительство — ученичество	234
Высшая цивилизационно-идентичная власть	235
Заключение	238
Список использованных источников и литературы:	240

Введение

Глобальная политическая борьба в современном мире есть, по сути, противоборство в сфере ценностей. Аксиомахия — великая битва ценностей — такое понятие могло бы быть применено для интегративной характеристики современной ситуации.

Фиксируя факт глобального ценностного конфликта, следует указать, кто с кем конфликтует и какие ценности противопоставляются друг другу. Для войн прошлого это было предельно очевидно. Различия ценностей конфликтующих между собой государств раскрывались по содержанию выдвигаемых ими идеологий.

В «холодной войне 1.0», в отличие от «новой холодной войны», всё в этом отношении было просто: противостояли друг другу либеральная и коммунистическая идеологии, капитализм и социализм, США и СССР, Североатлантический альянс и Организация Варшавского договора. Но после обрушения Советского Союза мир сдвинулся в сторону глобалистического универсализма и однополярности. Идеология как артикуляция ценностей и смыслов замещается постидеологией, устанавливающей ценностные матрицы по принципу «самоочевидности». Навязывается представление о безальтернативности развития. Проводится репрессинг больших смыслов. Посредством представления о безальтернативности легитимизировалась власть бенефициаров от глобализации. Установление модели безальтернативного бытия и позволило в своё время Фрэнсису Фукуяме заявить о наступлении «конца истории».

Человек не существует без ценностей, того, что для него важно. Но ценности всегда дихотомичны, и альтернативность, таким об-

разом, заложена в самой человеческой природе. Лишить человека ценностного выбора было возможно только посредством антропологического инжиниринга. И не случайно навязывание установок глобализации логически перешло на следующем этапе к перспективам трансгуманизма — перекодирования самого человека и цифрового тоталитаризма — установления контроля не только над его поведением, но и сознанием. Общества с атрофированным ценностным выбором, то есть фактически лишённые ценностей, стали быстро и системно деградировать. Перспектива падения человечества в бездну обнаруживалась всё определённое. Она стала очевидной даже тем, кто прежде восторженно приветствовал «победы демократии».

А дальше был поднят бунт. В этом бунте можно найти некие аналоги описываемому в Откровении Иоанна Богослова восстанию непокорных против глобальной власти антихриста. Суть восстания состояла в попытке выйти из задаваемого бенефициаром пути движения к цивилизационной и антропологической смерти. Сказывался ещё не окончательно атрофированный в условиях постмодерна инстинкт самосохранения. Во главе сопротивления встала Россия. В её роли в этом качестве проявлялась историческая память о выдвигаемых альтернативах западной экспансии.

К самой России можно было предъявить серьёзные претензии в связи с коллаборационистским в отношении мирового глобального центра курса 1990-х годов. Но в том то и дело, что власть мирового бенефициара оказалась распространена на весь мир, и все (или почти все) приняли и признали её. Поднимая знамя сопротивления, Россия искупает своими тяготами и жертвами грехи коллаборантского времени. Ключевой вопрос: какие символы должны быть нанесены на это знамя?

До последнего времени имел место факт неприятия ценностей и подходов глобализма, но ценностная альтернатива ему не была сформулирована. Выдвинутая ранее идея многополярности являлась первым шагом в направлении грядущей ценностной альтернативы глобализму. Сама же ценностная альтернатива зарождается сегодня. Эта альтернатива должна противостоять глобализму и связанным с ним процессом расчеловечения по существу. Речь должна идти о фундаментальной дихотомии добра и зла. И в поис-

ке этой альтернативы происходит обращение к аксиологическому фундаменту существования цивилизаций и нравственного восхождения человечества в целом — традиционным ценностям.

Традиционные ценности противостоят ценностям антитрадиционным. Антитрадиционные ценности по принципу «оков Овертона» вначале были легитимизированы как возможное и допустимое, а со вступления в фазу постмодерна стали выдаваться за нормативные и единственно возможные в современном мире. Традиционные ценности подавлялись, высмеивались, выдавались за проявление отсталости и маргинальности. Замена традиционных ценностей на нетрадиционные и антитрадиционные по своей сути напоминала обмен колонизаторов с туземцами стеклянных бус и спиртных напитков на золото и другие драгоценности.

Сегодня вопрос в свете произошедшего стоит уже не только и не столько о сохранении традиционных ценностей, сколько об их восстановлении — ретрадиционализации. Для этого нерелективного восприятия традиционных ценностей по образцу общества домодерна уже недостаточно. Нужно осмысление традиционных ценностей в сопряжении с развитием России и человечества. Сегодня необходима новая, основанная на их фундаменте идеология.

Без ценностей и смыслов общество обречено на распад и возрождение. Вопрос о ценностях и смыслах является в этом отношении вопросом цивилизационного выживания России. Для побед и прорывов России нужна соответствующая опора. По прошествии тридцати лет после распада СССР пришло понимание, что без такой опоры не обойтись. Это осозналось сегодня на уровне высшей власти и всегда понималось на уровне народа. И тот факт, что в настоящее время традиционные ценности оказались вынесены на уровень властного дискурса, является важнейшим индикатором нового идеологического строительства. Инициатива Министерства культуры по разработке и принятию «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» следует рассматривать в качестве первого шага, авангардного боя, развёртывающейся битвы.

Итак, понятие «традиционные ценности» было заявлено. Рубикон перейдён, вектор аксиомагии задан, ценности, традицион-

ные по самому факту их артикуляции, противопоставляются ценностям нетрадиционным и антитрадиционным. Но предстоит ещё самое главное — наполнить понятие «традиционные ценности» конкретным содержанием, создать смысловую мировоззренческую упаковку. Целевой ориентир разработки основ идеологии, построенной на основе традиционных ценностей, и определил замысел представляемой книги. Составление перечня традиционных ценностей и осмысление их в фокусе вызовов современности, исторического опыта и перспектив развития России и человечества являлось основной задачей исследовательского проекта.

ГЛАВА 1.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Мир изменился

Признание Россией ДНР и ЛНР и специальная военная операция на Украине изменили мировую повестку, изменили мир, изменили ход истории. Происходящие события в фокусе боевых действий и отношения России и Запада приковали к себе внимание человечества.

Даже тема ковида в мире как-то быстро ушла в сторону, выдохлась. Появилась шутка о том, что В. В. Путин одним своим решением вылечил человечество. Шутка эта не лишена доли правды. Быстрое свёртывание ковидной темы показало, что в значительной мере она являлась результатом целевой информационной раскрутки. После начала специальной военной операции стало очевидно, что Россия не будет играть по глобалистским правилам, а, соответственно, и поддерживать проект «постпандемического мира». Проект пришлось быстро сворачивать, к большому недовольству мировых элит. Звучащие ещё недавно слова о том, что в условиях пандемии следует ограничить российский суверенитет в пользу Всемирной организации здравоохранения, стали более невозможны. Россия и вовсе пригрозила своим выходом из ВОЗ. И эта угроза означала не что иное, как указание на связанность Всемирной организации здравоохранения с глобалистскими структурами, ве-

дущими борьбу против России. И не только ВОЗ, но и другие международные организации (от ВТО до МОК) обнаружили свою политическую ангажированность.

Итак, Россия более не желает опираться на идеологию глобализации. С сочувствием на Россию, ожидая исхода её конфликта с Западом и мировыми глобальными структурами, смотрит остальное человечество. Но в чём состоит российская повестка? Есть ли у России альтернатива идеологии глобализма, которую бы она предложила миру? Нельзя сказать, что эта альтернатива уже сформулирована. Но её поиск ведётся.

Почему либералы против традиционных ценностей: разбор аргументов

Специальная военная операция ещё ярче высветила важнейшее с точки зрения преодоления идеологической матрицы глобализма событие — принятие традиционных ценностей в качестве духовно-смысловой основы государственной политики Российской Федерации. С инициативой такого установления выступило Министерство культуры. Предлагаемый к принятию документ был представлен в виде Указа Президента об утверждении «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Фактически речь шла ни больше ни меньше как о принятии новой государственной идеологии России. Ранее также Минкульт стал инициатором принятия Основ государственной культурной политики, вызвавших резкую критику со стороны либерального бомонда.

Либеральный бомонд восстал в негодовании и на этот раз. И само по себе это показательно — бурная негодующая реакция со стороны либералов возникает всякий раз, когда возникает пусть даже намёк на выдвижение новой российской идеологии. Идеология задаёт систему ценностей и смыслов, проецируемых на все сферы жизнеустройства. Принятие идентичной идеологии для страны, обладающей крупнейшими ресурсами в мире, великой историей и уникальными человеческими потенциалами, озна-

чает фактически закладку фундамента Русской Победы. А Русская Победа — это крах глобализма как новой исторической модификации идеологии мирового доминирования Запада и мирового господства «избранных».

О либеральной реакции на выдвижения проекта Указа можно получить представление по заголовкам публикаций:

- «Привет, средневековье»;
- «Лукавые инквизиторы»;
- «Атака матрёшек»;
- «О начале культурной изоляции России»;
- «Моральный кодекс строителей консерватизма»;
- «Скрепки кладут на бумагу».

Вместо конструктивного обсуждения, судя по приведённым заголовкам, исходно оппоненты перешли на ругань и приклеивание ярлыков. В этой связи целесообразно было бы вспомнить, что ругань со стороны врагов есть указание на правильность действий, тогда как похвала с их стороны — о том, что предпринимаемые шаги ошибочны. «Если тебя хвалит враг — подумай, какую глупость ты совершил», — предупреждал в своё время один из лидеров немецких социал-демократов Август Бебель. О том же говорил и И. В. Сталин: «Если нас ругают наши враги, значит, мы всё делаем правильно».

Основные аргументы противников принятия Указа сводились к следующему:

1. Это станет установлением цензуры, подавлением свободы творчества.
2. Это приведёт к восстановлению в России тоталитарной системы.
3. Это приведёт к архаизации российского общества.
4. Это приведёт к культурной изоляции России от остального мира.
5. Это приведёт к диктату бюрократии.

Каждый из приведённых аргументов легко опровергается на основании мирового опыта и логики идеологического строительства.

Моральные нормы в отношении культурной продукции существуют и в странах Запада, включая США. Государство и общество

одни культурные произведения поддерживают, другим отказывают в поддержке, третьи запрещают. Различие в подходах задаётся принятием соответствующих моральных кодексов. Пример такого цензурирования в американском кинематографе представляет кодекс Хейса. Без принятия базовых ценностей само по себе распределение культурной продукции на приемлемую и неприемлемую было бы невозможно. Для установления моральных кодексов у американцев существовал пакет ценностей, позиционируемых как американские. Современная объединённая Европа заявляет о существовании пакета европейских ценностей, отражённых в документах Евросоюза. Не для всех европейцев эти ценности приемлемы. Но это не останавливает Евросоюз в их утверждении. Получается, иметь идентичные ценности и реализовывать их в политической и общественной жизни допустимо и США, и Европе, но не допустимо для России.

Без запретов не может существовать ни одно общество. Социогенез, как утверждает историческая социология, и начинается с установления первых табу. Табу в дальнейшем сакрализировались, а их нарушение квалифицировалось в качестве греха. Однако на определённом этапе начинает набирать силу обратный процесс — детабуизации. Зачастую на нарушение табу шли в целях эпатажа, привлечения внимания к своей персоне, гонки самовыражения. Детабуизация стала фактически мейнстримом постмодерна. Активно пользуясь методами детабуизации, часть творческой интеллигенции вместо нравственных ориентиров стала пропагандировать моральное разложение, развращать народ. Очевидно, что для всего круга лиц и группировок, наживающихся на развороте, законодательное установление традиционных ценностей является угрозой для бизнеса.

Без ценностей не может существовать ни общество, ни государство, ни человек. Каждый шаг общественного развития — это по своей сути ценностный выбор. Из принятия государством того или иного пакета ценностей вовсе не следуют, как предупреждают либералы, установления тоталитаризма. Обратимся к первой главе Конституции Российской Федерации, не затронутую, как известно, поправками и представлявшую собой, как было принято считать, предельно деидеологизированное видение основного закона.

Но в этой главе заявляется о демократическом характере государства с республиканской формой правления (статья 1), жизни человека, его правах и свободах как высшей ценности (статья 2), допустимости частной собственности на землю и природные ресурсы (статья 9), светской модели государственности.

Но разве всё перечисленное не является декларацией определённого ценностного выбора? Вместо демократии и республиканской формы правления выбор мог быть сделан в пользу монархии. Монархических государств в современном мире достаточно, и республиканизм не является даже сегодня чем-то универсальным. Определение высшей ценностью человека, его прав и свобод также не универсально и соотносится с либеральной идеологией, принимаемой далеко не всюду. Установление института частной собственности на землю и природные ресурсы — это идеологическая позиция, связанная с капитализмом и отвергаемая, в частности, при социализме.

Светский тип государства также существует не во всех странах, и выбор в пользу него в Конституции 1993 года имел идеологическую природу. Получается, таким образом, что идеология в Российской Федерации существовала и до 2022 года, и речь идёт не о переходе к идеологическому обществу от общества плюралистического и свободного, а о принятии вместо либеральной и космополитической идеологии цивилизационно-идентичной идеологии. Вот этой идеологической трансформации, состоящей в возвращении России в своём жизнеустройстве к самой себе, собственному цивилизационному фундаменту, и сопротивляются либералы.

Обращение к традиции не означает отказа от развития. Традиция — это не ретроградство, не консервация. Она означает преемство между прошлым и настоящим. Преемство же с прошлым вовсе не означает возвращения в прошлое. Развиваться возможно двояким способом: в разрыве с традицией и с опорой на традицию. Развитие с разрывом в отношении к традиции чревато цивилизационными катастрофами. С точки зрения теории цивилизаций, стратагема развиваться в разрыве с традициями не может в принципе не привести к провалу. Традиционные ценности в этом смысле не только не противоречат развитию, но являются его фундаментом.

Угроза культурной изоляции России в связи с принятием ей идеологии, опирающейся на традиционные ценности, действительно существовала. Но и без принятия Указа культурная изоляция была организована. Соответственно, изолируемой Россия оказывалась бы в любом случае, начала ли она с принятия идентичной идеологии, или с военной операции. Начав же не с идеологии, а с военной операции, к идеологии она в любом случае придёт. Изоляция России есть инструмент Запада по установлению барьеров для распространения любой идеологической альтернативы. Впрочем, изоляция эта относительная, так как со стороны незападного сообщества её нет. Более того, именно традиционные ценности оказываются той альтернативой, которую готово принять большинство человечества в противовес устремившемуся в постмодерн Западу. Традиционные ценности имеют отношение к любой цивилизации, и в этом отношении могут действительно стать основой интегральной антиглобалистской идеологии. Вероятно, впервые со времён выдвижения коммунистической альтернативы возникло реальное основание для артикуляции планетарного альтернативного проекта.

Что говорить — бюрократия действительно является одним из главных зол современного бытия России. Она парализует любые процессы, превращает в рутину любую творческую инициативу. Наглядный пример, как можно с помощью бюрократии извратить содержание любого дела, даёт реализация проектов патриотического воспитания. «Казённый», или «аппаратный патриотизм» оборачивался девальвацией патриотических чувств в восприятии молодёжи. Расцвело между тем явление «молодёжной бюрократии».

Но появление идеологии как раз и направлено против бюрократизма. Идеократия сущностно противоположна бюрократии. Идеолог исходит в своих построениях из ценностей и целей, тогда как бюрократ — из средств (инструкций, стандартов, норм, технологий и т. п.). Хотя, конечно, бюрократы могут и идеологию препарировать под бюрократические механизмы. Но сама постановка во главу угла идеологии вместо циркуляра есть путь преодоления бюрократизма и пробуждения пассионарной энергетики масс.

Поднятая либералами шумиха сделала своё дело, сформировав негативное мнение в отношении проекта Указа у части населения.

Тем не менее, по результатам голосования пользователей портала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, разработавшего по заданию Минкульта и разместившего проект Указа для публичного обсуждения, большинство проект Указа поддержало: 100 760 голосов — «за», 78 928 голосов — «против». Учитывая то, что голосовали, прежде всего, лица, кого непосредственно затрагивало действие Указа, то есть та самая «богемная тусовка», результат может быть признан если не хорошим, то удовлетворительным. Впрочем, сама идея голосовать за документ, находящийся ещё в стадии доработки, была по меньшей мере странной. Любая недоработка в этом случае дискредитировала основную идею проекта. В итоге Минкульт приостановил обсуждение проекта Указа. Первое сражение, ввиду недостаточной подготовленности, оказалось проиграно. Впрочем, можно считать, что это была разведка боем. Все те, кто выступали против Указа о традиционных ценностях, выступили в скором времени и против специальной военной операции на Украине.

Актуализация запроса на традиционные ценности в фокусе специальной военной операции

Специальная военная операция на Украине началась через десять дней после снятия с обсуждения проекта Указа Президента об утверждении «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Россия вступила в острую фазу цивилизационного противостояния с Западом. Конфликты такого рода начинаются на уровне ценностей. Специальная военная операция на Украине принципиально актуализировала вопрос об артикуляции российской системы ценностей, альтернативных ценностям противника. Стало предельно очевидным, что победить врага, опираясь на ценности врага, невозможно.

Запад смог обеспечить своё доминирование в мире посредством ряда факторов: военно-технического преимущества, монополизации контроля за мировыми финансами и превращения в глобального эмитента, обеспечения информационной и, как следствие,

культурной гегемонии. Но был ещё и фактор идеологический. Запад сумел выдвинуть и сформулировать идеологию, получившую глобальное распространение и утверждавшую его приоритетность. Такой идеологией стал либерализм. Его сила состояла именно в том, что он не ограничивался какими-либо сообществами или регионами, а мог быть адресован при соответствующей адаптации к каждой стране мира. Не было страны, в которой бы не имелось своих либералов. Фактически же либерализм работал геополитически на гегемонию Запада, а понятие «либерал» было синонимично «западнику».

Советский Союз сумел сделать то, чего не удавалось ни одному другому незападному государству мира. Им была выдвинута глобальная идеология, альтернативная идеологии либерализма. Коммунистическое движение до наступления внутренних расколов геополитически работало на СССР, равно как либеральное работало на Запад.

Российская Федерация с начала 1990-х встала под идеологический зонтик Запада. Либерализм со временем стал, впрочем, в России ругательным словом и синонимом несuverенности. Приблизительно с 2012 года на властном уровне начался период активных идеологических поисков. Были произнесены слова о духовных скрепах, государстве-цивилизации, патриотизме как национальной идее. Но глобальная идеологическая альтернатива выдвинута так и не была. В лучшем случае можно было говорить о региональных идеологемах, таких как, например, евразийство. На это, как на слабость России, указывали и противники. «Мы, — заявлял 44-й президент США Барак Обама, — не вступаем в новую «холодную войну». Ведь Россия, в отличие от Советского Союза, не возглавляет блок государств, не представляет глобальную идеологию».

В том же духе высказывался старый враг России, один из основателей трёхсторонней комиссии Збигнев Бжезинский: «Чтобы быть военным противником США в мировом масштабе, России придётся выполнять какую-то миссию, осуществлять глобальную стратегию и, возможно, обрести идеологическую основу. Это представляется мне маловероятным... Если говорить коротко, ту тотальную мобилизацию, которую советский строй смог на-

вязать России, очень трудно будет обосновать и узаконить при отсутствии крепкого и всеобъемлющего идеологического фундамента».

Обращение к традиционным ценностям имеет основание заложить такого рода фундамент. Но для того, чтобы это обращение перешло на уровень глобальной идеологической альтернативы, требуется большая работа. Тем не менее, суть новой идеологии можно уже определить в общих чертах и сегодня. Существуют базовые традиционные ценности для человеческого рода. Это традиционные ценности первого уровня. В них человечество едино, и на фундаменте этого единства возможна его консолидация против угроз расчеловечивания.

Второй уровень традиционных ценностей — цивилизационный. На этом уровне обнаруживаются различия между человеческими сообществами. Пакеты традиционных ценностей для разных цивилизаций могут различаться между собой. Традиционные ценности России будут отличаться от традиционных ценностей Индии, Китая или Европы. Сохранение традиционных ценностей как в цивилизационном, так и во всечеловеческом измерении и составляет суть призыва к человечеству. Этой установке противостоят сегодня ценности глобализма, постмодернизма и неофашизма. Они положены в основание формируемой глобальной антицивилизации, направленной против любой из существующих цивилизаций. Если цивилизации основываются на фундаменте традиционных ценностей — всечеловеческих и цивилизационных, то антицивилизация — на их отрицании.

Идентичные ценности как основа суверенитета России

Суверенитет государства начинается с суверенной системы государственных ценностей. При этом далеко не всякое из позиционируемых в качестве суверенных государств современного мира обладает реальным суверенитетом. Первым и главным признаком суверенности является суверенитет в приверженности собственным идентичным ценностям.

Система государственного управления выстраивается соответственно с аксиологическим подходом, в следующей алгоритмизированной последовательности: ценности — цели — проблемы — средства — результат. Государство руководствуется исходно определённым набором ценностей, которые, если это государство цивилизационно-идентичное, разделяются большинством народа. На основе идентичных ценностей формируются цели как идеал, к которому устремляется общество. На пути к достижению цели возникают различные препятствия, понимаемые в качестве проблем. К проблемам относятся и продуцируемые внешней средой угрозы. Разрешение проблем выводит на нахождение средств, которыми могут быть конкретные управленческие решения, нормативные акты, методы, технологии. Это клавиши, нажимая на которые, собственно, и реализуется государственное управление. Итог — достижение некоего результата, отражающего суверенитет соответствующего государства.

Суверенитет в системе государственного управления оказывается сопряжён с суверенными ценностями. Соответственно, поражение суверенитета заключается в лишении государственного управления идентичных ценностных оснований. Запрет идеологии является одним из способов такого поражения. Но в действительности неидеологичных, то есть лишённых каких-либо ценностных оснований, государств не существует и не может в принципе существовать. Чаще всего за ширмой деидеологизации происходит по факту принятие по принципу «само собой разумеющейся» идеологии внешнего актора. Выстраивается система внешнего управления. Широкий ряд номинально суверенных государств современного мира, вставая под зонтик глобального идеологического проекта, фактически отказывался от своего суверенитета. Традиционные ценности противопоставляются в этом отношении глобалистским ценностям, выражая аккумулятивно стратегию суверенитета в противовес установке десоверенизации, связываемой с включённостью в глобальные тренды.

Поражение системы суверенного государственного управления как лишение государства его идентичных ценностных оснований может осуществляться и иначе. Идентичные ценности государства могут быть не только заменены ценностями внешних

политических акторов, но и блокированы бюрократией. Бюрократия не мыслит стратегически. Она руководствуется инструкцией, стандартом, нормативом, теперь ещё и описанной в учебниках менеджмента технологией. Сами по себе инструкции и стандарты необходимы для системы управления, но применяться они должны на своей стадии управленческой цепочки. В сознании же бюрократа средства — инструкции, стандарты, нормы — становятся самостоятельной ценностью и целью. Такая подмена приводит к отделению идеологий от реальной политики. Идеологические декларации могут даже иметь широкое распространение, но к реалиям государственного управления никак не относиться. Важно в этом смысле не только заявить традиционные ценности, но и создать механизм их практического воплощения.

Обрушение идеологических столпов несуверенного развития

Будет ошибкой утверждать, что современное российское государство, в отличие от советского, не имеет идеологии. Государств без идеологии не может в принципе существовать. Весь вопрос — какая это идеология? Государственная власть в любом случае руководствуется неким набором идей и ценностей и в этом отношении всегда идеологично, даже если принимаемые им идеи и ценности не принимаются большинством или принимаются латентно. Таким образом, речь идёт не о введении идеологии, а о замене несuverенной идеологии идеологией российского цивилизационного существования.

Идеология, принятая государственной властью с начала 1990-х годов, характеризовалась следующими смысловыми позициями: либерализм, западноцентризм, капитализм, социал-дарвинизм и антисоветизм. По прошествии времени все эти столпы зашатались.

Первым рухнул столп либерализма. Быть либералом стало фактически означать быть антигосударственником, врагом России.

Западноцентризм не мог не рухнуть в условиях санкций, а фактически вступления в острую фазу цивилизационной войны Рос-

сии с Западом. Западнические бастионы, безусловно, ещё сохранились, но как идеология западничество перестало быть уместным.

Социал-дарвинизм из сознания элит, противопоставляющих себя «нищелюдам», не был вытравлен. Но уже публично своё пренебрежение народом высказывать стало, как минимум, не принято. Это завершилось после так называемой «революции норковых» 2011–2012 годов. Обнаружилось, что те, кто относятся к народу как к «быдлу», «ватникам», «анчоусам», относятся враждебно и к российскому государству.

Столп капитализма по-прежнему подпирает основание системы. По-прежнему управление приравнивается к менеджменту. По-прежнему рынок рассматривается как исходное и неизбежное условие. Но капитализм как систему сильно лихорадит не только на национальном, но и глобальном уровне. О необходимости отказа от капитализма заговорил даже Римский клуб, уж на что, казалось бы, глобалистская организация. Об исчерпанности современной модели капитализма заявил в 2021 году и Президент России В. В. Путин. Капитализм обнаружил особую нефункциональность в чрезвычайных ситуациях цивилизационной войны. И вот уже на уровне властного дискурса заговорили об антирыночной рецептуре — государственном планировании, национализации, монополизации внешней торговли и внутреннего обмена, автаркизации и т. п.

Антисоветизм из идеологической повестки, конечно, никуда не ушёл. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к антисоветским образам российского кино. Даже история Великой Отечественной войны не обходится без антисоветизма, возмущающего ветеранов. Мемориальная политика, репрезентуемая памятниками белогвардейцам, также может служить соответствующей иллюстрацией. Но шаг за шагом запросы на позитивные советские образы возрастают. Даже Сталин не даётся сугубо отрицательно, а представляется мудрым стратегом и управленцем (эффективным менеджером). Советский период истории был важнейшим звеном истории российской цивилизации, и советофобия неизбежно переходила в русофобию. Между тем, народ в своих симпатиях оставался преимущественно советским. И вот уже и на уровне власти начинается поиск нового исторического нарратива. 2022 год стал

временем окончательного разрыва с прежней идеологией. Острота возникшей вокруг России ситуации требует, чтобы современный период затянувшегося идеологического транзита был завершён в ближайшее время.

Опыт российского идеологического строительства

Публично заявляемая деидеологизация могла вызвать представления, что время идеологий прошло. Действительно, идеология публично не манифестировалась, как это было в советское время. Но это не значит, что она отсутствовала. Сменились формы имплементации идеологии в практику. Получил распространение феномен постидеологии как модификации идеологии в период постмодерна. Постидеология представляет собой неартикулируемую идеологию. Ценности принимаются не как выбор на развилке, а как нечто само собой разумеющееся. К таким самоочевидным положениям относится, например, рынок, как будто бы альтернативы построения экономики не на рыночной основе и не существует. В действительности же ничего самоочевидного нет. «Самоочевидность» заявляется тогда, когда пытаются запретить иное.

Но постидеология более не устраивает. Возник запрос на артикуляцию ценностей и смыслов России. Курс на ресуверенизацию России с необходимостью задаёт и реидеологизацию.

Выдвижение Россией идеологии традиционных ценностей является сегодня ответом на вызов цивилизационной войны со стороны коллективного Запада. И прежде в истории она генерировала идентичные идеологии, отвечая на такого же рода вызовы. В этой логике «вызов Запада — ответ России» описывал развитие российской цивилизации А. Дж. Тойнби. Причём, ответ давался не на региональном уровне, а в масштабе человечества. Запад нёс, сообразно с российским видением, некие всечеловеческие угрозы. Россия, соответственно, отвечала сущностной повесткой развития всего мира. Первоначально, в рамках средневекового эсхатологического дискурса латинский Запад определялся в русском восприятии падшей частью мира, где находится престол Сатаны.

Оттуда и должен будет прийти на погибель мира антихрист. Отвечая на эту угрозу, на Руси генерируется идеология, в центре которой находится положение о государстве-катехон — удерживающем. Концепт Третьего Рима был в основе своей катехоноической доктриной. Государство-катехон удерживало мир от наступающего зла. Пока это праведное государство существует, зло не может окончательно восторжествовать. И функции удерживающей силы брало на себя Московское царство.

Триада новой идеологии, сформулированной в правление Николая I — «православие, самодержавие, народность», являлась ответом на идущую с Запада дехристианизацию. Об этой угрозе прямо заявлял император в манифесте 1848 года, изданном в связи с событиями в Европе. Европа первая из цивилизаций пошла по пути секуляризма, транслируя секулярные позиции вовне. Фактически Россия и человечество в целом сталкивались с идущей с Запада пропагандой безбожия. Выдвигаемая Россией идеология православной государственности («православие, самодержавие, народность») являлась альтернативой европейскому секуляризму.

Эпоха модерна задала новые адресуемые человечеству вызовы. Главным из них был вызов глобального распространения системы капитализма. Эта система, в ядре которой находились прибыль и конкуренция, приводила к фундаментальному искажению сущности человеческих отношений. Капитализм пожирал одну страну за другой. Извращалась сама природа человека. Идеологическим ответом России на этот вызов стал советский коммунизм. В реалиях цивилизационного подхода это был русский коммунизм как соединение коммунистического учения с традициями общинного бытия в России. Советская идеология заявляла о возможности жить иначе, чем при капитализме, о развитии не на основе конкуренции, а на основе солидаризации. Антропологическим измерением советско-российского ответа XX века являлось преодоление отчуждения человека от своей сущности при капитализме.

И сегодня Запад продуцирует глобальные угрозы для человечества. Аккумулировано эти угрозы выражаются в распространении установок постмодерна, представляющем собой перспективу расчеловечивания человека. И вновь возникает запрос на аль-

тернативную в отношении этого вызова идеологию. И вновь этот запрос адресуется России. Если исходить из логики альтернатив, то новая российская идеология должна быть антиподом идеологической повестки современного Запада. Соответственно, постмодерну, с его установками на релятивизацию, ценностные смещения, потребительство и однополые браки, должна быть противопоставлена фундаментальная, адресуемая всему человечеству русская альтернатива. И этот запрос приводит к традиционным ценностям. Именно традиционные ценности и есть идеологический антипод ценностям постмодерна.

Перечень традиционных ценностей нуждается в уточнении

И вот в самом начале 2022 года Министерством культуры был подготовлен проект Указа Президента об «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Проект был представлен на общественное обсуждение. Само понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» появилось в правовом пространстве не впервые. Ранее соответствующий раздел об их защите был внесён в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. Разработанный Министерством культуры документ корреспондировал с принятой ранее Стратегией, вплоть до переноса из неё отдельных смысловых положений. Так, к примеру, в проект «Основ...» было взято положение об угрозе для традиционных ценностей деятельности США и их союзников, транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих, экстремистских и террористических организаций. Критики обрушились на это положение в минкультовском документе, обвиняя разработчиков в искусственном нагнетании конфликта с Западом в сфере культуры. Но Министерство культуры в данном случае не более чем соотнесло содержание документа со Стратегией национальной безопасности. Но разве не должны соотносить со Стратегией национальной безопасности свою деятельность все институты государственной власти? Разве не является Стратегия

национальной безопасности интегративным для государства и общества документом?

Сам ориентир — традиционные ценности — был выбран разработчиками Министерства культуры в качестве основы нового идеологического строительства (если правильна сама оценка задач проведённой разработки) верно. Идеология в своей основе — это ценности. Для защиты цивилизационной идентичности России должны быть взяты именно ценности традиционные.

Другое дело — предложенный разработчиками перечень традиционных ценностей. В исходной версии документа перечень традиционных ценностей был представлен следующим образом:

- жизнь;
- достоинство;
- права и свободы человека;
- патриотизм;
- гражданственность;
- служение Отечеству и ответственность за его судьбу;
- высокие нравственные идеалы;
- крепкая семья;
- созидательный труд;
- приоритет духовного над материальным;
- гуманизм;
- милосердие;
- справедливость;
- коллективизм;
- взаимопомощь и взаимоуважение;
- историческая память и преемственность поколений;
- единство народов России.

Из приведённого перечня было не ясно, на каком основании те или иные ценности оказались в нём и почему они оказались соединены в рамках одного аксиологического пакета. Традиционные ценности — это ценности, связанные с традицией и/или традиционным обществом, а, соответственно, они не могут заявляться по принципу «за всё хорошее и против всего плохого». Существуют ценности, принадлежащие к другим мировоззренческим пакетам, по отношению к которым определение «традиционные» неприменимо.

Так, права и свободы человека есть важный ценностный ориентир современного конституционного права. На нём в основном концентрируется идеология классического либерализма. В коммунистической теории права и свободы человека рассматриваются в качестве программного положения буржуазных революций, базового компонента программы-минимум. Но это ценность не традиционная.

Также нельзя отнести к традиционным ценностям гуманизм. Гуманистическая философия возникла на определённом историческом этапе. В мировоззренческом плане гуманизм пришёл на смену теоцентризму. Кто-то считает, что такой переход стал фактором духовного развития, кто-то оценивает его критически. Речь в данном случае не о том, хорошо это было или плохо, а том, что эта ценность другого аксиологического пакета нежели традиционные ценности.

Формирование ценностей гуманизма было сопряжено со временем Ренессанса. Сложилось устойчивое клише об эпохе Возрождения как высшем проявлении освобождённого от средневековых пут свободного человеческого духа. Акцентировалось внимание на блестящих плеядах поэтов, художников, скульпторов, при игнорировании общего контекста их деятельности. Между тем, пропаганда возрожденческого гуманизма коррелировала с небывалым для христианской Европы уровнем духовного разложения общества. Для реконструкции данного состояния достаточно обратиться к свидетельству Николо Макиавелли: «Ныне же никто не может искупить крайней нищеты, гнусности и позора: в тираниях сих не почитается религия, не соблюдаются законы и отсутствует армия; теперь они замараны всякого рода мерзостью. И пороки их тем более отвратительны, что больше всего они гнездятся в тех, кто восседает *pro tribunal*, кто командует другими и кто желает быть боготворимым».

Возрожденческий гуманизм обернулся в повседневной жизни ренессансного человека тривиальным эгоизмом, близким к солипсической патологии. Э. Фромм реконструировал психологический тип людей эпохи Ренессанса следующим образом: «Они пользовались своей властью и богатством, чтобы выжать из жизни все радости до последней капли; но при этом им приходилось применять все

средства, от психологических манипуляций до физических пыток... Все человеческие отношения были отравлены смертельной борьбой за сохранение власти и богатства. Солидарность с собратьями или, по крайней мере, с членами своего класса сменилась циничным обособлением; другие люди рассматривались как «объекты» использования и манипуляций либо безжалостно уничтожались, если это способствовало достижению собственных целей. Индивид был охвачен страстным эгоцентризмом, ненасытной жадностью богатства и власти». Своеобразную роль Нового Вавилона, ныне адресуемую США, в ренессанскую эпоху брала на себя Венеция.

Религиозный вызов возрожденческого гуманизма заключался в уподоблении человека Богу. От идеи богоподобности европейский человек перейдет затем к идее богоборчества. Обожествление человека в Ренессансе осуществлялось не в виде его одухотворения, а в превознесении на уровень Бога собственной человеческой природы. Наиболее иллюстративно такой подход афористически раскрывается в творчестве представителя флорентийских платоников XV в. Марсилио Фичина. Слова проводимой им апологии человека вполне могли бы стать манифестом богоборчества: «Человеческое могущество почти подобно божественной природе; то, что Бог создаёт в мире своей мыслью, человеческий ум замышляет в себе посредством интеллектуального акта, выражает посредством языка, пишет в книгах, изображает посредством того, что он строит в материи мира... Человеку нужно небесное могущество, чтобы подняться до неба и измерить его... Человек не только использует стихии для служения ему, но чего никогда не делает животное, он покоряет их для своих творческих целей. Если божественное проведение есть условие существования космоса, то человек, который господствует над всеми существами, живыми и неживыми, конечно, является некоторого рода Богом». Характерно, что А. Ф. Лосев интерпретировал Ренессанс в качестве проекции идеи титанизма. Титанизм же, в свою очередь, соотносился с докосмологическим миром хаоса, первозданным бесформенным материальным субстратом.

Не может быть отнесён в силу размытости внутреннего содержания к традиционным ценностям и ориентир справедливости. То, что считать справедливым или несправедливым, разные общности, социальные группы, да и отдельные люди вкладывают свой

собственный смысл. Ещё Аристотель противопоставлял друг другу подходы уравнительной и распределительной справедливости. Первый исходил из понимания, что справедливо распределять всем поровну, второй — что справедливо распределять по результатам. Можно выделить и третий подход — статусную справедливость. Сообразно с ним, справедливым будет распределение, сообразное с социальным статусом. Заявив традиционную ценность, справедливость, не будет элементарно понятно, о чём содержательно идёт речь.

(справедливость как традиционную ценность?)

Ввиду различия понимания, что справедливо, этот ориентир не может стать интегративным и попытки его выдвижения неизбежно приведут к эскалации конфликта. Требуя справедливости к себе, человек этически встаёт либо в карающей части на установку «око за око», либо в вознаграждающей — «ты мне, я тебе». Часто, впрочем, говоря о несправедливости, люди подразумевают реальные проблемы. И, казалось бы, следовало и говорить конкретно об этих проблемах. Но они оказываются нивелированы мало содержательной абстракцией — жизнь несправедлива.

В отношении категории справедливости используются одновременно две мифологемы. Первая мифологема связывает её имманентно с русской идеей, ценностными ориентирами русского народа, его ментальностью. Вторая — с советским проектом построения соответствующего типа государства. В противоречии с первой мифологемой, в рефлексии русского народа категория справедливости отсутствовала и получила распространение, причём достаточно ограниченное, сравнительно поздно. В противоречии со второй мифологемой, в советско-марксистской теории категория справедливости не использовалась и, более того, относилась к буржуазным попыткам установления межклассовой гармонии, подменяющей идею классовой борьбы.

Справедливость является категорией этической, задающей представление о должном. Но представление о должном вступает, во-первых, в конфликт с реальным, которое несправедливо априори, поскольку справедливость есть идеал; а, во-вторых, в конфликт с другими представлениями о должном. Конфликт и манипуляции при использовании категории справедливости оказываются запрограммированы. Построить общество на ценностном

фундаменте справедливости оказывается, таким образом, по меньшей мере затруднительно.

Акцентированный разбор раскрытия этой категории содержится в книге: *Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Справедливость VS Любовь. Идеалы общественного строительства: историко-культурные и философские основания* : монография. М. : Отчий дом, 2020. 240 с.

Странно выглядит отнесение к традиционным ценностям гражданственности. Если гражданственность синонимична служению Отечеству и ответственности за его судьбу, то это — дублирование. Если же речь идёт о связи с институцией гражданского общества, то это явно не должно относиться к списку традиционных ценностей. Гражданское общество формируется в рамках определённого типа политической культуры. Московское царство, к примеру, гражданского общества не знало. Сложно обнаружить гражданское общество в Российской империи и в СССР. Не обнаруживается оно и в восточных цивилизациях. Есть, наконец, третий вариант трактовки гражданственности в связи с гражданством. Но и этот институт, хотя и существовал в Древней Греции и в Древнем Риме, получил сравнительно позднее распространение в мире. Исторически ему предшествовал институт подданства. Следовательно, ни к традиции, ни к традиционному обществу, а, соответственно, традиционным ценностям гражданственность не может быть отнесена.

Уточнена применительно к традиционному ценностному пакету должна быть и ценность коллективизма. Коллективизм — это ценность периода модерна. Жить и трудиться в коллективе — такой ориентир был исторически контекстен индустриальному периоду. Коллективизм как коммунистическая ценность выступил альтернативой либеральной ценности индивидуализма. Традиционному обществу, безусловно, ближе коллективизм. Но сказать, что коллективизм является традиционной ценностью, было бы некорректно. Объединение в коллектив для совместного труда существовало при любом общественном строе. Само по себе такое объединение ценностью для традиции не являлось.

Традиционной ценностью было объединение на принципах любви и духовного восхождения. Для этого в русской мысли использовалось понятие «соборность». Определённые аналоги это-

му явлению были и в других культурах. Речь шла не просто о коллективности, а о духовной, основанной на традиционных религиях общности. Грань между соборностью и коллективизмом важно провести для того, чтобы избежать размывания понимания традиционных ценностей. Вместе с тем, в перечне традиционных ценностей Министерства культуры не нашлось совсем места для аксиологии религиозной веры. Понятно, что это бы вызвало критику радикальных секуляристов. Но без религиозного основания понять генезис традиционных ценностей — вне зависимости от того, о какой цивилизации идёт речь — невозможно.

То, что разработчики Указа сделали важный шаг на пути обретения Россией новой идеологии, не вызывает сомнений. Этот шаг можно даже назвать героическим ввиду того, что они, сделав его, вызвали огонь на себя. Но всё-таки перечень традиционных ценностей нуждается в доработке.

От ценностей к смыслам

Но и перечня самого по себе недостаточно. Традиционные ценности могут быть объединены на основе разных смысловых парадигм. Можно даже говорить о разных идеологиях (или, как говорят сегодня, о разных метанарративах). Вопрос об идеологических парадигмах в тексте «Основ...» обходится вниманием. И, вероятно, это было оправданно как тактическими соображениями, так и форматом документа. Но с этого вопроса в рамках грядущего идеологического строительства и следует начинать.

Из значимых идеологий принципиально несовместим с традиционными ценностями только либерализм и его производные. Либерализм опирается на образ человека-индивидуума и приоритетность ценности либеральных свобод. Эти установки либеральной идеологии вступают в противоречие с традиционными ценностями, и компромисс здесь без отказа от ценностной платформы невозможен. Исторически либеральный проект и состоял в последовательном разрушении бастионов традиционных ценностей.

Но традиционные ценности могут быть систематизированы на основе других идеологий, имеющих между собой существен-

ные различия — социал-консерватизма, национализма, русского коммунизма, религиозного фундаментализма и традиционализма. Очевидно, что каждый из перечисленных вариантов выводит на разные модели общественного строительства. Используя общий пакет традиционных ценностей, каждая из перечисленных идеологий имеет собственное видение их иерархии. Какие из традиционных ценностей более и какие менее важны? Ответить на этот вопрос можно по-разному. Один вариант — семейные ценности, и мы имеем дело с социал-консерватизмом. Другой вариант — собственная идентичная общность, и на этой основе будет выстроена идеология национализма. Третий вариант ответа — соборность, которая окажется ключевой ценностью в рамках идеологии русского коммунизма. В рамках четвертого варианта — идеологии фундаментализма — базовой ценностью оказывается религиозная вера, возможность обращения человека к Богу. Наконец, в пятом варианте главной ценностью окажется сама традиция, и на этой платформе будет выстроена идеология традиционализма. В любом случае шаг в направлении идеологического конструирования совершить необходимо.

Само по себе обращение к категории ценностей приводит к необходимости применения дихотомического подхода. Ценность — это всегда вопрос выбора. Животные не имеют ценностей, так как руководствуются рефлексам и биологической программой. И только человек может выбирать. По любой из жизненных ситуаций делается выбор, определяемый ценностями человека. Развилку же выбора можно свести к дихотомиям — прямо противоположным решениям. В итоге систему выбора можно свести к развилке между добром и злом. При этом для разных аксиологических систем добро и зло могут различаться. Важно в этом отношении определиться, что есть добро и зло в аксиологии традиционных ценностей.

К ключевым дихотомиям при формировании новой идеологии России с опорой на традиционные ценности могут быть отнесены следующие оппозиции:

- патриотизм vs космополитизм;
- соборность vs индивидуализм;
- труд vs рента, присвоение, паразитизм;

- взаимопомощь vs конкуренция;
- преемственность поколений vs поколенческие революции;
- приоритет духовного над материальным vs приоритет материального, принцип рентабельности;
- идеалы vs прагматичность;
- суверенитет vs интеграция в мировое сообщество;
- цивилизационный подход vs универсальность истории.

Традиционные ценности в мировом праве

Насколько сама попытка построения идеологии России с опорой на идентичные российские традиционные ценности является шагом исторически беспрецедентным? Может быть, критические пороги универсализации мира уже были пройдены? Естественно, либеральные критики заявили, что разработчики «Основ...» предлагают совершить нечто по международным меркам невыполнимое. Будто бы, утверждают они, поставив во главу культуры российские традиционные ценности, Россия автоматически пойдёт на разрыв с миром. Как известно, разрыв с Западом состоялся и без принятия Указа о защите традиционных ценностей.

Тезис же о беспрецедентности легко опровергается обращениями к высшему уровню национальных законодательств, выражаемых Конституциями. Несмотря на внесение соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации, она по-прежнему содержит парадигмальные принципы либеральной модели, определяющей основы конституционного строя (глава 1). Но вот Конституция исламской Республики Иран от начала до конца выстроена в соответствии с идеологией религиозного фундаментализма. Могут возразить, что Иран является плохим примером, тогда как в Европе таких аналогий найти невозможно.

Обратимся в таком случае к Конституции Ирландии — стране — члену Европейского Союза. Преамбула Ирландской Конституции и статья 1 главы 1 «Народ» дают исчерпывающий ответ, что прецеденты защиты идентичных ценностей на высшем законодательном уровне в странах мира, в том числе и в странах Европы, существуют: «Во имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все

власти и к которой как к нашей последней надежде должны быть направлены все действия человека и Государства, Мы, народ Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господином Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в столетиях испытаний, вспоминая с благодарностью и непрестанную борьбу за восстановление независимости нашего народа и стремясь способствовать общему благу с должным уважением к Благоразумию, Справедливости и Милосердию, с тем чтобы были обеспечены достоинства и свободы человека, достигнут подлинный социальный порядок, восстановлено единство нашей страны и достигнуто согласие с другими народами, таким образом одобряем, издаем и устанавливаем для себя эту Конституцию.

«Статья 1. Ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями».

Получается, что для Ирландии защищать на уровне Конституции свои ирландские (права?) возможно и допустимо, а для России — неприемлемо. Конечно, Россия не Ирландия, и последствия российского идеологического обновления будут мировыми. Но то, что допустимо в системе международного права для одних, должно допускаться и для всех.

Понятие «традиционных ценностей» есть и в международном праве. Сам по себе этот факт не должен иметь никакого значения для суверенного государства. Но в полемике с либералами и постмодернистами на него уместно сделать ссылку.

В систему международного права понятие «традиционные ценности» вошло с 2011 года. Советом по правам человека ООН была принята специальная Резолюция, отражающая в самом названии документа указанную категорию: «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества».

Протицируем соответствующий фрагмент Резолюции: «... подтверждая, что все культуры и цивилизации в своих традициях, обычаях, религиях и верованиях имеют общий набор ценностей, при-

надлежащих всему человечеству, и что эти ценности вносят важный вклад в развитие норм и стандартов в области прав человека, подчёркивая, что на традиции нельзя ссылаться в оправдание вредных видов практики, нарушающих универсальные нормы и стандарты прав человека ... подтверждает, что достоинство, свобода и ответственность являются традиционными ценностями, которые разделяет всё человечество и которые закреплены в универсальных договорах по правам человека; признаёт, что более глубокое понимание и уважение этих ценностей способствуют поощрению и защите прав человека и основных свобод; отмечает важную роль семьи, общины, общества и образовательных учреждений в утверждении и передаче этих ценностей, что способствует поощрению уважения прав человека и повышению степени их принятия на низовом уровне и призывает все государства укреплять эту роль путём принятия соответствующих позитивных мер ... »

Разработчики Резолюции попытались соединить традиционные ценности с правами человека, на апелляции к которым выстраивалось здание Организации Объединённых Наций. К традиционным ценностям были отнесены в документе права и свободы человека. Не исключено, что в силу этой трактовки в Резолюции Совета по правам человека — межправительственного органа в структуре ООН, права и свободы человека оказались и в перечне традиционных ценностей документа Министерства культуры. Такой тактический приём мог быть использован для преодоления сопротивления либерального бомонда: смотрите, традиционные ценности принимаются даже на уровне ООН, и к ним (успокойтесь) относятся права и свободы человека.

Показателен раскол, произошедший при голосовании за Резолюцию. За принятие Резолюции голосовали: Ангола, Бангладеш, Бахрейн, Буркина-Фасо, Гана, Джибути, Замбия, Иордания, Камерун, Катар, Китай, Куба, Кыргызстан, Мавритания, Малайзия, Мальдивские Острова, Нигерия, Пакистан, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Сенегал, Таиланд, Уганда, Эквадор. Против высказался следующий круг стран: Бельгия, Венгрия, Испания, Маврикий, Мексика, Норвегия, Польша, Республика Корея, Словакия, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединённые Штаты Америки, Франция, Швей-

цария, Япония. Воздержались при голосовании: Аргентина, Бразилия, Гватемала, Республика Молдова, Украина, Уругвай, Чили. В отношении к традиционным ценностям, таким образом, чётко обозначилось расхождение позиций стран «золотого миллиарда» и остального человечества. Среди воздержавшихся обнаруживается кластер стран Латинской Америки. Россия при голосовании оказалась вместе с остальным незападным миром. Расклад по голосованию наглядно иллюстрирует, кто сегодня стоит преимущественно за традиционные ценности, а кто — за ценности постмодерна.

Прогнозируемые последствия

К каким последствиям для страны может привести принятие новой идеологии, основанной на традиционных ценностях? Если идеология будет не только словами, а слова окажутся связаны с реальной управленческой практикой, последствия окажутся фундаментальными. Рассмотрим логику неизбежных при принятии традиционных ценностей трансформаций по сферам жизнеобеспечения. Вывод очевиден — традиционные ценности зададут логику системного преобразования России.

Таблица 1.

Системные последствия принятия новой идеологии, опирающейся на традиционные ценности России

Сфера	Последствия
Экономика	Ревизия системы спекулятивной экономики; уход от рыночного фундаментализма и антропологии «человека экономического»; формирование этики труда
Социальные отношения	Противодействие сетевой фрагментаризации; нормативизация понятия «грех» и формирование неприятия в обществе аморального поведения

Культура	Система культурных табу; целевая поддержка цивилизационно-идентичной культуры; развитие нравственных ориентиров в обществе
Педагогика	Пересмотр подходов индивидуалистической педагогики; новое человекостроительство с опорой на традиционные ценности
Образование	Формирование целостного мировоззрения; новые учебники по истории и другим гуманитарным дисциплинам
Наука	Целевая поддержка цивилизационных и россицентричных подходов в обществоведении
Национальные отношения	Формирование цивилизационной идентичности с русским культурным ядром и симфонией отношений между братскими народами

От слова — к практике

Не все, впрочем, поверили, что инициатива Минкульта с традиционными ценностями — это всерьёз. Получило распространение мнение, что весь дискурс вокруг традиционных ценностей — не более чем слова. С откровенным скепсисом в отношении претендующего на идеологию месседжа выступил, к примеру, известный своими либеральными воззрениями писатель, внесённый Министерством юстиции России в реестр иностранных агентов, Д. Л. Быков: «Руководитель Минкульта — человек из театральной среды. Она понимает, что сейчас надо заниматься большим театральным проектом. Большой театрализацией реальности. Совершенно очевидно, что ни она сама, ни кто-либо из российского руководства не верит в изложенные в этом документе вещи. Поскольку эти положения на каждом шагу противоречат нашей государственной практике и нашей государственной идеологии. Со-

ответственно, надо заниматься имитацией. И в качестве имитатора, стилизатора она довольно успешна. И когда в довольно скором времени она будет стране и миру объяснять такое своё поведение, она будет говорить именно об этом — мы занимались театрализацией реальности, как в своё время занималась этим Таганка.

Они хотят добиться ощущения работы. Допустим, что Минкульт не хочет работать, а занимается имитацией работы. Но ведь практически все госорганы в России занимаются имитацией работы... Ну что здесь нового?

Думаю, что, демонстрируя всё уродство современного управления, они и дальше будут прибегать к близким им приёмам театрализации. Естественно, что мы увидим много ещё директив, утверждающих, например, библейские ценности. Ну и ради Бога! Вперёд! Мне любая деятельность государства, которая не связана с императивными репрессиями, с расстрелами, представляется допустимой. То есть чем бы дитя ни тешилось... Ведь разговаривать — это одно дело. Другое дело — осуществлять. Мне больше нравится ситуация, когда государство что-нибудь делает, а вся страна над этим хохочет. Это очень, конечно, способствует государственному лицемерию, но в то же время укрепляет скепсис в отношении государства. А скепсис — это такой антисептик. Скепсис — это полезно. Чем больше у нас будут смеяться над государственными установлениями, тем трезвее и совершеннее будет наша внутренняя жизнь».

Быков не верит, что за словами последуют реальные дела. И, надо признать, что угроза — остаться всем важным посылам о традиционных ценностях на словах — реально существует. Навык идеологического лицемерия чиновниками выработан. Позавчера они говорили о комсомольских проектах, вчера — о рынке и международной интеграции, сегодня — о менеджменте и лидерских технологиях, завтра будут говорить о традиционных ценностях России. Поэтому и вопрос о механизмах реализации — перехода от идеологем к их практическому воплощению — столь же важен, как и формулировка самой идеологии.

«Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», если рассматривать их в качестве управленческого доку-

мента, нуждаются в дополнении рядом компонент. Эти компоненты нужны именно для того, чтобы правильные слова оказались имплементированы в практику. Они могут войти в единый интегральный документ или в ряд документов, дополняющих возможный президентский указ. Ряд составляющих, придающих документу управленческий характер, были представлены и в опубликованной версии «Основ...»:

- перечень ценностей;
- базовая категория — «традиционные ценности»;
- определение предмета управления;
- перечень проблем и вызовов;
- сценарные прогнозы.

Речь в данном случае идёт не о контенте, а о наличии или отсутствии. Должны появиться в новой версии «Основ...», или в другом аналоговом документе или в серии документов:

- определение субъектов реализации соответствующей политики;
- определение имеющихся ресурсов (материальных и нематериальных);
- определение коридора возможностей;
- определение сроков реализации;
- определение противоречий с существующей системой, действующей нормативно-правовой базой;
- план действий;
- оценка рисков, связанных с реализацией замысла;
- определение контролирующих инстанций;
- определение мониторируемых показателей;
- определение субъектов ответственности и меры ответственности за невыполнение.

* * *

Движение по пути нового идеологического строительства России начато. Рубикон перейдён. Ни остановиться, ни повернуть назад возможности нет. Вернее, она есть, но связана с гибелью страны и утратой суверенитета, что неприемлемо. Значит, остаётся одно: совершить все необходимые шаги на избранном пути и в итоге — победить.

ГЛАВА 2. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ СМЫСЛОВЫХ КООРДИНАТ

Традиционные ценности на пути Зла

Зачем нужны традиционные ценности государству? Принятие их, очевидно, продуцирует конфликт — и внешний, и внутренний. Зачем нужна эта борьба? Не было бы более прагматичным жить в соответствии с логикой компромисса? Нет, компромисс на уровне ценностей невозможен.

Исторические враги России никуда не исчезли. В тот период, когда Россия самоустранилась от влияния на глобальную повестку, противник геополитически расширился. НАТО продвигалась на восток, на постсоветском пространстве организовывались «цветные революции», поощрялась русофобия. Озвучивались публично намерения геополитического раздробления России, и соответствующий процесс был уже инициирован посредством использования сил международного терроризма. ЦРУ давало прогноз о распаде России на 8 государств. И грабили, грабили, грабили... Российские нефть и газ продавались за доллары, которые есть «пустота».

Большинство институтов жизнеобеспечения, действующих по лекалам западных управленческих теорий, деградировало. Через пропаганду пороков шло разложение народа, дебилизировалась молодёжь. Деградировала не только Россия, весь мир покатился с нача-

ла 1990-х годов в бездну. После обрушения СССР была устранена сдерживающая мировой олигархат сила. Происходит повсеместное насаждение постмодернистских ценностей, того, что раньше считалось однозначным грехом. Возрождается нацизм. Выдвигаются проекты трансгуманизма — искусственной пересборки человека, конструирования новой породы людей. Внедрение цифровых технологий перешло ту грань, за которой открывается, как уже открыто предупреждают стоящие на разных идеологических позициях современные мыслители, перспектива «цифрового концлагеря».

Всё это может быть охарактеризовано интегральным диагнозом — наступление мирового зла. И это наступление началось не в результате выдвижения традиционных ценностей, а, наоборот, при их отсутствии. И если диагноз верен, то главной задачей, стоящей сегодня и перед Россией, и перед всем человечеством, — остановить зло. Вот для этого и нужна актуализация традиционных ценностей.

Есть ли понимание обозначенных вызовов на уровне высшей власти? В. В. Путин дважды, в 2005 и 2016 годах, посещал Афон. За несколько месяцев до исторического воссоединения Крыма с Россией Президент процитировал слова Н. А. Бердяева о противодействии хаотической тьме. Приведём полный фрагмент рассуждений русского философа: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма — в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах. Эта стихия всегда шевелится в человеке, и связана она с грехом».

Если Бердяев цитировался Президентом по существу актуальной политической ситуации, то суть её в реконструкции этого видения может сведена к следующему. Хаотическая тьма разверзлась. Она тянет человека назад и вниз, пробуждая в нём зверино-хаотическую стихию. Выдвижение государством традиционных ценностей является препятствием на пути расчеловечивания человека, его падения в бездну. Фактически имеет место переосмысление применительно к актуальной повестке третьего тысячелетия понимания функции государство как катехона — силы, удерживающей мир от торжества зла.

Ключевые вопросы к раскрытию понятия «традиционные ценности»

Традиционные ценности — это не выбор всего хорошего против всего плохого. Что хорошо и что плохо, имеет разное прочтение. Традиционные ценности — не всеобщий агрегатор. Какая-то часть общества, и, возможно, немалая, их не примет и даже будет против них бороться. Уместно в этой связи напомнить слова Спасителя в Евангелии от Матфея: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю, не мир пришёл Я принести, но меч».

Использование категории «традиционные ценности» предполагает задать ряд уточняющих вопросов. К вопросам первого порядка могут быть отнесены следующие:

- Как отделить традиционные ценности от нетрадиционных?
- Какие традиции берутся за основу?
- Все ли традиции имеют позитивное содержание?
- Как быть при противоречии разных традиций?
- Какова историческая глубина существования ценностей, дающая основания говорить о традиции?
- Как осуществляется отбор традиционных ценностей в условиях многоэтничности и многоконфессиональности?
- Как определяются традиционные ценности при инверсиях исторических моделей?

Вся эта совокупность вопросов задаёт необходимость разработки и принятия, помимо самого перечня традиционных ценностей, некой смысловой системы.

При принятии за основу смысловой системы оперирования традиционными ценностями необходимо сделать некоторые оговорки. Первая и наиболее очевидная — не все традиции заслуживают того, чтобы быть поддерживаемыми со стороны государства. Известен феномен «чёрных традиций». При распространении христианства и ислама были преодолены определённые традиции языческого общества, которые можно квалифицировать как человеконенавистнические. К ним, например, относилась традиция человеческих жертвоприношений. А как относиться к традициям, существовавшим в сообществах каннибалов? А как к традиции побоев жены супругом для «вразумления»? А традиции кровной мести? «Это вопрос тра-

диционный для этого региона. Эта традиция не коррелируется с законодательством Российской Федерации. Верховенство закона является основным тезисом в этом вопросе», — так сформулировал отношение к традиции кровной мести пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков. Но если не все традиции соотносятся с традиционными ценностями, то нужен некий критерий отбора.

Другая оговорка сопряжена с рисками неразвития. Важно, чтобы апелляция к традиционным ценностям не привела к апологии обскурантизма и дискредитации научно-технического прогресса. А тенденции такого рода, выраженные понятием «контрмодерн», существуют. Так, в 2011 году к пятидесятилетию полёта человека в космос ведущий российский теоретик традиционализма А. Г. Дугин потряс следующей позицией: «Развитие космонавтики есть вещь богомерзкая и постыдная. Это классическая глобалистская утопия, предвосхищающая приход антихриста. Космос — это иллюзия. Надо быть верными Христу и русской земле. Не одобряю заигрываний патриотов с модернизацией. Добром не кончится».

Но не может кончиться добром и научно-техническое отставание. «Отсталых бьют», — предупреждал И. В. Сталин в 1931 году на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. «Мы, — продолжал он, — отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Десять лет минуло, и началась самая великая война в истории России. И если бы не было индустриализации, если бы не было фантастического промышленного рывка, вооружённый по высшим требованиям противник нас бы точно смял.

Традиционные ценности, впрочем, и не задают архаизации и обскурантизма. Традиционализм не тождественен ни контрмодерну, ни даже консерватизму. Контрмодерн ведёт в прошлое. Консерватизм консервирует настоящее. Традиционализм же посредством традиции соединяет прошлое, настоящее и будущее.

Ещё одна оговорка связана с риском появления бюрократов от традиционных ценностей. Как идеократия может быть подменена бюрократией, хорошо известно из истории России. Были бюрократы от православия, были бюрократы от коммунизма. Но, действуя под прикрытием идеологии, они наносили ей непоправимый

ущерб. Ценности подменялись бюрократами циркулярами и стандартами. Вот этой бюрократизации и боятся многие представители творческой интеллигенции: появится чиновник, малообразованный и недалёкий, и будет решать, что из культурных произведений соответствует традиционным ценностям, а что нет.

Всё это уже Россия проходила, как минимум, дважды. «Россию нужно подморозить!» О необходимости подморозки России говорил и религиозный философ К. Н. Леонтьев, и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Подмораживать Россию хотели на основе традиционных ценностей православия. Далее ценности бюрократизировались. Они присутствовали на бумаге, но девальвировались в реальной жизни. А дальше произошла революция. Вместе со старорежимной бюрократией обрушалась и связываемая с ней система ценностей.

То же самое произошло вновь по прошествии семидесяти лет. Советская бюрократия превратила коммунистическое учение в догму и схоластику, лишила её прежнего динамизма. В отношении идеологии развитие остановилось. Застоя в действительности не было ни в экономике, ни в социальной сфере. Застой был в головах. Коммунисты-идеократы уступили своё место бюрократам от коммунизма. А следующим шагом происходит новая революция. Низвергая партийную номенклатуру, она низвергала и коммунистические ценности.

Допустим, традиционные ценности уже определены и их перечень законодательно утверждён. Это только первый шаг в выстраивании идеологии. Необходимо понять, какова мировоззренческая система, с которой соотносятся традиционные ценности. Недоговорённость в этом случае может для идеологического строительства иметь самые негативные последствия. Для построения устойчивого здания в российских условиях бытия нужен прочный фундамент. Ценности сопряжены с мировоззрением. Ведь очевидно, что традиционные ценности при вере в Бога и традиционные ценности в рамках атеистической картины мира будут иметь, как минимум, различающуюся семантику.

В советское время формированию мировоззрения уделялось принципиальное значение в системе образования. Сегодня это совершенно отсутствующий компонент в обучении и воспитании. Его отсутствие, очевидно, связано со сложностью определе-

ния принимаемой за основу картины мира. Как следствие неопределённости — мировоззренческая эклектика, а, соответственно, и эклектика ценностная. И как бы ни был сложен шаг в сторону мировоззренческой определённости, его необходимо совершить. Задача такого рода, понятно, должна решаться как при взаимодействии религии и науки, так и разных наук, условных «лириков» с условными «физиками».

Необходимо понять также, каковы выводимые из традиционных ценностей целевые ориентиры деятельности государства, общества, человека, каков образ желаемого будущего. Ценности являются мотиватором действий по их реализации. Системные действия предполагают, соответственно, систему целей. В советское время такой целью являлось построение коммунистического общества. Девальвация этой цели привела и к девальвации связанных с ней ценностей. А какова цель у современной России? Существует ли российский образ будущего, предлагаемый ей миру? Ответ о целях, так же, как и ответ о мировоззрении, должен быть дан на первых же шагах идеологического строительства.

Ценности сопряжены с целями и смыслами. Единство ценностей, целей и смыслов и составляет собственно идеологию. Производными же от этой триады являются действия. На уровне государства специальные органы следят за соотношением высших государственных ценностей с конкретными действиями государственных и общественных органов, высокопоставленных чиновников. Как это может работать практически, даёт, к примеру, функционирование Совета стражей Конституции в Иране.

Теории традиционных ценностей

Традиционные ценности представлены в научно-общественном дискурсе в упаковке различных теоретических концептов. Какие-то из них могут быть использованы в рамках нового российского идеологического строительства, использование других было бы нецелесообразно. Рассмотрим эти концепты в перспективе рисков и возможностей формирования новой, опирающейся на традиционные ценности, идеологии России.

Примордиальная Традиция

Тема традиционных ценностей находится в основании концепции примордиального (или интегрального) традиционализма. К ней, в частности, апеллирует европейское движение новых правых. Наиболее основательно она была проработана в философии французского эзотерика Рене Генона. Примордиальная Традиция есть традиция исходная, идущая от Творца к творению. Бог, творя, заложил мир, первопринципы бытия. Эти первопринципы и есть традиционные ценности.

Отдаляясь от времени творения, мир деградирует. Духовная энергия ослабевает, усиливаются материальные стороны жизни. Вещественное начинает превалировать над духовным. Доминируют материальные ценности, подменившие ценности Примордиальной Традиции. Вместо царства идеального устанавливается царство количества.

Но далее открываются врата высшего. Примордиальная Традиция восстанавливается через новое нисхождение Духа. Следует очередное откровение Творца человеку. Мир обновляется, начинается новый космо-человеческий цикл.

Возникновение великих религий прошлого представлялось Генону такого рода циклами. Последним из исторических восстановлений Примордиальной Традиции он считал возникновение ислама. Как известно, Генон перешел из католицизма в суфийский ислам, полагая, что именно в нём в наибольшей степени были сохранены традиционные ценности.

Более других отступила от Примордиальной Традиции, согласно Генону, цивилизация Запада. Исторически она выстраивалась на эзотерике кельтизма. Европейское христианство многое восприняло из кельтской мифологии. Но нынешнюю западную цивилизацию уже невозможно считать христианской. То, что считается на Западе современным, противоположно Традиции. «В современном мире, — констатировал Генон, — мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях — таковы цивилизации Востока; и с другой — откровенно антитрадиционную цивилизацию или цивилизацию современного Запада».

Традиционные религии — все без исключения — представляют собой различные ответвления Примордиальной Традиции. Но все они, вместе с тем, и отступили исторически от неё в большей или меньшей степени. Общественное знание предельно профанизировалось, тогда как представление о подлинном сохранилось в религиозной эзотерике. Восстановить Примордиальную Традицию — в этом и заключалась повестка геноновского традиционализма. «Утерянная традиция, — заявлял Генон, — может быть реставрирована и оживлена только благодаря контакту с духом живой Традиции».

Сильная сторона геноновского учения состояла в претензии на универсальность, интегральном объединении на основе традиционных ценностей всех мировых конфессий. Слабая — в преувеличении значения эзотеризма, в рамках которого универсальная эзотерическая доктрина отрывалась от реальных традиционных ценностей религий большинства.

Приобщение человека к Традиции осуществляется, сообразно с учением Примордиального традиционализма, на основе института инициаций. Посредством инициаций (посвящения) человеку и открывалась семантика традиционных ценностей. Без инициаций, устанавливающих преемственную связь передачи Примордиальной Традиции, сохранение традиционных ценностей невозможно.

Инициациям противопоставлялись псевдоинициации и контринициации. Все они, в отличие от инициаций, разрушают традиционные ценности. Псевдоинициации передают человеку неподлинное, профаническое знание. Отрицание эзотерики приводит к тому, что профанные представления выдаются за подлинные знания о мире. Профанное вытесняет сакральное. А не будучи сакрализуемыми, традиционные ценности неизбежно утрачивают свою семантику, извращаются и переходят в итоге в свою противоположность. Именно это исторически произошло после перехода на секулярную платформу в истории Нового и Новейшего времени. Псевдоинициация имеет своей идеологией антитрадицию, то есть отрицание Примордиальной основы социогенеза.

Контринициация основывается на эзотерике чёрного посвящения. Она обращена не к Примордиальной Традиции Творца,

а к разрушительным установлениям его противостоятеля. Контринициация связана с культом Сатаны. Силам созидания она противопоставляет силы глобального Хаоса. Контринициация сопряжена с идеологией контртрадиции. Ценности же контртрадиции антагонизменны традиционным ценностям. В системе традиционных ценностей установления контртрадиции оцениваются культ греха.

Практика контринициаций обнаруживается при кооптации в различные тайные сообщества — от масонов до нацистских оккультистов. Есть основания считать, что современные глобалистские структуры явного и латентного управления миром являются приверженцами контринициации. Именно так их классифицировал Генон и его последователи. При такой постановке вопроса борьба между сторонниками и противниками традиционных ценностей является продолжением борьбы сил света и тьмы, Бога и дьявола.

Традиционные ценности в теории цивилизаций

Традиционные ценности имеют ключевое значение и в методологии цивилизационного анализа. Теория цивилизаций базируется на представлении об историческом воспроизводстве сложных социальных систем. Такие системы имеют свои константы и переменные. Константы — это фундаментальные ценности цивилизаций. Меняются с течением времени переменные, модифицируются формы, но ценностные константы цивилизационных систем воспроизводятся. Разрушение соответствующей системы ценностей будет означать гибель цивилизации.

Московское царство, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация — всё это при модификации форм есть одна и та же русская (российская) цивилизация. Следовательно, может вестись речь о ценностном преемстве между собой всех этих её исторических воплощений. Разрыв же преемства с точки зрения теории цивилизаций есть цивилизационная смерть. Поэтому-то вопрос о возвращении современной России к себе есть в метаисторическом смысле вопрос о развилке между цивилизационной гибелью и цивилизационным возрождением.

Традиционными ценностями в рамках теории цивилизаций являются ценности цивилизационно-образующие. Они составляют ядро цивилизационного существования, вокруг которого выстраиваются различного рода переменные. Традиционные ценности формируются на стадии цивилизационногенеза. Они определяются внешними и внутренними условиями существования соответствующих сообществ — природой, религией, враждебным окружением и т. п.

Традиционные ценности цивилизаций закрепляются на уровне архетипов, составляют матрицу социальной памяти. Культурные коды цивилизаций связаны с традиционными ценностями. И поменять эти культурные коды практически невозможно. Такие попытки либо приведут к цивилизационной смерти, либо вызовут силы цивилизационного отторжения.

Традиционные ценности России — это с позиций цивилизационной теории цивилизационно-идентичные ценности российской матрицы. В соответствии с ними должна выстраиваться государственная политика России. Быть собой, а не Европой и не Америкой — в этом и заключается идеология традиционных (ценностей?) в её цивилизационной интерпретации. У каждой цивилизации имеется своя идентичная система традиционных ценностей. Ценностные экстраполяции противоположны. То, что для русского хорошо, то для немца смерть, и наоборот. Принятие за основу новой идеологии традиционных ценностей России практически означает блокирование иноцивилизационных ценностных траншей.

Смысловая упаковка цивилизационного подхода в использовании категории традиционных ценностей имеет, по нашей оценке, значимые шансы быть принятой на уровне российского властного дискурса. Теория цивилизаций в объяснении общественных процессов принимается. На основе её предлагается переосмыслить систему преподавания российской истории в школе. В качестве подспорья предлагается взять опыт представления исторического процесса в мультимедийном историческом парке ВДНХ «Россия — моя история». О России как государстве-цивилизации говорил Президент России В. В. Путин. Ценности государства-цивилизации являются, очевидно, цивилизационными ценностями.

Традиционные ценности и витальный подход

Определённым образом понимание традиционных ценностей в теории цивилизаций корреспондирует с их пониманием в рамках витального подхода. Витальный подход в объяснении сложных социальных систем выстраивается вокруг феноменологии жизни и смерти. Социальные системы, подобно живым организмам, рождаются и умирают. То, что укрепляет жизненные потенциалы социума, максимизирует жизнеспособность, есть для него благо, то, что снижает — зло. Основным ценностным критерием оказывается в витальном подходе жизнеспособность.

Традиционные ценности есть в этой версии ценности жизни соответствующего сообщества. Чтобы жить и максимизировать свои жизненные потенциалы, сообщество должно поддерживать различные институты жизнеобеспечения. Причём, рецептура такой поддержки для разных условий месторазвития может быть принципиально различной. Понятно, что для России она существенно отличается от того, что должно рекомендоваться, к примеру, Швейцарии или даже территориально сопоставимым Соединённым Штатам Америки. Весь пакет ценностных установок, выработанных на основании исторического опыта бытия конкретного социума и направленных на максимизацию его жизненных потенциалов, и есть система традиционных ценностей. Если, к примеру, милосердие важно для существования социума, значит, оно должно быть отнесено к традиционным ценностям. Если же такой связи нет, то из пакета традиционных ценностей соответствующая установка исключается.

Антиценностями, сообразно с витальным подходом, являются те аксиологические установки, которые минимизируют его жизненные потенциалы, ведут к социальной смерти.

Так, к примеру, привнесённые в государственную и общественную жизнь России в 1990-е годы либеральные идеологические ориентиры чётко соотносятся с обрушением государственности, распадными процессами, деморализацией и деqualификацией населения. Российское государство при сохранении соответствующего идеологического вектора должно было погибнуть. Другие прецеденты либерализма в Россию также неизменно продуциро-

вали государственный и общественный кризис. Примером такого кризиса являлась предельная минимизация жизненных потенциалов российского государства после Февральской революции 1917 года, реализуемой первоначально в идеологическом векторе кадетско-октябристского либерализма. Сегодня для его характеристики используется понятие «феврализм». Получается, что либерализм при всяком его привнесении в Россию оказывался разрушительной силой, а потому либеральные ценностные ориентиры применительно к российским реалиям бытия социума должны быть определены как антиценности.

Соответствующий подход применяется и при решении такого непростого вопроса в ситуации идеологической неопределённости, как формирование перечня национальных героев. Кто-то считает героем И. В. Сталина и А. П. Берия, а кто-то А. Д. Сахарова и Е. Т. Гайдара. Как выйти из тупика субъективных предпочтений? С позиций витального подхода героем является тот, деятельность кого усиливает жизненные потенциалы страны и народа, тогда как антигероем — тот, чья деятельность эти потенциалы ослабляет. Ни М. С. Горбачев, ни Б. Н. Ельцин, ни Е. Т. Гайдар — политики-разрушители — при этой постановке вопроса национальными героями быть признаны не могут.

Традиционные ценности в теории фамилиализма

Понятие «традиционные ценности» с определённого времени вошло в категориальный аппарат американского консерватизма. Быть консерватором стало означать быть приверженцем традиционных ценностей. Соответствующая общественная группа была выявлена посредством мониторинга общественного мнения, а потому можно говорить, что соответствующий подход в понимании традиционных ценностей являлся привнесением американской социологии.

В центре этого подхода находилось понятие «традиционная семья». Традиционные ценности фактически сводились к традиционным семейным ценностям. Выдвижение их было ответом на попытки легитимизации нетрадиционного типа семей, признание законными однополых браков. Большинство американцев и ев-

ропейцев, судя по опросам, приняли либерализацию семейного законодательства. Но тенденция продолжала усиливаться, и вот уже появляются требования обязательности представления ценностей ЛГБТ-сообщества в выпускаемой культурной продукции. При этом отрицательными персонажами представители этого сообщества изображаться более не могли. Возник парадокс диктата толерантности. Постепенно нормой и поддерживаемой позицией становилось то, что в прежние столетия считалось девиацией и пороком. Однако какая-то часть западного и, в частности, американского не приняло произошедшей моральной подмены. Можно говорить о возникновении нового феномена — консервативного диссидента. Консерваторы, составлявшие прежде большинство, оказались теперь диссидентами. И знаменем западного диссидентства стали традиционные семейные ценности.

В более широком смысле применительно к консервативному спектру общественной мысли говорится об особой идеологии фамилиализма. Суть этой идеологии выражается позицией — семья прежде всего. Речь идёт уже не патриархальной семье — идеале традиционалистов, а о семье нуклеарной — двухпоколенной. В традиционной семье в версии идеологии фамилиализма есть отец и муж, являющийся главой семьи, мать и супруга, являющаяся хозяйкой, и дети, как правило, больше одного. Такие семьи придерживаются культурных традиций половозрастного распределения обязанностей. Есть в них роли мужские — быть добытчиком, есть женские — быть хранительницей очага. Дети воспитываются в почитании родителей, при различии подходов в воспитании девочек и мальчиков.

При этом нельзя не отметить, что позиция «семья прежде всего» противостояла с позиции традиционных семейных ценностей не только ЛГБТ-идеологии и идеологии феминизма. Фамилиализм вступал в диссонанс и с другими позициями — государство прежде всего или Бог прежде всего. Семья для фамилиалистов оказывалась последним бастионом традиционных ценностей, что в целом соотносилось с ситуацией ценностно-смыслового извращения и государства, и религии на Западе. Традиционные ценности в западном сообществе оказались отделены от государства и, как ни парадоксально, стали отделяться и от религии.

Тема гомосексуального лобби Ватикана уже давно приобрела публичный характер, а в 2020 году римский понтифик Франциск I потряс христианский мир словами: «Гомосексуалисты — это дети Бога, и они имеют право на семью». Семья, придерживающаяся традиционных ценностей, фактически стала катакомбой в мире скверны для приверженцев традиций. Но без государства и Церкви удержать традиционные ценности на уровне семьи в длительной перспективе представляется маловероятным. Общность семьи принципиальна важна, но одной её для отстаивания традиционных ценностей недостаточно. Об этом необходимо предупредить на случай возникновения намерения взять за основу понимания традиционных ценностей подход американских консерваторов.

Традиционные семейные ценности в версии фамилиализма исходят из положения о неприемлемости ряда современных тенденций, касающихся семьи и пола. Консерваторы — сторонники традиционных семейных ценностей — выступают против абортов, призывая к их запрету в качестве убийства. Они являются противниками феминизма, искажающего, по их мнению, традиционную модель семейных отношений и ведущего к разрушению самого института семьи.

Консерваторы также против распространения порнографии, считая это прямой пропагандой пороков, развращением молодёжи. Ими осуждаются и разводы, сама возможность которых рассматривается в качестве мотивации к многожёнству и многомужеству. Разводы, по их оценке, подрывают базовую ценность семьи как ячейки общества. Принципиально отвергаются консерваторами однополые браки, характеризующиеся как пропаганда извращений. Гомосексуализм часто рассматривается ими не как природное отклонение, а моральная девиация, порочность сознания. При этом консерваторы являются приверженцами религиозного воспитания детей. В понимании природы брака они исходят из принципа комплементарности — притягивания противоположного, что и выражается союзом мужчины и женщины при создании семьи.

Идеология традиционных семейных ценностей составила значимое направление в современном социальном консерватизме стран Запада. В США сторонники традиционных ценностей являются

электоратом Республиканской партии. На противопоставлении традиционных ценностей, которые будто бы сохранены в США, советскому безбожию вёл свою пропаганду ещё в 1980-е годы Рональд Рейган. В своей знаменитой речи 1983 года, в которой он провозгласил «крестовый поход против коммунизма», 40-й президент Соединённых Штатов утверждал с апелляцией к социологическим опросам о прочной приверженности американцев религиозной традиции: «Недавно Вашингтонский исследовательский совет провёл обследование и пришёл к выводу, что американцы значительно более религиозны, чем другие народы; 95% опрошенных заявили, что верят в Бога; согласно огромному большинству, десять заповедей имеют практический, жизненный смысл. Другое обследование показало, что подавляющее большинство американцев осуждает супружескую измену, ранние половые связи, порнографию, аборты и употребление сильных наркотиков. По результатам этого же обследования, в Америке глубоко коренится уважение к крепким семейным узам и религиозной вере». Прошла всего пара десятилетий, и то, о чём говорил Рейган применительно к американской (чему?), уже было сказать невозможно. Образ США уже был тесно сопряжён с разрушением традиционных ценностей, «новым Вавилоном».

Очередная попытка укрепления традиционных ценностей американцев и, прежде всего, ценностей семьи была предпринята при Дж. Буше-младшем. Апелляция к традиционным ценностям составила, в частности, одну из основополагающих компонент Республиканской платформы на президента США 2004 года. Показательно, что, как и Рейган, Буш-младший использовал достаточно сомнительную, ввиду возникающих исторических ассоциаций, идеологему о новом крестовом походе.

При Бараке Обаме — президенте от Демократической партии — сторонники традиционных ценностей в США потерпели сокрушительный разгром. Именно в период его президентства были легализованы однополые браки, а радужный флаг ЛГБТ стал фактически коннотировать со звёздно-полосатым флагом Соединённых Штатов. Сторонники традиционных ценностей являлись в основном сторонниками Д. Трампа, но они в очередной раз проиграли. Суть трампизма и состояла в апелляции к национальным амери-

канским традициям, что категорически отвергалось приверженцами глобализма.

Традиционные ценности в версии американского консерватизма нашли поддержку и в части российского истеблишмента. Возникла надежда на традиционалистский альянс с неоконсами США. Надежды, как выяснилось уже в президентство Трампа, оказались иллюзорными. Выяснилось, что американские неоконсерваторы так же ненавидят Россию, как и американские демократы или американские либертарианцы. О влиянии американского консерватизма на распространение категории «традиционные ценности» в России указывает тот факт, что подобно тому, как и в США, под ними первоначально понимались фактически исключительно семейные ценности и неприятие половых извращений.

Традиционные ценности в религиозной антропологии

Традиционные ценности могут быть осмыслены и через призму раскрытия сущности человека. Такой подход было бы правильно назвать антропологическим, хотя под антропологическим подходом часто понимается переход от метанарративов к микроистории или микросоциологии. Непосредственно с категорией традиционных ценностей сопряжена религиозная антропология.

Любая культура по своей сути начинается с ответа на вопрос: что есть человек? Этот вопрос можно считать основным вопросом культурологии. Каждая культура даёт на него свой вариант ответа. С различий раскрытия сути человека и начинается своеобразие культур. Традиционные ценности в этом смысле — это принимаемая соответствующими культурами установка человекостроительства, или очеловечивания человека. Расчеловечивание, соответственно, означает принятие установок антиценностей.

Базовая категория «человек» сопряжена с другими категориями, раскрывающими в соответствующем рядоположении сущность человеческого — человек идеальный, или Богочеловек; нечеловек; недочеловек и античеловек. Рассмотрим через призму вопроса о традиционных ценностях каждый из образов. Нечеловек есть сущность, к которой понятие ценностей не может быть

применено. Ценность — это всегда выбор, возможность которого связана с отвлечённым мышлением и свободой воли. Не может быть ценностей ни у животных, ни у машин. Поведение животного регулируется, в отличие от человека, не ценностями, а биологической программой вида. Животное можно дрессировать, тогда как дрессировка человека невозможна, хотя эксперименты такого рода предпринимаются. Человека обучают и воспитывают, но не дрессируют. У человека есть всегда возможность принять иное, даже пойдя на самопожертвование, в противоположность тому, что навязывается гипотетическим дрессировщиком.

Машина также действует на основе программы, но не биологической, а технологической, созданной человеком. Какую программу заложил человек в машину, таким и будет алгоритм её действий. Предполагается, что сильный искусственный интеллект способен в будущем преодолеть грань, отделяющую его от человека. Однако пока этого не произошло, и соответствующая перспектива есть не более чем гипотеза. Да и сам принцип работы искусственного интеллекта — перебор вариантов и выбор наилучшего по результатам перебора — отличает его работу от работы человеческого мозга. Система машинного перебора отличается от сопряжённой со свободой воли человеческой системы выбора.

Недочеловек — это существо, лишённое определённых фундаментальных качеств, отличающих человека. Понятие «недочеловек» активно использовали расисты — вначале американские, а потом и германские. Ими отрицалось наличие у ряда рас качеств, присущих высшей расе. Расистские теории были отвергнуты наукой, доказавшей фундаментальное видовое единство человечества. О единстве человечества, производном от общего первопредка, в авраамической традиции — от Адама, свидетельствуют и все традиционные религии.

Но образ недочеловека в истории мировой культуры был важен для понимания того, чем является сам человек. Человеческая жизнь, в отличие от мономерной жизни животных, имеет три ипостаси измерения — помимо биологической, также ещё социальную и духовную. Существо, живущее исключительно в биологическом измерении, не может считаться человеком. Не является человеком и существо с полностью атрофированной духовной жизнью.

Согласно религиозному взгляду, невозможен человек без души. Когда душа покидает человека, наступает смерть. Голем — существо без души и духовной жизни — человеком не являлся и, может быть, и квалифицирован как недочеловек. Ценности недочеловека сугубо материальные, или биологические. Точнее было бы даже говорить применительно к нему не о ценностях, а потребностях. То, что сегодня реализуется проект големизации человека, его потребительского зомбирования (консьюмеризации), актуализирует запрос на традиционные ценности, сопряжённые с трёхмерным бытием человека.

Биологические потребности человека тоже должны удовлетворяться. Человек не ангел и обладает плотью. Без удовлетворения биологических потребностей человека постигла бы смерть. Но биологическим уровнем жизнь человека не исчерпывается, и в связи между собой каждого из уровней и состоит интегральное значение традиционных ценностей. Развитие человека идёт сообразно Традиции в перспективе восхождения от биологической ступеньки бытия к социальной и духовной. Целевой ориентир этого восхождения, как учили исихасты, есть обожение человека. «Он очеловечился, дабы мы обожились», — говорил о смысле жизни человека святой Афанасий Великий.

Среди антропологических образов важное место занимал образ античеловека. Античеловек в разных культурных нарративах выступал в качестве персонифицированного воплощения зла. Для христиан — это антихрист, для мусульман — Даджжаль. Образ античеловека в религиозных традициях связывался с inferнальным миром. Античеловек мыслился как слуга дьявола и одновременно повелитель демонов, силой которых он творит чудеса. Это лжемессия, пришедший соблазнить нестойких в вере. Античеловек руководствуется антиценностями и распространяет их среди людей. В аксиологическом плане его образ и использовался для обозначения пакета антиценностей, противопоставляемых традиционным ценностям.

Придерживаясь антиценностей, античеловек пытается установить свою власть над человеком. В одних случаях он использует страх, в других обман, в третьих — приёмы разврата. Вставая на путь антиценностей, человек оказывается в руках античеловека, а через него — Сатаны. Не это ли и происходит в процессе так на-

зываемой глобализации? Принимая антиценности, человечество подпадает под власть мирового олигархата — коллективного органа античеловечества. Беспрецедентность современного этапа мировой истории состоит в создании на основе антиценностей новой цивилизации, которая по своей сути есть антицивилизация. Все исторические цивилизации формировались на основании традиционных ценностей, и антицивилизация противостоит в этом смысле каждой из них и всем в совокупности.

Реальный человек не совершенен и подвержен страстям. Сообразно с религиозной антропологией, это греховный человек, утративший благодать при грехопадении. Но человек реальный может восходить к высшему, к человеку идеальному. Возможность такого восхождения обозначена в православии понятием преображения. Идеальный человек в христианстве есть не только совершенный человек, но Богочеловек. В этом смысле восхождение к идеальному человеку есть обожение.

Традиционные ценности связывают человека реального и человека идеального (Богочеловека). Они включают в себя как естественные для человеческой природы установления жизни, так и идеалы. Наличие идеального задаёт телеологию развития. Ошибочно было бы в этом отношении считать, что традиционные ценности не позволяют человеку и социальным системам развиваться. Как раз наоборот, развитие задано самим установлением ориентира идеального человека. Другое дело, что в фокусе развития оказывается сам человек, а не окружающая его среда существования, как это было представлено, начиная с Нового времени, в теории общественного прогресса.

Традиционные ценности и историческая эпоха домодерна

Традиционным ценностям отводится значимое место в новой модели осмысления исторического процесса. Ход мировой истории представлен в ней тремя стадиями: домодерн, или традиционное общество — модерн — постмодерн. Современное человечество вступило в фазу постмодерна. Запад уже фактически полностью существует в парадигме постмодерна, незападный мир сохранил ещё зна-

чительные компоненты домодерна (например, страны ислама) или модерна (например, Китай). Далее перед человечеством открывается развилка перспектив: пост-постмодерн, контрмодерн и сверхмодерн.

Все используемые в этой историософской схеме категории производны от понятия «модерн», являющегося исторически ключевым. Модерн, сообразно с этим видением, оседлал идею развития. Им было разгерметизировано законсервированное традиционное общество. Ломка традиции высвободила на первой фазе творческие силы человека. В произошедшем прорыве раннего модерна сказался эффект раскрепощения. Однако уже на втором шаге освобождение от традиции приводило человека и большие сообщества к нравственной деградации.

Первоначально по инерции ещё действовали традиционные ценности. Их сохранение на стадии модерна давало удивительные результаты общественной мобилизации. Именно на этот этап пришлась восходящая фаза советского проекта — индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, освоение энергии атома. Перепись 1937 года зафиксировала, что и через двадцать лет советской власти большинство населения СССР идентифицировалось как верующие и, соответственно, находилось в парадигме традиционных ценностей. Полученные результаты были столь обескураживающими, что стали одной из причин для запрещения публикации материалов переписи. В анкетах новой проведённой всего через два года переписной кампании неудобного вопроса о религии уже не содержалось.

Но без религиозного фундамента длительно система традиционных ценностей не могла воспроизводиться. Имела место попытка вывода их из религиозного контекста и переориентации на новые светские идеалы. В ракурсе этих попыток следует рассматривать, например, появление «Морального кодекса строителей коммунизма». Симптомы проявления последствий девальвации традиционных ценностей по отношению к нравственному состоянию общества с очевидностью обнаруживаются в шестидесятые годы XX века. Показательно, что проявились они параллельно и одновременно, хотя и со своей спецификой, как на Западе, так и в СССР, составив феноменологию шестидесятничества.

Необходимость поддержания определённого уровня мобилизационной готовности в условиях «холодной войны» замедля-

ла с обеих сторон деградационные процессы. Но после гибели Советского Союза традиционные ценности подверглись в мире форсированному демонтажу. И если датировать переход к эпохе постмодерна, то в качестве рубежной даты было бы наиболее точно определить 1991 год. Подтолкнули процесс разрушения традиционных ценностей и новые факторы технологического развития, прежде всего Интернет.

Что привело исторически человечество к постмодерну? Ответы на этот вопрос расходятся в зависимости от оценок стадии модерна. Согласно одной версии, постмодерн явился отрицанием модерна и сопряжённых с ним классических идеологий. В соответствии с другой, постмодерн был порождён самим модерном, став его логическим развитием. Модерн нанёс удар по вере в Бога, Традиции и производным от них традиционным ценностям. Следствием этого разрушения и стал постмодерн, при котором на место традиционных ценностей приходят антиценности.

Традиционные ценности в описываемом видении мирового исторического процесса соотносятся с определённым этапом истории человечества — временем домодерна. Свою ценностную систему имеет каждая из стадий. Традиционное общество опиралось на ценности религии, общины и рода. Собственно, они и являлись традиционными ценностями. Модерн, отвергая все перечисленные институты, отвергал вместе с ними и традиционные ценности. Его аксиологическим основанием являлись ценности развития. Но развиваться было можно по-разному, что и определило идеологическую вариативность модерна — либерального, коммунистического и фашистского. Аксиологическую основу постмодерна составили ценности самовыражения. Самовыражение как ценностный ориентир оказывалось в прямой оппозиции закрепляемым системой табу традиционным ценностям. То, что постмодерн определял как самовыражение, в Традиции определялось в качестве греха и порока.

Далее в перспективе будущего возникает развилка ценностных проекций. В фокусе их оказывается отношение к традиционным ценностям. Пост-постмодерн идёт далее по пути легитимизации системы консьюмеристского общества. Традиционные ценности при построении пост-постмодернистской системы уже будут не просто отрицаться, но подвергаться запрету и гонениям как противореча-

щие принципам толерантности. Они будут, очевидно, заклеены как радикализм и проявление авторитарного сознания.

Контрмодерн, напротив, ориентирован на прямое восстановление традиционных ценностей, а через них и традиционного общества. Приверженцы контрмодерна предлагают отбросить не только постмодерн, но и модерн с его идеей развития. Критики контрмодерна говорят, что реальное восстановление традиционного общества невозможно, и речь идёт не более чем о постмодернистском эпатаже. Контрмодерн в этой критике оказывается не более чем одним из направлений постмодерна.

Наконец, сверхмодерн предлагает синтез ценностей традиционного общества и модерна. Суть идеи — соединить сакральные традиции и религию. В российской версии это соединение патриотики за царя с патриотикой за СССР. Врагом же в системе смыслов сверхмодерна оказывается постмодерн, стоящий как против традиционных ценностей и сакрального, так и против ценностей развития и идеологического.

Традиционные ценности в сравнительной социологии

Традиционные ценности занимают положение полюса в аксиологическом спектре социологических мониторингов. Наиболее показательна в этом отношении система аксиологического спектра, построенная на основании методологии американского социолога и политолога Рональда Инглхarta. Разработанная им методология составила основу проводимого с 1981 года мониторинга «Всемирный обзор ценностей». Множество исследуемых параметров — индикаторов ценностей сводятся в методологии проекта к двум интегральным ценностным дихотомиям: традиционализм — секуляризм и выживание — самовыражение. Ранее вторая оппозиция выражалась следующими ценностными ориентирами: коллективизм — индивидуализм.

Традиционные ценности в версии школы Инглхarta находятся на полюсе традиционализма, выживания и коллективизма. Разграничения между коллективизмом и соборностью Инглхарт не проводил, что от него как от социолога, работающего с количественными величинами, и не ожидалось. На полюсе постмодерна нахо-

дятся ценностные ориентиры секуляризма, самовыражения и индивидуализма. Уход от задач выживания к задачам самовыражения Ингхарт определял понятием «постматериализм». Переход к постматериализму в ингхартговской версии был определён развитием экономики, ростом качества жизни, снижением зависимости человека от природы, деактуализацией угроз голода.

Подход американского политолога, впрочем, вызывает определённые возражения. Если самовыражение может быть в принципе соотносено с индивидуализмом (самовыражение как проявление индивидуальности), то отождествление выживания и коммунизма вряд ли может быть признано корректным. Действительно, в коллективе в период традиционного общества было легче выжить. Человек, отторгнутый общиной, был фактически обречён на смерть. Но потребность в коллективе определялась и продолжает определяться не только установками физического выживания. Люди объединяются и духовно, на основе принятия общих идей и ценностей, на основе любви. На духовной платформе выстраивался, в частности, институт Церкви. Сама оппозиция «выживание — самовыражение» программировала представление, что, чем больше человек будет освобождаться от внешних условий своего физического бытия, тем сильнее будут запросы к тому, чтобы самовыразиться. Получалось, что постмодернистские установки самовыражения оказывались признаком развитости общества.

В трактовке постмодерна посредством неправильной оппозиции производилась аксиологическая подмена, и вместо нравственной деградации речь шла о развитии человека. Корректнее было бы иное противопоставление: ценности индивидуального самовыражения vs ценности общественных идеалов. Либо человек стремится самовыразиться, проявить свою индивидуальность, либо для него приоритетны ценности «общего дела», связанные с религией или идеологией. Отсюда и различие в педагогических подходах: индивидуализация vs социализация.

Тем не менее, в раскрытие ценностных различий в современном мире проект «Всемирный обзор ценностей» имеет, ввиду интеграции большого объёма материала по разным странам, значимые потенциалы. Он позволяет зафиксировать факт цивилизационной кластеризации стран на основе общих для соответствующих цивили-

лизаций ценностей. Единый кластер представляют собой и страны, принадлежащие к православной цивилизации. Несмотря на то, что среди них есть сегодня члены Североатлантического альянса и Европейского союза, они ценностно близки России и отдалены от цивилизации Запада. Если обратиться к прослеживаемым с 1981 года трендам, обнаружится, что большинство человечества (за исключением Индии, что предстоит ещё объяснить) движется в сторону ценностей индивидуализма или самовыражения. И в этом видится принципиальная угроза распада социальной жизни.

В отношении же второй дихотомии «секуляризм — традиционализм» векторы движения разных стран расходятся. Западный мир стремительно идёт в сторону секуляризма, тогда как значительная часть незападного человечества движется сегодня в сторону традиционализма. В этой векторальной перспективе идут и Россия, и Китай. Фактически складываются обстоятельства глобального ценностного конфликта. И этот конфликт оказывается производным от базового противоречия между традиционными и постмодернистскими ценностями.

Бог как источник традиционных ценностей

Для религиозного сознания ценности идут от Бога и находятся в Боге. Сам Бог не может быть дан в перечне ценностей и даже быть позиционирован как высшая ценность. Он сам источник истинных ценностей и находится над ними. Если помещать Бога в ряду традиционных ценностей, то это будет означать, что выше него находится их совокупность. Бог в этом случае ставится ниже Традиции, и Богом становится Традиция.

Помещение Бога-творца среди прочих ценностей характерно для язычества. Фактически такой подход и есть путь к многобожию. Каждая ценность имела в языческой мифологии свою персонафицированную аллегория, то есть своего бога.

Для христиан, если они подлинны христиане, главное есть сам Христос — альфа и омега сущего. Он над ценностями и над их совокупностью, он их источник. От него они через откровения передаются человеку. Попытки подчинить Христа тем или иным, даже кажущимися благостными, ценностям ведут к антихристианству.

Мысль о такого рода угрозе была художественно ярко раскрыта русским религиозным философом Владимиром Соловьёвым. Сам он зачастую был непоследовательным и путанным в религиозном отношении, но обращение к соловьёвской «Краткой повести об антихристе» в контексте проводимого рассмотрения представляется уместным. «Грустным тоном обратился к ним император: «Что еще могу я сделать для вас? Странные люди! Чего вы от меня хотите? Я не знаю. Скажите же мне сами, вы, христиане, покинутые большинством своих братьев и вождей, осуждённые народным чувством: что всего дороже для вас в христианстве?» Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: «Великий государь! Всего дороже для нас в христианстве сам Христос — Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нём обитает вся полнота Божества телесно. Но и от тебя, государь, мы готовы принять всякое благо, если только в щедрой руке твоей опознаем святую руку Христову. И на вопрос твой: что можешь сделать для нас, — вот наш прямой ответ: исповедуй здесь теперь перед нами Иисуса Христа, Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего, — исповедуй Его, и мы с любовью примем тебя как истинного претечу Его второго славного пришествия». Он замолчал и уставился взором в лицо императора. С тем делалось что-то недоброе. Внутри его поднялась такая же адская буря, как та, что он испытал в ту роковую ночь. Он совершенно потерял внутреннее равновесие, и все его мысли сосредоточились на том, чтобы не лишиться и наружного самообладания, и не выдать себя прежде времени. Он делал нечеловеческие усилия, чтобы не броситься с диким воплем на говорившего и не начать грызть его зубами. Вдруг он услышал знакомый нездешний голос: «Молчи и ничего не бойся». Он молчал. Только помертвевшее и потемневшее лицо его всё перекосилось, и из глаз вылетали искры. Между тем во время речи старца Иоанна великий маг, который сидел весь закутанный в свою необъятную трёхцветную мантию, скрывавшую кардинальский пурпур, как будто производил под нею какие-то манипуляции, глаза его сосредоточенно сверкали, и губы шевелились. В открытые окна храма было видно, что нашла огромная чёрная туча, и скоро всё потемнело. Старец Иоанн не сводил изумлённых и испуганных глаз с лица безмолвного императора, и вдруг он в ужасе отпрянул и, обернувшись назад, сдавленным голосом крикнул: «Детушки, антихрист!»».

Что означают традиционные ценности без Христа? Традиционные ценности, идущие от Христа, означают для христианина спасение, традиционные ценности без Христа — это и есть принятие власти антихриста.

Традиционные ценности несовместимы с моделью капитализма

Ещё одна оговорка связана с современной моделью общественного устройства. Эта модель, как она сложилась в России в девяностые и как она навязывается глобальным центром миру, диссонирует с традиционными ценностями и ведёт их к разрушению. Конфликт России с мировым центром актуализировал задачу пересмотра этой модели. Стратегически ошибочно и абсурдно было бы бороться с Западом и при этом опираться на систему, построенную по западным рецептам. Движение в направлении ревизии модели российского устройства, а в перспективе и мирового, уже началось. Сделаны первые важные шаги. И это движение будет иметь шанс на успех при сосредоточении на главном, нанесении удара по ядру системы противника. Соответственно, необходимо дать точный ответ, что эта система представляет собой и почему ценности этой системы несовместимы с традиционными ценностями.

В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» указывается, что деструктивная идеология экспортируется в Россию извне. Этот экспорт подчинён цели разрушения потенциалов российской государственности, формирования ложных ориентиров у власти и общества. Фиксация угроз, продуцируемых инокультурными траншами, выводит на правильную постановку вопроса об их блокировании в России. Однако объяснения, что подрыв традиционных российских ценностей осуществляет геополитический противник, недостаточно. На Западе традиционные ценности разрушаются ещё больше, а нравственная деградация западного человека продвинулась несравненно дальше.

Помимо внешних источников разрушения традиционных ценностей, есть и источники внутренние. Фундаментально такое разрушение определяется природой капитализма. Базовые ценно-

сти капитализма — космополитизм, приоритет материального, индивидуализм, конкуренция — находятся в прямой оппозиции к традиционным ценностям. С позиции традиционных ценностей, ценности капитализма являются антиценностями. Ядром же капиталистической системы является установка получения прибыли. Вот ради прибыли и должны подрываться традиционные ценности, должно зомбироваться население под формирование потребительских запросов, должны коммерциализироваться образование и культура. Капитализм есть зло не только с позиций идеологии коммунизма, но и с позиции традиционного общества, с позиции традиционных религий. Случай религиозного обоснования капитализма в кальвинистской теологии есть исключение, позволяющее скорее говорить о произошедшем в протестантизме отступлении от традиций апостольского христианства. Конечно, и Церковь, и семья могли быть исторически подвёрстаны под капитализм. Но в рамках капиталистической системы традиционные институты общества начинали разлагаться и перерождаться.

Россия капиталистическая — не Россия. Россия капиталистическая может быть только периферией мирового капитализма. Россия капиталистическая в борьбе с глобальным Западом обречена на поражение. Принятие же фундамента традиционных ценностей предполагает, что капитализм, как противоречащая им модель, должен быть отброшен.

«Все говорят, что существующая модель капитализма, а это сейчас основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя. В её рамках нет больше выхода из клубка всё более запутанных противоречий», — эти слова Президента России указывают на принципиальную готовность вести речь о смене модели капитализма в пользу модели, основанной на иных ценностях. То, что одновременно властный дискурс оказался обращён в сторону традиционных ценностей, может указывать на перспективу грядущей модельной трансформации.

Внешние противники России стремятся, как и стремились всегда в истории, подорвать российскую государственность изнутри. Для этого и осуществляется различными способами подрыв ценностного фундамента России. Роль внешних сил имела весомое значение в гибели СССР. Целевым образом велась работа и по подрыву ос-

нов российского государства в постсоветский период истории. Достаточно обратиться к свидетельству на этот счёт Президента России В. В. Путина: «В середине 1990-х у нас в качестве советников, официальных сотрудников Правительства Российской Федерации, сидели, как позднее выяснилось, кадровые сотрудники Центрального разведывательного управления США».

Но не всё далеко можно объяснить деятельностью внешних сил. Если бы собственная система была бы функциональна, никакое ЦРУ не могло бы ничего поделаться. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в перечне последствий распространения деструктивной идеологии указывается, в частности, ослабление дружеских, семейных и иных социальных связей; усиление социального неравенства; рост употребление алкоголя; отрицание человеческого достоинства и т. п. Но нельзя же всерьёз считать, что все эти последствия — результат политики США и их союзников. Было бы абсурдом приписывать все это злокозности ЦРУ. А если это не ЦРУ, а сами, то значит в нас самих, в нашей собственной системе общественного есть внутренние изъяны.

Традиционализм как проект

Каждая идеология имеет свою метафизику. Идеология либерализма опирается на приоритет ценности свободы индивидуума, идеология коммунизма — на приоритет коллективистских идеалов, идеология национализма — на идею приоритетности своей нации над другими. Традиционные ценности должны составлять в этой логике основу идеологии традиционализма. Попытаемся определить общие контуры этой идеологии.

Запрос на традиционализм

Современный глобализационный вызов предполагает несколько возможных вариантов ответа. Первый путь заключается в восприятии предложенного формата глобализации, а, соответственно, в отказе от многообразия цивилизационных идентичностей. Межкуль-

турный диалог замещается в данном случае монологом. Противоположный подход связан с национальным консерватизмом и заключается в самоизоляции и локализации культур. Цивилизационная идентичность в этом случае, казалось бы, сохраняется. Но перспективы такого самосохранения призрачны. Силы явно не равны. Национально изолированная культура не сможет длительно противостоять всему глобализированному миру. При всей видимой оппозиционности национального консерватизма к глобализму, он, как и последний, исходит из монологичного принципа коммуникативности.

Актуальным в этой связи представляется выдвигание такого проекта, который, нивелируя крайности обоих указанных подходов, смог бы синтезировать концепты цивилизационных идентичностей и мировой интеграции. От коммуникативного монолизма следует перейти даже не к диалогу, подразумевающему дуальный характер взаимодействия, а полилогу культур. Постановка такого рода задачи заставляет с самым пристальным вниманием отнестись к генезису нового идейного направления в мировой общественной мысли — традиционализму.

Парадокс заключается в том, что при широком представительстве традиционалистов традиционализма как идейного течения до настоящего времени не сложилось. Традиционалистской идеологии в России в чистом виде никогда не существовало. Нет её и сейчас. Традиционализм предполагает полицентричность. Это единственное учение, отстаивающее цивилизационную вариативность, тогда как другие пропагандируют приоритет одной из цивилизаций над всеми прочими.

Традиционализм не тождественен консерватизму

Традиционализм часто и необоснованно отождествляется с консерватизмом. В действительности их высшие ценностные ориентиры принципиально различны. Если консерватизм выражает принцип охранительства, то традиционализм акцентирует другое качество — преемство. Преемственность — одна из важнейших фундаментальных основ социальной жизни, а, соответственно, акцентирующая её идеология представляется значимым дискурсивным фактором развития человечества.

Могут возразить, что традиции бывают разные, и возможно ли в таком случае говорить об универсальной традиционалистской идеологии? Дело в том, что существуют различные уровни традиции. Есть локальные традиции, этнографические, есть цивилизационно-образующие, есть так называемые примордиальные, изначальные, относимые ко всему человечеству. При апелляции к собственной стране речь идёт о цивилизационно-образующей традиции, при обращении к миру в целом — о примордиальной как «белом ценностном пакете человечества». Консерватизм отрицает универсальность. А вот традиционализм как раз выражает универсалистский подход. У каждого народа есть свой путь к Богу — традиционалистская формула.

Традиционализм не противоречит идее развития. Но он принимает только определённый тип развития — с опорой на цивилизационную традицию. Идея преемственности, на которой построен традиционализм, это вовсе не идея ретроградского неприятия всего нового. Наоборот, традиционализм, в отличие от охранительства, легитимизирует новое. Но новое в традиционалистской логике должно появляться в преемственной связи с тем, что наработали прежние поколения.

Принцип религиозной поливариантности

Традиционализм представляет путь солидаризации традиционных конфессий. Традиционалистский концепт основывается на постулате: «У каждого народа свой путь к Богу». Это не означает ни унии, ни какого бы то ни было религиозного компромисса. Ни один из народов не отрекается от своей веры, но и не попирает как ложные другие традиционные верования. Конфессиональное единение достигается перед угрозой глобальной экспансии безрелигиозной (или квазирелигиозной, имея в виду неоспиритуалистические модернистские культы) системы мироустройства — антицивилизации.

Именно религии составляют основу цивилизаций. Следовательно, цивилизационный полилог должен, прежде всего, осуществляться в религиозном поле.

Но как примирить между собой оппонирующие друг другу религии? При всей вариативности локальных культов представления о базовых человеческих ценностях в традиционных религиях удивительным образом совпадают. Это не означает существования единого универсального учения, как, например, утверждал Р. Генон. Но в отношении базового пакета традиционных ценностей подходы в целом сходились. Эти ценности можно условно определить как «белый» ценностный пакет человечества.

Совпадая на высшем уровне определения бытия человека, на среднем и низшем путях религиозные традиции расходились. Высший уровень была Традиция, адресуемая всему человечеству. Все религии на этом уровне говорили об одном и том же: не убий, не укради, защищай свою Родину, трудись, почитай старших, воспитывай детей и т. д. Однако на следующем уровне уже обнаруживаются различия. Это уровень цивилизационный. На третьем уровне — традиции локального бытия — различия становятся ещё более существенны. И здесь важно подчеркнуть, что, наряду с различиями, есть в религиях и точки пересечений. В отношении же антицивилизации общих ценностных оснований нет ни на одном из уровней. Ценности антицивилизации есть для традиционных религий антиценности и зло.

В общественное сознание в последние годы активно внедряется представление о наступающей эпохе новых религиозных войн. Складывается впечатление о возвращающемся средневековье — халифатостроительство, крестовые походы, казни иноверцев и еретиков. Распространяется взгляд о том, что религии неизбежно продуцируют религиозный конфликт ввиду исходного противопоставления правоверных с неверными.

В рамках популярного хантингтоновского концепта «цивилизационных войн» предлагается следующая аргументация: 1. Цивилизации конфликтны друг другу. 2. В основании каждой цивилизации лежит та или иная религия. 3. Религиозные войны неизбежны. Религиям приписывается врождённая конфронтационность. Иначе в хантингтоновской версии формируется современная западная цивилизация. В её основание положен впервые в истории не религиозный, а секулярный фундамент. А так как цивилизации будто бы программируются на конфликт религиозными различия-

ми, то нерелигиозная цивилизация Запада преодолевает парадигму конфликта. Она в преподносимой модели мироустройства оказывается вне мировой межцивилизационной схватки. Секуляризм оказывается, таким образом, подсказываемой практикой для человечества выхода из тупика конфронтации.

Принцип «разделяй и властвуй» известен достаточно давно. Столкновение двух сторон, в результате которого все дивиденды извлекает третья сторона, — также известная политическая практика. Опыт разжигания межрелигиозных войн в истории накоплен достаточно большой, и было бы странным, чтобы от него в современном политическом проектировании отказались.

Картинки новой религиозной войны — теракты, транслируемые казни еретиков, разрушаемые культурные памятники — уже сотрясают сознание человечества. Человечеству подсказывается кажущийся естественным выход — запрет «религиозного фундаментализма». Но где заканчивается религия и начинается религиозный фундаментализм? Под знаменем борьбы с религиозным фундаментализмом будет происходить реальная дехристианизация и деисламизация. Результатом окажется установление вместо мнимого религиозного тоталитаризма реального тоталитаризма секулярного. История с всеевропейской солидаризацией с воинствующим секулярным журналом «Шарли Эбдо» подтверждает данную сценарную тенденцию.

То, что для формирования групп провокаторов войны был выбран именно контекст исламской культуры, вполне объяснимо. Главное, что побуждает использование для провоцирования большой войны именно мусульманский фактор, является уникальное географическое положение стран ислама. Это положение можно охарактеризовать как срединное среди цивилизаций старого света. Традиционный исламский ареал распространения пограничен с зонами западного христианства, православия, индуизма, буддизма, иудаизма, традиционных племенных культов Африки. В воронку войны, если она состоится, затягивается фактически весь Старый Свет. Американский континент вновь оказывается выведен из поля развёртки основного конфликта.

В действительности, самые кровавые войны в истории человечества возникли на платформе секулярной культуры. Значит, при-

чина войн состоит не в религиозных различиях. Исходный посыл в пользу секуляризации следует признать ошибочным.

Каждая религия внесла свой вклад в духовное развитие человечества, и конкуренция между религиями (если вообще уместно такое понятие) есть конкуренция в свершении добрых дел. Провоцирование же религиозных войн идентифицируется как проект не просто антирелигиозный, но как проект глобального политического доминирования нерелигиозной силы.

Принцип полиэтничности

Традиционализм утверждает политическую симфонию народов. Каждый народ идентифицируется в нём в качестве высшей органической ценности. Права индивидуума признаются, но ограничиваются историческими сверхзадачами этноса. Традиционализм провозглашает полиэтничность. Он апеллирует к опыту имперских систем как высшего политического выражения в генезисе цивилизации, каждая из которых являлась гетерогенным организмом.

Почти все известные в истории империи были полиэтничными. Как только они становились на позиции моноэтнического центра, незамедлительно следовал их распад. Порождённая действием центробежных сил турбулентность могла привести к гибели самой цивилизации.

Но это не означало отсутствия некоего интегрального проекта. Через этот интегральный проект отдельные этносы консолидировались в имперскую систему. Происходило формирование более высокой по отношению к этническому уровню цивилизационной идентичности.

Принцип вселенской адресации

Традиционализм континуально шире любого цивилизационного проекта. Он апеллирует к духовной традиции каждого из народов, включая модернизационную Америку. Цивилизационная геополитическая дихотомия «атлантизм» — «континентализм», «Запад — Восток» замещается иным антагонизмом — «традиционализм» — «новый мировой порядок».

Страны, относимые к атлантистской геополитической конфигурации, также обладают собственным традиционалистским потенциалом. Глобализационные процессы столь же противоречат их традиционным системам ценностей, как и в отношении народов континентального пространства.

Нельзя представлять современную глобализацию только как планетарную универсализацию западной цивилизации. Глобализация антицивилизационна. Она выражает дух мировой энтропии, не связанной с какой бы то ни было цивилизационной парадигмой. В религиозном смысле ей соответствует процесс апостасии. Запад — одна из жертв глобализации. Он нуждается в спасении не менее других цивилизационных систем. Другое дело, что западная цивилизация (или ряд цивилизаций, включаемых в западный культурный ареал) ранее других подверглась глобализационной энтропии.

Перед цивилизационно идентифицированным человеком Запада стоят в футурологическом плане те же угрозы, что и, к примеру, перед россиянином. Своей сакральной традицией обладает даже Америка, апеллирующая к освящённым протестантской культурой идеомифам колонизации и борьбы за независимость. В этом смысле и американцы являются жертвами глобализации.

Традиционализм есть планетарная, мессианская доктрина. Традиционалистский мессианизм обращён не к какому-то ограниченному географическими, религиозными или этническими рамками социуму, а ко всему человечеству. Только такая доктрина имеет шансы на успех как проект альтернативного глобализма.

Интеграционный опыт России как историческое основание традиционалистской перспективы

Традиционалистская альтернатива глобализации — не утопия. История предоставляет многочисленные примеры государственных систем, функционирующих на основе следования принципам традиционализма. Традиционалистскими являлись, к примеру, как

держава Ахеменидов, так и геополитически сменившая её держава Александра Македонского.

Евразийскую версию имперского традиционализма представляла государственность Чингисхана. Религиозная толерантность монголов зиждилась на допущении о вариативности путей постижения Бога. Они покровительствовали институтам каждой из имеющихся в их империи конфессиональных традиций, включая православную.

Опыт Японии по совмещению традиционности с новейшими научными технологиями может служить наглядной рекламой реализуемости традиционалистского проекта и в современном мире.

России может принадлежать особая миссия в выдвигании традиционалистского проекта. Её возможности в аккумуляции идеологии традиционализма обуславливаются собственной политрадиционностью. Из современных стран, пожалуй, только Индия может соперничать с Россией в многообразии духовных традиций. Все три мировые религии представлены у её коренных народов в качестве традиционных вероисповеданий.

Исторически Россия представляла собой в плане этноконфессиональных взаимоотношений особый тип интегрирующего государства. Её специфика заключалась в нехарактерном для Запада сохранении этнической идентичности и традиций населявших российскую территорию народов. Ни один народ, включённый в состав империи, не исчез с этнической карты России. Наоборот, многие из них под её защитой и покровительством смогли достичь более высокого уровня собственного национального самосознания.

Национальная принадлежность применительно к русским никогда не определялась по крови. Видными фигурами в исторической репрезентации русскости являлись: имевший украинское происхождение Гоголь, грузинское — Багратион, армянское — Айвазовский, еврейское — братья Рубинштейны, немецкое — Фонвизин и др. Брачная этническая замкнутость среди русских исторически никогда не существовала.

Все три религии, определяемые религиоведами в качестве мировых — христианство в версии православия, ислам и ламаистский буддизм — являются традиционными российскими конфессиями.

Историческая неизбежность традиционализма

Возникновение традиционализма было предопределено всем ходом исторического развития человечества. Модель мировой истории можно представить в виде циклической триады: традиционное общество — модернизация — традиционализм.

Конечно же, как традиции, так и инновации присутствуют на всех ступенях человеческого развития. Однако их соотношение неравномерно. Традиционное общество акцентировано на охранительстве, модернизационное — на изменчивости. Только традиционализм предполагает гармонизацию традиций и инноваций. Он исходит из допущения о принципиальной возможности интенсивного научно-технического развития при опоре на национальные традиции.

Без традиций никакая общественная система не может существовать. Сам по себе феномен *homo sapiens* непосредственно связан с их формированием. Ведь именно посредством традиций человек передавал из поколения в поколение накапливаемый социальный опыт. Пресечение его подразумевало мгновенную десоциализацию. Неслучайно традиция имела ореол сакральности. Она определяла все стороны жизни архаического общества, справедливо идентифицируемого в качестве традиционного. Однако на последующих ступенях развития традиция стала выступать препятствием дальнейшего общественного прогресса. Традиционность и различные традиционные институты стали служить помехой для инновационного приращения. Наступает эра модернизации. Исторически она сыграла важнейшую роль в процессе межкультурной интеграции. Но на сегодняшний момент модернизационный путь развития как дискретная по отношению к национальным культурам инновационность себя исчерпал. Разрыв с традицией достиг своего апогея, поставив общественные системы на порог полной утраты идентичности, цивилизационного и национального обезличивания, а потому духовной гибели. Возникновение традиционалистского учения определяется в этой связи законом стремления человечества к самосохранению.

Традиционное общество традиционализма не знало. Определённые его элементы существовали в нём в дорефлекторном формате. Характерно, что традиционалистская идеология получила в настоящее время наибольшее развитие не там, где сохраняются структуры традиционного общества, а, напротив, в тех странах, которые дальше других прошли в направлении модернизации. Становление традиционалистского учения исторически определяется законом логики: теза — антитеза — синтез. Традиционализм, таким образом, синтезирует потенциалы как традиционного, так и модернизационного обществ. Речь вовсе не идёт о реставрации первой стадии и полном отрицании второй. Традиционалистский проект стремится совместить цивилизационные традиции и высокие инновационные технологии. В этом и заключается его глобальная историческая перспектива.

* * *

Формирование цивилизаций исторически было связано с трансляцией традиций. Их вариативность определяла диверсификацию цивилизационных систем. Соответственно, перспектива гибели цивилизаций обуславливается процессом универсализации. Спасение их возможно при выдвигании идеологического концепта, акцентированного на задачах сохранения цивилизационных традиций. Таким образом, именно традиционализм предлагает модель мира цивилизаций и межцивилизационного полилога.

Проведённое рассмотрение существующих подходов к пониманию традиционных ценностей позволяет говорить, что заявить их как основу новой идеологии России для идеологического конструирования недостаточно. Нужна ещё соответствующая теория — смысловая упаковка. Требования к этой теории состоят в сочетании россиецентричности и адресации всему человечеству, опоре одновременно на религиозный фундамент и на науку.

ГЛАВА 3. ПОСТМОДЕРН: ПУТЬ В БЕЗДНУ

Актуальность постановки задачи

Актуальность представляемого в главе рассмотрения определяется форсированной деградацией современного человечества, определяемой аккумулятивно понятием «постмодерн». Соответствующим процессом охвачены все без исключения страны мира, различия между которыми состоят в различии скоростных характеристик продвижения в заданном постмодерном направлении. Трудно с позиций сегодняшнего дня представить себе, что ещё в начале 1980-х годов Соединённые Штаты Америки позиционировались в качестве защитника традиционных ценностей, а Р. Рейган обыграл на выборах Дж. Картера на волне протестов американцев против легализации однополых браков. Прошло всего несколько десятилетий, и мир изменился принципиально. Между тем, осмысление происходящих изменений с позиций гуманитарных и общественных наук не успевает за происходящими трансформациями. Постмодерн, вместе с тем, не безусловный приговор для человечества, а пока ещё один из вероятных сценариев развития. От самого человечества, в том числе и от своевременного научного анализа феноменологии постмодерна с последующим широким общественным обсуждением, зависит, пойдёт ли мир по постмодернистскому сценарию.

В перспективе футурологического анализа принципиально дать ответ на вопрос о возможном финале постмодернистской транс-

формации. Куда в итоге приведёт постмодерн в том случае, если он станет определяющим трендом? Ответы на этот вопрос могут быть различны: 1. пост-постмодерн в различных версиях его прочтения, в том числе как «смерть человека»; 2. контрмодерн как отказ от развития и восстановление традиции после глобальной катастрофы; 3. сверхмодерн как новая идеократия, синтез Традиции и модерна. Пост-постмодерн вытекает из видения будущего как экстраполяции настоящего. Контрмодерн и сверхмодерн предполагают отрицание постмодерна, а, соответственно, логику инверсии («отрицание отрицания»). Но в любом случае прогноз нуждается в научных основаниях вывода о вероятности той или иной сценарной перспективы.

Другой вопрос: какова в обществе доля «людей постмодерна», какова доля этой группы представляет реальную угрозу и каков критический порог наступления этой угрозы? Он так напрямую, по большому счёту, никогда не ставился. В каких нишах концентрируются «люди постмодерна»? Как их идентифицировать или даже распознать за публичной вывеской «добропорядочного консерватора»? Определение доли «людей постмодерна» позволит говорить о доминантах общественных процессов. Не исключено, что в оппозиции «люди постмодерна» — «консерваторы» проявится конфликт поколений. Ещё более вероятно, что «постмодернистской» в значительной мере может оказаться «элита». И тогда актуализируется другая модель — «постмодернистская элита» — «архаический народ».

Есть ещё и условно нейтральный, ценностно квазииндифферентный «балласт», ведомая масса. Целесообразно было бы также понять: как и на что она «ведётся», как ею управлять или препятствовать управлению над нею в перспективе блокирования влияния «людей постмодерна».

Если выделяются «люди постмодерна», то должна быть предложена соответствующая шкала классификации, рядоположены другие группы общества. Предлагаемое рядоположение, если брать за основу теорию модернизации, в рамках которой и возник концепт постмодерна, может включать людей, соотносимых с тем или иным типом общества: «люди преמודерна» (до-рефлекторные традиционалисты), «люди модерна» (они могут

быть, сообразно с существованием, как минимум, трёх версий модерна, разделены на «либералов», «коммунистов» и «националистов»), «люди постмодерна» (исследуемый тип), «люди контрмодерна» (антисекуляристы; не исключено, впрочем, что при анализе контрмодерн будет раскрыт как одна из модификаций постмодерна, нечто подобное жанру фэнтези), «люди сверхмодерна» (метафизики). Безусловно, классификация такого рода будет условна, поскольку реальный человек, как правило, эклектически сочетает ценности разных модельных типов. Но важно попытаться зафиксировать доминанты и вектор типологического сдвига в структуре общества.

Базовая категория

Раскрытие базовой категории «постмодерн» и производной от него — «люди постмодерна» является одной из задач предполагаемого исследования.

Несмотря на то, что категория «постмодерн» широко вошла в последнее время в дискурсивное пространство разных уровней, определённости в его использовании отсутствует. Само образование понятия с помощью частицы «пост» указывает на проблемность категориального раскрытия. «Пост-модерн» означает буквально, что наступает нечто «после модерна». Использование маркёра «после модерна» означает, что сущностного понимания явления, приходящего вместо модерна, нет.

Исследователь оказывается перед набором неопределённых категорий, выстраиваемых по отношению к категории модерна: 1. домодерн, или премодерн — то, что имело место до модерна, и чему он пришёл на смену; 2. постмодерн — то, что приходит на смену модерну, является отрицанием его в перспективе будущего; 3. пост-постмодерн — то, к чему приведёт постмодерн в его дрейфе от модерна и что станет его финалом; 4. контрмодерн — то, что предлагается в качестве отрицания модерна с позиций прошлого, возвращение на новом этапе к домодерну; 5. сверхмодерн — то, что позволит обновить модерн, вернуться к нему, преодолев кризис постмодерна. Таким образом, ключе-

вой категорией в этом категориальном ряду оказывается именно понятие «модерн».

Но проблема в том, что нет принципиальной конвенции и в понимании сути модерна. Модерн этимологически буквально означает «современный». Но в том, что есть современное и несовременное, позиции также могут расходиться. Постмодерн в этом смысле тоже позиционируется как выражение современного мейнстрима и может трактоваться (и на самом деле зачастую и трактуется) как современный модерн. В двадцатом столетии сталкивались как минимум три модели модерна, сопряжённые с тремя классическими идеологиями. Победила по итогам XX века либеральная модель модерна, которая далее сдвинулась к постмодерну.

Категориальная плюралистичность в современных гуманитарных и общественных науках не является чем-то беспрецедентным. Достаточно сослаться на около тысячи насчитываемых на сегодня определений понятия «культура». И это пример не единственный. Фактически нет ни одной научной категории, имеющей однозначное и признаваемое всеми раскрытие. Такой категориальный плюрализм есть сам по себе отражение времени постмодерна. Выход из этого плюралистического тупика видится в выдвигании собственного раскрытия базовых категорий, которое бы функционально позволяло объяснить тенденции общественных и антропологических изменений. Соответственно, выход на дефиницию является в данном случае не исходной позицией, а итогом проведённого анализа. Вначале исследуются общественные процессы и антропологические изменения, а далее фиксируется некий рубеж перехода к новой модели человека.

На начальной стадии исследования предлагается взять в качестве рабочей гипотезы раскрытия дефиниции следующее определение: постмодерн — историческая стадия социального развития, характеризующаяся представлениями об индивидуально-субъективной относительности ценностей, неприятием традиционных ценностных норм. Данное определение вытекает из логики исходно принимаемой модели исторического развития, в рамках которой возникло и является уместным понятие «постмодерн», выражаемой историко-стадиальной схемой: домодерн — модерн — постмодерн. Футурологические перспективы (пост-постмодерн, контрмодерн,

сверхмодерн) рассматриваются как сценарные альтернативы будущего. На основании имеющегося исторического и социологического материала может быть предложена распределяемая по социальным институтам характеристика трёх моделей в логике развёртки: домодерн — модерн — постмодерн.

Таблица 2.

Исторические инверсии социальных институций

Институция	Домодерн	Модерн	Постмодерн
Источник генерирования ценностей	Традиция	Идеология	Постидеология («как само собой разумеется»)
Экономический уклад	Аграрная сфера	Индустриальное производство	Сервис
Социальное деление	Сословия, касты, общины (замкнутые структуры)	Классы (относительно открытые структуры)	Индивидуум (фрагментаризация)
Элита	Аристократия	Капитал или бюрократия	Глобальный олигархат
Семья	Большая патриархальная семья	Нуклеарная семья	Фактическое упразднение семьи
Кратология	Теократия	Идеократия	Нетократия
Ядро социальной организации	Церковь	Партии	Социальные сети
Источник знаний	Религиозное откровение	Наука	Агностицизм
Основа представлений об общественных явлениях	Эйдосы	Реальность	Симулякры

Восприятие истории	Священная история	Исторический процесс	Исторический нарратив
Предопределение будущего	Божественное предопределение	Законы развития	Неопределённость будущего
Этика	Жёсткая дифференциация Добра и Зла, добродетелей и греха	Общественное благо, мораль	Релятивность ценностного выбора, отрицание этических норм
Мышление	Мистика, с одной стороны, житейский рас­судок, с другой; пра­логическое мышление	Рационализм, логика	Клипное мышление

В раскрытии феномена постмодерна могут быть акцентированы различные составляющие связываемой с ним трансформации: релятивизация, социальная дистанция, виртуализация, социальная шизофрения, трансгендеризм, неуправляемость и др. Различия в акцентировке задаёт и различие в подходах к осмыслению феномена постмодерна. Задача видится в проведении факторного анализа, показывающего иерархию факторов в формировании типа «человека постмодерна» и внутреннюю связь этих факторов по отношению друг к другу.

Среди предполагаемого рассмотрения важное место отводится вопросу девальвации в рамках постмодерна научного знания. Если общество домодерна выстраивалось на апелляции к религии и мифологии, модерн исходил из безусловной веры в возможности науки и в научно-технический прогресс, то постмодерн агностичен. Сама наука, прежде всего гуманитарная, оказалась сдвинута от классической методологии к неоклассической, а потом и постклассической. От постклассической же науки остаётся один шаг к паранауке.

Таблица 3.

Историческая инверсия эпистемологических моделей науки

Критерии	Классическая наука	Неоклассическая наука	Постклассическая наука
Объективность знания	Чистая объективность	Субъектно — объектное знание	Субъективное знание
Определённость знания	Абсолютная определённость	Относительная определённость	Принципиальная неопределённость
Детерминированность	Однозначный детерминизм	Вероятностный детерминизм	Индетерминизм
Субъект познания	Трансцендентный, надчеловеческий субъект познания	Индивидуально-трансцендентный субъект познания	Эмпирический субъект познания
Истинность	Абсолютная истинность	Относительная истинность	Гипотеза
Универсальность научной теории	Всеобщность научных теорий	Партикулярность законов	Идеализированный характер законов
Плюристичность знаний	Монотеоретизм — одна истина	Принцип дополнительного, политеоретизма	Возможность неограниченного количества одинаково истинных описаний
Элементарная единица научных теорий	Понятие	Переход к термину	Знак / символ
Обоснованность научных теорий	Доказательность научных теорий	Подтверждаемость научных теорий	Утверждаемость научных теорий

Предмет науки	Объект	Абстрактный объект, модель	Структурированная сознанием сущность
Базовая лингвистическая характеристика	Текст	Контекст	Интертекст, супертекст
Содержание научных теорий	Дедуктивно упорядоченный текст	Частично упорядоченный текст	Нарратив
Метод науки	Универсальный метод	Методологический плюрализм	Особый лингвистический способ самовыражения и творчества

Генезис понятия «постмодерн»

Рассмотрим первоначально генезис понятия «постмодерн», которое, как и многие другие понятия социальной философии, исторически меняло свой смысл. Менялось и отношение к постмодерну, варьируясь от понимания его в качестве преодоления кризиса модерна в логике исторического реверса, прогрессивного прорыва к обществу будущего, социального и антропологического распада.

В истории герменевтики уже достаточно давно была отмечена закономерность появления понятия где-то за полвека до его включения в широкий общественный дискурс. Так это произошло и с понятием «постмодерн», впервые использованном в 1917 году, который можно охарактеризовать годом исторического торжества модерна. Авторство понятия приписывается немецкому философу-эссеисту *Рудольфу Панвицу*, применившему его в книге с характерным названием «Кризис европейской культуры». Панвиц являлся последователем идей Ф. Ницше, и понятие «постмодерн» использовалось им в ницшеанской семантике. Человек постмодерна был эквивалентом ницшеанского сверхчеловека. Постмодерн мыслился как шаг преодоления морального кризиса модерна.

Следующим фиксируемым в истории мировой философской мысли обращением к дефиниции «постмодерн» являлось использование его британским историком *А. Дж. Тойнби*. Первоначально в «Постижении истории» он оперировал понятием «постмодерн» как исторического этапа, который приходит на смену этапу модерна после Первой мировой войны. Тойнби, таким образом, определял понятием «постмодерн» то, что сегодня характеризуется в качестве апогея модерна. Однако в дальнейшем (уже в 1950-е годы) он изменил трактовку, став использовать понятие «постмодерн» для характеристики состояния цивилизационного кризиса Запада. Несмотря на значительное интеллектуальное влияние Тойнби в мире, его труды к понятию «постмодерн» не привлекли широкого внимания.

Применительно к сфере культуры понятие «постмодернизм» впервые употребил в 1934 году испанский писатель *Федерико де Онис* в книге «Антология испанской и латиноамериканской поэзии». Постмодернизм рассматривался им как переходный период от находящегося в кризисе модернизма к ультрамодерну или сверхмодерну. Этот переход мыслился им как сравнительно непродолжительный. К постмодернистам де Онис относил круг авторов консервативного направления внутри самого модернизма, не поддерживающих кризисные тенденции модерна. Постмодерн расширял пространство культуры, включая в него прежде культурно дискриминируемые группы, например женщин.

Сверхмодерн виделся в перфекционистской установке достижения идеального. К сверхмодернистам, по мнению де Ониса, в современной ему литературе относились: *Федерико Гарсиа Лорка*, *Сесар Вальехо*, *Хорхе Луис Борхес*, *Пабло Неруда*.

Идеи де Ониса нашли особый отклик в странах Латинской Америки, где понятия «постмодернисты» и «сверхмодернисты» стали маркёрами самоидентификации групп культурных авангардистов. Из Латинской Америки понятие «постмодерн» попадает в литературу США, а уже оттуда распространяется по всему миру.

Распространение понятия «постмодерн» в США принято датировать 1959 годом, связывая его первенство в использовании с фигурами литературного критика *Ирвинга Хоуи* и социолога *Чарльза Райта Миллса*. Оба они принадлежали к среде нью-йорк-

ских левых, где, вероятно, и генерировался соответствующий дискурс. Именно с этого момента происходит переосмысление постмодернизма как культурного упадка. Милас констатировал разрушение в обществе постмодерна прежних модернистских идеалов либерализма и социализма. Постмодернизм соотносился им с наступлением времени конформизма и социальной пассивности.

Хоуи характеризовал постмодернистских писателей как людей, «лишённых внутреннего стержня». Из сторонников достижения новых идеалов постмодернисты перетолковываются в качестве субкультуры без идеального.

Линию негативной трактовки тенденций постмодерна в литературе продолжил американский литературный критик и специалист в сфере сравнительной литературы *Гарри Левин*. Постмодернистская литература отвергла, согласно его оценке, высокие интеллектуальные стандарты культуры модерна. Суть постмодернистской модели составил сговор между художником и буржуа. Путём скрещивания культуры с коммерцией возник чудовищный гибрид.

Американский поэт-авангардист *Чарльз Олсон* в противоположность формируемой тенденции негативизации постмодерна выступил с его апологией. В день, когда Д. Эйзенхауэр стал президентом США, Олсон выступил с манифестом, связывающим постмодернизм (именно в таком написании) с «живым настоящим» и противопоставлявшим его жизни в отмирающих парадигмах прошлого. Пост-модернизм давался им в одном ряду с понятиями «пост-гуманизм» и «пост-история».

Писатель и литературный критик *Лесли Фидлер*, выступая на конференции Конгресса культурной свободы, созданного ЦРУ, приветствовал постмодерн как выражение «новой чувствительности» молодых американцев. Люди постмодерна характеризовались им как поколение, выпавшее из истории. Наркотики, борьба за гражданские права, смешение стилей, бунт против системы — всё это аккумулировалось понятием «постмодерн». Наиболее типичным примером постмодернистской рефлексии Фидлер приводил движение панков. Связь прокламаций в пользу постмодерна с ЦРУ заставляет предположить наличие проектной составляющей в его распространении.

Линию Фидлера с позиции социологии продолжил теоретик коммуитаризма и построения нравственного общества *Амитай Этциони*. Широкий резонанс вызвала написанная им книга «Активное общество» (1968), посвящённая его студентам — участникам антивластных волнений, где он в качестве ключевой дефиниции использовал понятие «постмодерн». Под постмодерном он понимал наступивший после войны период ослабления власти большого бизнеса и старых элит, демократизацию общественной жизни. Вера в наступление подлинной демократии была в целом характерна для шестидесятых, и показательно, что именно на 1968 год пришёлся выход книги «Активное общество». Наступят семидесятые, и основной темой становится кризис демократии и наступление новой корпоратократической реальности.

Наиболее развёрнутую и детализированную характеристику системы постмодерна в сфере культуры представил египетский и американский писатель и литературовед *Ихаб Хассан*. Им был составлен подробный каталог постмодернистских проявлений в культуре. Хасаном был составлен ряд культурных оппозиций, позволяющий проводить различие между модерном и постмодерном:

- Романтизм/Символизм — Патафизика/Дадаизм;
- Форма (соединяющая, закрытая) — Антиформа (разъединяющая, раскрытая);
- Цель — Игра;
- Замысел — Случай;
- Иерархия — Анархия;
- Мастерство/Логос — Истощение/Молчание;
- Предмет искусства/Законченное произведение — Процесс/Перформанс/Хэппенинг;
- Дистанция — Участие;
- Созидание/Соединение воедино — Разрушение/Деконструкция;
- Синтез — Антитеза;
- Присутствие — Отсутствие;
- Центрирование — Разбрасывание;
- Жанр/Границы — Текст/Интертекст;
- Семантика — Риторика;

- Парадигма — Синтагма;
- Подчинительные связи (гипотаксис) — Сочинительные связи (паратаксис);
- Метафора — Метонимия;
- Отбор — Комбинация;
- Корень/Глубина — Корневище/Поверхность;
- Интерпретация/Прочтение — Отказ от интерпретации/Ложное понимание;
- Обозначаемое — Обозначающее;
- Разборчивое (читаемое) — Подходящее для записи (писательское);
- Повествование/Великая история — Отказ от повествования/Малая история;
- Базовый код — Индивидуальный язык;
- Симптом — Желание;
- Типичное — Мутировавшее;
- Генитальное/Фаллическое — Полиморфное/Андрогинное;
- Паранойя — Шизофрения;
- Истоки/Причина — Различие-различность/След;
- Бог Отец — Святой Дух;
- Метафизика — Ирония;
- Определённость — Неопределённость;
- Трансцендентность — Имманентность.

Спорность предложенных Хассаном интерпретаций, таких как, например, оппозиция Бога Отца и Святого Духа, не отменяет значения его классификации в истории изучения феномена постмодерна.

Считается, что Жан-Франсуа Лиотар позаимствовал понятие «постмодерн» именно у Ихаба Хассана. Работа Лиотара «Состояние постмодерна» рассматривается рубежным произведением, после которого категория «постмодерн» оказалась ключевой дефиницией современного философского дискурса. Лиотаровская трактовка постмодерна заключалась в переходе от универсализма модерна к плюралистичности форм бытия и мышления. Именно в разнообразии видел Лиотар дальнейшую перспективу общественной трансформации.

Другой характерной чертой лиотаровской трактовки, задавшей последующее направление дискурса постмодерна, являлся переход

от цельности общества к модели паутины лингвистических конструкций. Язык в постмодерне превращался в симбиоз различных языковых игр. Наука оказывалась не более чем одной из такого рода лингвистических игровых форм.

Юрген Хабермас, с одной стороны, много внимания уделил критике модерна, приведшего к социально-культурному кризису, экологическим проблемам, монологичности метанарратива. Он указывал на изолированность друг от друга в модерне сфер науки, этики и искусства, что привело к утрате цельности бытия и внутренней замкнутости каждой из них, что и стало, по его мнению, причиной его краха.

Но вместе с тем, Хабермас полагал, что проект модерна не исчерпан и не завершён. С его точки зрения, отказ от положенных в основу модерна базовых принципов эпохи Просвещения не оправдан. Ошибка постмодерна виделась ему в позиционировании его в качестве антимодерна. Но контрдискурс модерна, чем и является постмодерн, входит в природу самого модерна и от него неотделим. Теоретики постмодерна сами оказываются в пространстве постмодерна.

Основным же направлением постмодернистского дискурса Хабермас считал деструкцию субъектности как фундаментального принципа модерна. Но без субъектности невозможно какое-либо созидание, а потому постмодерн ограничивается лишь деконструкцией модерна, собственной созидательной повестки не имея.

Фредрик Джеймисон обращался к теме постмодерна с платформы неомарксистского подхода. Постмодернизм раскрывался им в книге 1991 года в качестве культурной логики капитализма. Культура срачивалась с экономикой капитализма и подчинялась ей во всех своих проявлениях. Потребительское общество оказывалось целевой установкой деятельности корпораций, заинтересованных в максимизации прибыли. Постмодернизм оказывался инструментом в руках корпораций, направленным на формирование соответствующих их интересам ценностей и ориентиров.

Близких к Джеймисону взглядов придерживался другой сторонник неомарксистской методологии британско-американский историк и социолог *Перри Андерсон*. В работе «Происхождении постмодернити» он опровергал сложившееся ранее представле-

ние о постмодерне как левом течении общественной мысли. С его точки зрения, постмодерн является культурной надстройкой современного капитализма, что давало ему основания для характеристики Парижа — центра постмодернистской философии в качестве столицы интеллектуальной реакции.

Жана Бодрийяра обычно зачисляют в круг постмодернистских философов при том, что сам он свою принадлежность к постмодернистам категорически отрицает. Постмодернизм характеризовался им как смешение всего со всем, и от этого философ дистанцировался. Но в развитие постмодернистского дискурса им была внесена принципиально важная категория симулякра, ставшая одним из главных признаков постмодерна. Мир постмодерна предстаёт миром симулякров. Совокупность симулякров формирует гиперреальность, являющуюся подменой реальности. Современный человек, живущий в эпоху постмодерна, оказывается не в состоянии различить реальность и гиперреальность. Так, Диснейленд может казаться вполне реальным, хотя он есть не более, чем конструкт симулякров. Реальной ценностью могут восприниматься деньги, тогда как они есть также лишь симулятивные знаки.

Интеллектуальный лидер «Парижской школы» *Жак Деррида* привнёс в развитие постмодернистского дискурса метод деконструкции, ставший ключевым методом постмодерна. В центр анализа Деррида помещал текст. Мир представлял как совокупность текстов, являясь в целом супертекстом. Последователи Дерриды шли дальше, говоря о приоритетности анализа контекста. Текст и контекст подменяли в постмодерне человека. Метод деконструкции вёл к выведению за скобки человеческой субъектности, что выражало мейнстрим постмодернистского дискурса.

Отдельное место в истории постмодернистского дискурса отводится *Жилью Делёзу*. Обращаясь к психоанализу, а от него выходя на шизоанализ, он разрушал не только субъектность, но и смыслоцентричность культуры модерна и домодерна. Делез разрывал с декартовской основой субъектности человека, подвергая ревизию формулу «я мыслю, следовательно, существую». Им развивалась тема симулятивности мира, в рамках раскрытия которой он различал оригиналы, копии и симулякры.

Объяснительные модели

Существуют различные объяснительные варианты генезиса постмодерна. Расхождения между ними сопряжены с вариацией направлений социальной философии. На начальной стадии исследования целесообразно учесть каждую из них в целях выработки интегрального понимания природы постмодернистского перехода. Приведём некоторые из этих объяснительных моделей.

Объяснительная модель № 1: «Смерть Бога»

Постмодерн был порождён секуляризацией модерна. Провозглашённая модерном «Смерть Бога» должна была на следующем шаге привести к смерти человека.

Понимаемый как образ Божий человек содержал в себе определённую идеальную проекцию, устремлённость к высшему идеалу. Купирование этого идеала приводило логически следующим ходом и к разрушению человека. Формула «смерть Бога» начала двадцатого века переходит в формулу «смерть человека» в начале века двадцать первого.

Переход от теоцентризма к антропоцентризму означал, что ценности не задаются свыше, а генерируются самим человеком. Но если человек субъектен в генерации ценностей, он может сделать любой выбор по своему произволу. А это уже фактически означало постмодерн с его индивидуальной аксиологической релятивизацией.

Объяснительная модель № 2: «Смерть автора»

В философии структурализма признаком постмодерна было определено исчезновение автора и авторства. Акцент в логике развёртки триады «домодерн — модерн — постмодерн» был сделан в данном случае на смене дискурсивных парадигм. Авторство понималось как субъектность создания текста.

В традиционном обществе в качестве автора и универсального субъекта понимался Бог. Составитель текста выступал лишь транслятором Божественного откровения. Мухаммед лишь озвучивал то, что ему было ниспослано через архангела Джабраила (являлся

к пророку 24 тысячи раз). Имена авторов средневековых летописей и хроник часто оставались неизвестны, поскольку подлинным создателем текстов был Бог. Книжная мудрость состояла в истолковании слова Божьего. Летописи были не столько свидетельством о прошлом, сколько подтверждением того, что религиозные пророчества сбываются.

Модерн открыл субъектность и авторство человека. С эпохи Ренессанса устанавливается автороцентричность (Я-центричность) дискурса. В литературной критике принципиальное значение приобретают биография создателя произведения, его воззрения. В сути своей каждый текст оказывался автобиографичен. Что бы ни писал автор, он в конце концов писал о себе.

Дискурс постмодерна определялся констатацией смерти автора. К выводу «смерть автора» в дискурсологии постмодерна пришли самостоятельно друг от друга Ролан Барт и Мишель Фуко. Постмодерн ставил под сомнение субъектность создателя текста ввиду влияния на него всей совокупности дискурсивных практик и социокультурного контекста. У каждого текста оказывалось множество авторов, и в нём концентрировалась вся история мировой культуры. При расширении коммуникационного пространства авторство как субъектность создателя текста всё более размывалось. Авторами текста становились все и одновременно никто. Контекст в постмодернистской дискурсологии оказывался важнее текста, так как понимался теперь как производное от него. Контекстуализация становилась важнейшим методом. Возникают пиратские партии, выступающие за ревизию системы авторского права и интеллектуальной собственности, засматривавшуюся в условиях свободной циркуляции информации в качестве анахронизма.

Объяснительная модель № 3: «Либеральный тренд»

Либерализм, победив в идеологических столкновениях двадцатого столетия коммунизм и национализм, задал тренд смены модерна постмодерном. Базовой ценностью либерализма выступает свобода индивидуума. Из этой ценности следует целевой ориентир — предельная индивидуализация. Она проявляется и в педагогике, и в культуре, и в видении направленности социального развития.

Любые социальные обременители общества в отношении человека должны быть, сообразно с либеральными ценностями, преодолены.

Утверждая высшую ценность свободы, либеральная идеология последовательно освобождала человека-индивидуума от подчинения различным социальным скрепам. Исторически вначале либерализм «освобождает человека» от власти церкви, затем — государства, потом — всякой иной социальной принадлежности. На стадии неоллиберализма происходит освобождение человека и от уз семьи.

Но и на этом не ставится точка. Человек освобождается от половой принадлежности. Идентификаторы «мужчина» и «женщина» упраздняются. А дальше упраздняется и сам человек. Постмодерн, таким образом, оказывается логически произведен от универсализации либерализма, его победы над идеологическими оппонентами.

Объяснительная модель № 4: «Технологический переход»

Постмодерн как социокультурный феномен соотносится с переходом от индустриального общества к постиндустриальному, от капитализма — к посткапитализму. Для индустриального производства с его конвейерными технологиями требовалась высокая концентрация труда. В процессе урбанизации и индустриализации происходит болезненная ломка традиционного сознания крестьянского мира. Столь же болезненная ломка происходит при переходе к постиндустриальной модели, предполагающей, напротив, деконцентрацию, с одной стороны, при выстраивании сетевых объединений с другой. «Люди постмодерна» оказываются в этой логике максимально адаптированными к новым технологическим реалиям. Напротив, «люди модерна» (индустриалы) оказываются аутсайдерами. Перефразируя формулу девяностых — «они не вписались в цифровую экономику».

Объяснительная модель № 5: «Технология манипулирования массовым сознанием»

«Люди постмодерна» являются продуктом целевой пропаганды через СМИ, рекламу, массовую культуру, трансформированное

образование. Они есть результат манипулирования массовым сознанием и зомбирования современного человека.

Дебилизация человечества системно запрограммирована утвердившейся моделью глобального жизнеустройства. При системе, условно определяемой как капитализм, основной установкой деятельности мировых и национальных хозяйствующих акторов является получение прибыли. Природа капитализма через раскрытие формулы «деньги — товар — деньги» блестяще была показана К. Марксом в «Капитале». На своей начальной стадии рост прибыли обеспечивался за счёт расширения рынков сбыта. Новые рынки включались в капиталистическую систему посредством колониальной экспансии. Последним таким расширением стало включение в капиталистическую систему стран бывшей международной системы социализма, обрушение которой стало для капитализма спасением. Но что делать, когда новых потенциальных рынков сбыта больше нет?

Ситуация отсутствия возможностей для расширения капитализма в юбилейном докладе Римского клуба была определена как ситуация «полного мира». Получать прибыль через расширение рынков сбыта более стало невозможно. Возникла новая стратегия — увеличение потребительских запросов населения. Для этого должно было быть осуществлено потребительское зомбирование, формирование модели человека-консьюмериста. Прежний тип человека, с духовными ценностями и смыслами, оказывался объективно помехой в деятельности глобальных корпораций. Смыслоцентричная культура прошлого подвергается в итоге делегитимизации, вытеснению на периферию.

Клонирование «людей постмодерна» является естественным результатом работы такой системы. Возникает феномен «социального дебилизма», без раскрытия которого описать группу «людей постмодерна» не получится.

Объяснительная модель № 6: «Заговор»

Распространение ценностей постмодерна связано с кооптированием в элиту групп девиантной психики. Придя к власти или получив возможность властного влияния, эта группа нормативизирует то, что ранее считалось грехом или девиацией.

В этом отношении проблема «людей постмодерна» может быть рассмотрена в контексте более общей проблемы меньшинства и большинства. Ядром заговора оказываются при этом рассмотрении «сексуальные меньшинства», исторически (ещё с античных и средневековых времён) пытавшиеся продвинуть «своих» на ключевые позиции влияния в обществе. Ядром ценностей постмодерна оказывается, соответственно, позиция «гендерной множественности» и даже избранности «сексуального меньшинства».

На современном историческом этапе в ряде стран мира ЛГБТ-движение установило свой контроль за важными механизмами фильтрации элит. Действует система ЛГБТ-непотизма и ЛГБТ-лоббирования. От не входящих непосредственно в круг ЛГБТ политических и общественных деятелей требуется демонстрация лояльности. Лояльность к ЛГБТ-движению подразумевает и лояльность к мировой западноцентричной системе элитаризма. И, напротив, политики и общественные деятели, демонстрирующие нелояльность к ЛГБТ, бросают, как считается, вызов всей мировой элите.

ЛГБТ-пропаганда и однополые браки являются наиболее индикативным признаком эпохи постмодерна. Постмодерн отрицает любые сверхиндивидуальные системы ценностных координат. Соответственно упраздняются и базовые для традиционной модели общества категории добра и зла. Вместе с этим снимается и понятие греха. Греха для постмодерна нет, так как нет сверхиндивидуальных ценностей. Нивелировав первоначально различия между греховным и праведным, постмодерн идёт далее по пути пропаганды именно того, что ранее квалифицировалось в качестве греха. Происходит инверсия, которую предсказывали пророки во всех мировых религиях.

Объяснительная модель № 7: «Цивилизационный кризис»

Постмодерн является проявлением цивилизационного кризиса современной западноцентричной системы мира. Наиболее подверженным постмодернистской эрозии оказывается сегодня именно Запад. Европа в настоящее время коннотирует в восприятии незападного мира с гей-пропагандой («гей-Европа»). Для не-

западной периферии постмодерн менее характерен и представлен преимущественно анклавами западной субкультуры.

То, что сегодня происходит с Западом, происходило прежде фактически со всеми цивилизациями в фазе их гибели. Фактически везде наблюдалось, в частности, снижение показателей детности и распространение содомитства. Метафорический образ «Содома» содержал понимание древних, что вслед за нравственным упадком приходит и гибель социума.

Уже в эллинском мире был пройден весь сценарный путь разрушительных последствий релятивизации добра и зла. «Держателями знаний» первоначально выступали эзотерики. Их ролевые функции закреплялись приверженностью традиции. Хранителей знаний сменили их толкователи. На место эзотерика пришёл философ. На первый план выходит проблема субъективизма интерпретаций. Третий этап сценария заключался в выходе на авансцену развития греческой мысли софистов. Софистический релятивизм стал прообразом философии постмодерна. Софизм, как считают многие исследователи, это своего рода детонатор, сыгравший решающую роль в разрушении древнегреческой цивилизации. Этическим выражением софистической мысли стал скептицизм. Если полисная система миростроительства базировалась на строго определённых добродетелях, соотносимых с императивом служения городу-государству (дидактика «Илиады»), то для софизма добро и зло стали относительными категориями, сводясь к субъективизму индивидуального выбора.

Древний Рим прошёл через ту же инверсию. На стадии подъёма римляне строго придерживались установленных представлений о добродетелях. Рим эпохи упадка, напротив, характеризовался пресыщением и развратом. Можно с определённой долей условности охарактеризовать позднеримскую элиту как «людей постмодерна». Ей был присущ совершенно тот же набор установок — культ удовольствий, разврат и сексуальные извращения, консьюмеризм и запрос на шоу («хлеба и зрелищ»), идея сверхчеловека и избранности немногих и т. п.

Основоположник цивилизационного подхода А. Дж. Тойнби полагал, что постмодерн — это состояние кризиса западной цивилизации. О. Шпенглер, хотя и не использовал понятие «постмо-

дерн», фактически писал о том же при раскрытии метафоры «Закат Европы».

Каждая цивилизация, подобно живому организму, когда-то возникает и гибнет. Предгибельное состояние цивилизации — цивилизационный кризис, когда девальвируются базовые для неё ценности, обрушиваются механизмы жизнеобеспечения. Цивилизационные кризисы могут, ввиду различия самих цивилизаций, приобретать различные формы. Но, в сущности, они подобны друг другу и состоят в отрицании их аксиологического фундамента цивилизаций. Для цивилизации Запада цивилизационный кризис выражается культурной энтропией постмодерна. Ввиду её мирового доминирования постмодерн вышел за локальные рамки цивилизации Запада и приобрёл глобальное выражение. Но очагом болезни, что подтверждается данными социологии, выступил именно Запад.

Объяснительная модель № 8: «Поколенческая инверсия»

Постмодерн в версии теории поколений сводится фактически к конфликту «отцов» и «детей». Отцы выступают «консерваторами», дети — «постмодернистами». Если эта теория верна, то постмодернистский переход не катастрофичен. То, что забыли сыновья, вспомнят внуки. Да и сами «люди постмодерна» с годами будут дрейфовать в сторону консервативной ценностной платформы. (Приписываемая У. Черчиллю фраза: «Кто в молодости не был радикалом — у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором — у того нет ума».)

Полный цикл поколенческих инверсий включает, согласно теории поколений, четыре архетипические фазы: пророки, странники, герои и художники. Для современного цикла это поколение бэби-бумеров (1945–1963 годы рождения), поколение «X» (1964–1984 годы рождения), поколение «Y» (1985–2004 годы рождения) и поколение «Z» (2005 — наши дни). Пророки в молодости задают альтернативные прежней системе ценности и смыслы, а в старости управляют и властвуют. Герои — это пущечное мясо, они бросаются на амбразуры. Но направляют их, вооружают идеей и вручают знамёна почти всегда пророки. Поко-

ление «Z» в наибольшей степени соответствует парадигме пост-модерна, и в рамках этой генерации они доминируют. Однако в качестве определённых изводов они могут быть представлены и в рамках трёх других поколений, не являясь доминантной группой.

Для предыдущего поколенческого цикла в качестве пророков выступало «миссионерское поколение» 1865–1884 гг., а героев — «величайшее поколение» 1905–1923 гг. К миссионерскому поколению принадлежали и В. И. Ленин, и И. В. Сталин, и Л. Д. Троцкий, и Франклин Рузвельт, и Уинстон Черчилль, и Махатма Ганди, и Кемаль Ататюрк.

Поколение «X» было ещё ориентировано на традиционные формы коммуникации, в центре которого оказывались каналы телевидения и печати. Его социализация связывалась, соответственно, с коллективным форматом деятельности. Поколение «Y» сформировалось на стадии перехода к интернет-коммуникации, когда открывались перспективы выстраивания человеком индивидуального виртуализированного мира. Это было поколение жёстких индивидуалистов, категорически не принимающих любых попыток прямого воспитания и нарушения приватного пространства. Третья генерация — поколение «Z» — также является поколением, погружённым в виртуальный мир Интернет. В отношении этого поколения как наибольшую угрозу указывают угрозу «цифровой эмиграции». Но в рамках мира цифровой эмиграции им создаются сетевые сообщества по интересам и близости позиций.

Но на поколении «Z» поколенческие инверсии не заканчиваются. Согласно теории поколений, человек нового цикла будет соответствовать вновь архетипу пророка. А это означает, что запрос на ценности и смыслы, слабо артикулируемый нынешней молодёжью, завтра возрастет принципиально.

В соответствии с логикой поколенческого развития, в дальнейшем будет всё более актуализироваться запрос на новую социальность. Этот запрос вступает в очевидное противоречие с тенденциями атомизации и социального распада, задаваемых современной постмодернистской моделью. И, таким образом, можно предположить приближение мира к черте принципиальных жизнестроительных изменений.

Объяснительная модель № 9: «Субпассионарии»

Существует распространённое видение исторического процесса через призму обладания социумом особой психоэнергией. Психоэнергия расходуется с течением времени. С каждым новым поколением доля носителей психоэнергетических потенциалов сокращается. На места героев приходят потребители, на места идеалов — конъюнктура. Состояние предельного выхолащивания психоэнергии социума соотносится со стадией постмодерна.

Согласно позиции французского традиционалиста Рене Генона, популяризируемого в России в трудах А. Г. Дугина, энергетика социума задаётся исходящим свыше Откровением. Возникая в качестве идеального Божественного установления, каждая система в дальнейшем объективируется, овеществляется, всё более отдаляется от первоначального идеала и в итоге подходит к своей гибели. «Люди Откровения» максимально приближены к световому идеалу, «люди постмодерна» максимально от него удалены. Удаляясь от Откровения, они могут встать на путь контринициации, то есть противостояния Божественной традиции. Такое противостояние есть сатанизм. Постмодерн в этом отношении может выражаться в потребительстве («человек-голем»), а может в прямом противостоянии Богу («античеловек»).

При применении методологии теории пассионарности «люди постмодерна» могут быть охарактеризованы как субпассионарии. На первой стадии при переизбытке биоэнергетического потенциала этнос стремится к внешней экспансии и представлен людьми-героями. В дальнейшем при уменьшении числа пассионариев наступает гармоническая стадия этногенеза, выражающаяся в стремлении к развитию наук и культуры, а этнос представляют «люди-гармоничники». При полной утрате пассионарного напряжения этнос впадает в стадию обскурации, определяемую доминацией материального прагматизма и гедонистической этики. Его остатки являют собой субстрат для начала нового цикла этногенеза. Вот на этой стадии в версии Л. Н. Гумилёва и доминируют субпассионарии, которых при перенесении на иную категориальную систему координат можно определить как аналог «людям постмодерна».

Объяснительная модель № 10: «Новый антропологический тип»

Ввиду до конца не выясненных обстоятельств — изменения климата, воздействия технологической среды, модификации структуры питания, расового скрещивания, вирусного воздействия — произошли и продолжают происходить антропологические изменения. Одна из версий — сокращение доли левополушарников с соответствующими последствиями в виде кризиса рационализма. Основанием появлением «людей постмодерна» оказывается в этом понимании соответствующий антропологический транзит.

Эволюционный процесс не был завершён сорок тысяч лет назад, и само представление о его завершённости противоречит идее эволюции. Эволюционные изменения внутри вида могут быть направлены как в сторону конвергенции, так и дивергенции. Не обязательно эти изменения ведут к эволюционному прогрессу. Возможно и появление тупиковых ветвей эволюции, возможна и инволюция, биологическая деградация. Этнологам хорошо известны примеры биологического угасания отдельных реликтовых народов. Не исключено, что и в настоящее время проявляются последствия происходящих антропологических сдвигов, что и находит социокультурное выражение в постмодерне.

Является данностью изменение при постмодерне типа мышления. Компьютер и Интернет явились факторами замены логического мышления клиповым. При клиповом мышлении текст фрагментаризуется, деструктурируется единый смысловой нарратив. Как следствие, происходит разрушение цельности сознания. При отсутствии собственной когнитивной матрицы устанавливается зависимость мышления от внешних источников интерпретации информации. В глобальной перспективе происходящее может быть охарактеризовано как движение по пути контрэволюции.

Объём информации и скорость её получения в эпоху Интернета опережает развитие интеллектуальных способностей человека, возможности осмыслить информационные сигналы. Разрыв можно было бы ликвидировать посредством акцентированного развития интеллектуальных потенциалов человека. Однако, напротив,

теория педагогики и, в частности, советская теория развивающего обучения оказались отброшены, как нечто неактуальное.

В ситуации информационной передозировки отключаются важнейшие составляющие сознания — внутренний мир, отвлечённое мышление, мировоззрение. Новый человек без внутреннего мира, без отвлечённого мышления и мировоззрения предстаёт как современное перевоплощение Голема или чудовища Франкенштейна.

Человек традиционного общества мыслил на основе религиозной матрицы. Смыслы и ценности для него были аккумулированы в религии. Человек эпохи модерна мыслил на основе матрицы идеологической. Через ту или иную идеологию происходило осмысление им бытия и своего места в мире. И для человека религиозного, и для человека модерна была характерна мировоззренческая целостность с соответствующей иерархией ценностей и смыслов. Но наступает постмодерн, и мировоззренческая целостность разрушается. На первой фазе постмодерна происходит распад смыслового единства. Теоретики постмодерна заявляют о смысловой множественности и неопределённости любого объекта, а также возможностях игры смыслов для любого субъекта. Такая ситуация расщепления сознания человека могла быть охарактеризована как социальная шизофрения. Эрих Фромм писал о шизофрении как главном признаке современной ему эпохи. Вслед за распадом смыслового единства наступает следующая фаза, характеризующаяся купированием смыслов как таковых. От состояния социальной шизофрении осуществился в проекции постмодернистского тренда переход к состоянию социального дебилизма.

Объяснительная модель № 11: «Парадигмальный эклектизм»

Реальные социальные системы отличаются от чистых моделей наличием разнородных элементов. Такая разнородность выражалась в своё время применительно к дореволюционной России понятием «многоукладность». Но многоукладной является любая в масштабах страны социальная система. Никогда не было чистого капитализма, как и чистого социализма, как и любого другого из «измов». Но, тем не менее, в каждой из систем имелось главное, опре-

деляющее её природу, и второстепенное. Советская система была парадигмально социалистической, хотя элементы капиталистические и элементы натурального хозяйства как ниши второго порядка в СССР также существовали. Когда же разнородность достигала критического порога, возникали внутренние противоречия, как следствие — кризис, революция и смена модели.

Постмодерн в противоречии с этим пониманием исходно эклектичен. Чистая модель для постмодернистского сообщества принципиально невозможна, так как в нём отсутствует ценностный фундамент. Соединяется воедино то, что, казалось, не могло быть соединено. Анклавы массового потребления соседствуют и пересекаются с анклавами шариатского права. Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде сочетается с памятником Ленину и Макдональдсом. Локализуемые прежде этнические культуры теперь смешиваются. Утверждается, сообразно с метафорой американских культурных антропологов, вместо «плавильного котла» «этническая салатница».

Эклектизм на следующей фазе постмодерна выражается уже не только в пересечении различных культурных нарративов, но в сочетании их в сознании одного человека. Такое сочетание приводит к распаду цельности личности, внутренним психологическим противоречиям и шизофрении. Постмодернизм в этом смысле продуцирует образ человека-шизофреника.

Вместо материализма периода модерна отмечается рост интереса к религии. Однако новая религиозность не имеет ничего общего с религиозностью периода традиционного общества. Сложился фактически квазирелигиозный синкретизм, представляющий собой причудливое сочетание разных религий, оккультизма, науки, суеверия, шарлатанства.

Объяснительная модель № 12: «Крах метанарративов»

Определение постмодерна как кризиса метанарративов, принципиального отказа от больших проектов дал ещё в 1970-е годы французский постструктуралист Жан-Франсуа Лиотар (его наиболее известная работа «Состояние постмодерна», 1979 г.).

Лиотар поддерживал постмодернистские тенденции перехода от «великих нарративов» к локальным и индивидуальным нарративам, видя в макронарративистике источник насилия в мире. Большие нарративы связывались им со стремлением к универсальности. Особое значение в переходе на язык метанарративов Лиотар отводил эпохе Просвещения. На основе больших нарративов была выстроена социальная мифология, легитимизирующая насилие по отношению к тем, кто не укладывается в прокрустово ложе универсальности. Но, полагал он, после катастрофы XX века дальнейшая легитимизация больших нарративов стала более невозможна.

Вместе с тем, в отказе от больших нарративов Лиотар видел угрозу кризиса этики. Этика всегда строится на универсальных положениях и предполагает метанарративность. Формула «нельзя воровать» основывается на универсальности понимания того, что воровство безнравственно. Тогда как основывающаяся на малом нарративе формула «нельзя воровать у Маргарет» оказывается нефункциональной и не может служить этическим суждением.

Позднее, после краха советского большого нарратива крах метанарративов стал переосмысливаться преимущественно в негативном ракурсе. Фактически обнаруживалось утверждение как данности либеральной универсальности.

Большой нарратив близок понятию «идеология». В этом отношении время постмодерна рассматривается как время репрессинга идеологий. В традиционном обществе ценности и смыслы находили аккумулированное выражение через религии. Общество модерна развивалось, приняв за основу развития ту или иную идеологию. Постмодерн заменил идеологии постидеологией. Её отличие от идеологий состоит в том, что ценности и идеи не называются непосредственно, но подразумеваются как данность. Но то, что подразумевается, как само собой разумеющееся, соотносится главным образом с идеологической парадигмой либерализма. В этом отношении постидеологию можно рассматривать как выход на новый уровень системы манипулирования массовым сознанием. Идеологические положения стали восприниматься нерелексивно, распространяться через различные манипулятивные механизмы и практики.

Переход к постмодерну в этой объяснительной модели явился следствием провалов в двадцатом столетии больших идеологических проектов. Вначале рухнул проект фашистский, затем — пошатнулся коммунистический. Трагедии двадцатого века перечёркивали не только соответствующие идеологические проекты, но и породившую их культуру модерна. В противоположность модернистской универсальности постмодерн утверждал право каждого на индивидуальность. Его ключевым признаком в этой версии являлась радикальная плюралистичность.

Однако максимизация индивидуализации и плюрализма приводила к другой крайности — распаду самого общества. Любое общество предполагает некие общие ценности и нормы, универсалии. Отказ от универсалий означал и упразднение общества, вместе с его универсализированным правом и универсализированными социальными институтами. Кризис современного государства соотносился с этой разрушительной тенденцией постмодерна. Возникла перспектива возвращения к описанной Т. Гоббсом ситуации догосударственного бытия — войны всех против всех.

Объяснительная модель № 13: «Смена парадигм, время транзита»

Постмодерн, сообразно с этой объяснительной моделью, представляет собой исторический переход от одной системы общества к другой. В этом отношении он не самостоятельный этап, а всего лишь переходный период, характеризуемый доминацией сил хаоса. С объяснением постмодерна как транзитного состояния выступил, в частности, Умберто Эко. Нечто подобное тому, что наблюдается сегодня, имело место при переходах от античности к средним векам и от средних веков к новому времени.

В переходной фазе происходит ломка прежних мировоззренческих координат, девальвируются прежние ценности, делегитимизируются прежние общественные институты. Получают поддержку разрушительные силы, действия которых консерваторы маркируют как греховные. Всё это продолжается до тех пор, пока не завершится новая общественная сборка. Окончание переходного периода оказывается в этом отношении и окончанием времени постмодерна.

Объяснительная модель № 14: «Когнитивный кризис»

Постмодерн в этой объяснительной версии является следствием эпистемологического кризиса. Модерн был построен на рационализме мышления, системообразующую роль в котором играла логика. Быть логичным означало идти по пути к истине. Существовала универсальная вера в познавательные возможности науки и, соответственно, в деятельные возможности научно-технического прогресса. Модель рациональности модерна пришла на смену мышлению средневекового человека, существенная роль в познании которого отводилась мистике и интуиции.

Основой для постмодернистского перехода стала теория относительности. Сама по себе теория, следует оговориться, постмодерном не являлась, но она послужила основанием для постмодернистской ревизии. Постмодерн в этой версии выстраивался в соответствии с тенденцией релятивизации знаний. Знания из объективной данности становились сугубо субъективными. Следующим шагом упразднялся и сам познающий субъект. Модернистский поиск универсальных законов развития снимался с дискурсивной повестки. Наука превращалась не более чем в один из возможных нарративов. Провозглашалось наличие разных типов рациональности, и утверждалась возможность неограниченного количества одинаково истинных описаний. Принципы доказательности и подтверждаемости были заменены принципом утверждаемости, являясь фактически способом самовыражения.

Объяснительная модель № 15: «Глобализация, или новое вавилонское смешение»

Сообразно с этой объяснительной моделью, постмодерн стал закономерным следствием глобализационных процессов. Глобализация ломает границы, приводит к смешению культур, стилей, языков. Мигранты оказываются агентами производимого глобализацией смешения. Описанное Жаком Аттали «общество новых кочевников» и есть общество постмодерна. Социальной проекцией постмодерна оказывается мультикультурализм.

Возникают коннотации с вавилонским смешением, наступившим после провала проекта строительства Вавилонской башни. Проект строительства Вавилонской башни в этом прочтении есть модерн, тогда как вавилонское смешение — постмодерн.

Глобализация переходит в глокализацию — разделение общества по локалитетам, его фрагментаризация. Разъединение постмодерна оказывается оборотной стороной глобализационного объединения.

Исторические результаты постмодерна: разверзшаяся бездна

То, что называется постмодерном, исторически проявилось как системный кризис. Нет ни одной из институций, которая бы не оказалась подвержена постмодернистскому поражению.

Потребительская мораль и гедонизм получили в настоящее время глобальное распространение. Стремительно девальвируется ценность труда. В состоянии эрозии оказалась традиционная семья, легализованы однополые браки, проводятся гей-парады. В результате — падение показателей детности, депопуляция, старение наций. Происходит погодовое возрастание удельного веса наркозависимой молодёжи. Пропаганда секса, замещающего любовь, идёт параллельно с пропагандой насилия. Убийство человека в современных кинофильмах и компьютерных играх — обыденная сцена. Наблюдается рост проявлений немотивированной агрессии, формируются и воспроизводятся различные фобии. Люди всё больше ненавидят друг друга. Конфликты на почве этнических и конфессиональных противоречий вспыхивают во всех уголках планеты.

Расширяются масштабы социального дна, заполняемого новыми маргиналами и нелегальными мигрантами. Образование «золотой молодёжи» всё более отделяется от системы массового образования. Потеря мировоззренческих смыслов бытия оборачивается ростом показателей суицида. Вопросы мировоззрения вытесняются из актуальной повестки человеческого дискурса. Творческое мышление парализуется установками потребительства. Подлин-

ная сущность духовного человека первоначально оказалась подменена типом человека экономического, а далее и человека-потребителя.

Однако объективно на основаниях паразитизма, потребительской морали и извращений мир в длительной исторической перспективе существовать не может. Паразитизм, в силу самой своей природы, не может стать явлением всеобщим. Для паразитирования бенефициариата требуется, чтобы большинство населения мира трудилось и самовоспроизводилось до определённых пределов демографически. Следовательно, и ревизия существующей системы мироустройства исторически неизбежна.

Во многом схожие черты духовного кризиса человечество испытало при переходе от античной системы к средневековью. Рост неравенства, отношения «раб — господин» подводили к рубежу, за которым открывалась перспектива распада единства человеческого вида. Дифференциация на высшие и низшие антропологические типы воспринималась как нечто самоочевидное. И вот в этой ситуации перманентного кризиса прозвучали великие духовные откровения. Будда, Конфуций, Христос, Мухаммед... — каждый применительно к своему цивилизационному контексту говорил о ценностях подлинного человеколюбия. И именно религии долгое время выступали основной путеводной силой, ведущей по направлению к нравственному совершенству человека. После великих духовных откровений убить раба так же, как убивают скот, было более невозможно.

То, что в Древнем мире и в Средневековье выражалось в рамках религий, в Новое время заявляется уже с позиций светской науки. Возникает аксиология гуманизма. Советский исторический проект также возник в перспективе движения человечества к гуманистическим идеалам. Когда, во время существования СССР, была выдвинута идеологическая и геополитическая альтернатива миру социального паразитизма, неравенство между странами, народами и социальными группами снижалось. Хотя реальная практика строительства социалистического общества в СССР бросила тень на советский опыт, тем не менее, не отменяла сам запрос человечества на построение системы, ведущей его в направлении к высшим гуманистическим идеалам. И сегодня мир всё более остро нужда-

ется в артикуляции нового слова в развитие ценностей очеловечивания человека.

Кризис человечности предполагает и наличие системного кризиса мироустройства. Ввиду того, что современное существование любого сообщества, вне зависимости, как к этому относиться, встроено в единую мировую систему, то с позиций функционирования всей мир-системы его и следует рассматривать.

Система, традиционно определяемая в качестве капиталистической, могла функционировать только при условии расширения рынков сбыта. Борьба за их расширение обуславливала колониальную экспансию. Формы её осуществления хорошо известны хотя бы по опыту «опиумных войн» в Китае. Однако на настоящее время потенциалы для расширения рынков сбыта фактически исчерпаны. В такой ситуации для глобальных акторов мирового рынка актуализируется иная рецептура — формирование роста потребительских запросов населения. Для функционирования глобальных корпораций нужен специфический антропологический тип — человек-консьюмерист.

Старая классическая форма капиталистического рынка — спрос определяет предложение — уже фактически упразднена. В условиях посткапитализма спрос формируем. Человек оказывается зомбируемым на потребление. Современные технологические возможности распространения информации позволяют такое зомбирование осуществить. Реклама из вспомогательного средства рыночного продвижения товаров становится властной силой, подчиняющей сознание, точнее — подсознание масс. В художественной литературе и кинематографе уже созданы образы глобального властвования рекламных агентств, подчиняющих себе в том числе и сферу политики как конфигурации различных симулякров.

Однако для осуществления потребительского зомбирования масс существуют некоторые помехи. Таковыми помехами выступают духовные ориентиры бытия, традиционные ценности, исторически выработанные в любом из цивилизационных сообществ. Максимы духовного бытия в противоположность рекламе говорят не о потреблении, а его разумном ограничении, а для сильных духом — даже и об аскезе. «Русские особо опасны мизерностью своих потребностей», — говорил в своё время Отто фон Бисмарк.

Опасны они не сверхпотребностями, как, например, опасно американское общество, имея в виду занимаемую им долю в мировом потреблении, а как раз, наоборот, их мизерностью. Целевое разрушение духовных ориентиров и традиционных ценностей, в итоге традиционного образа человека — в этом нет никакой конспирологии, а вполне прагматичный бизнес.

Традиционные ценности напрямую связывались с исторически сложившимися идентичностями цивилизационных сообществ. Они составляют аксиологическую матрицу любой из цивилизаций, и их изъятие означает фактически и децивилизация. Соответственно, в фокусе информационных атак оказываются и большие цивилизационные идентичности. Как нечто само собой разумеющееся человек сегодня определяется как индивидуум. Но взгляд на человека в качестве индивидуума — это одна из существующих антропологических моделей, но далеко не единственная. Индивидуум — буквально в греческом эквиваленте — атом. Человек-атом — далеко не все цивилизационные сообщества могли принять такой взгляд. В православной России человек понимался как собрат во Христе, в СССР — социальным существом, связанным с другими людьми, но никак не индивидуумом. Человек-атом не мог быть никак соотнесён и с общим положением авраамических религий о сотворении человека по образу и подобию Божьему. Но человеком-атомом, вырванным из культурной среды, из идущих из глубины веков традиций, безусловно, гораздо проще управлять. И это многое объясняет.

Реализуется де-факто проект расчеловечивания человека. Человек есть существо социобиологическое. Человеческая природа содержит, соответственно, уровни биологической и социальной жизни. Социогенез начинается с введения первых табу — запретов, ограничителей биологической жизни. Далее формируются нравственные идеалы развития. Развёртывается длительный исторический процесс очеловечивания человека. Однако тонкая плёнка культуры может быть легко порвана. И тогда человек предстаёт в своём зверином облики. Расчеловечивание оказывается сопряжено с раскультуриванием. Если для очеловечивания требуется длительное историческое время, то расчеловечивание может осуществляться единомоментно, как сброс культурной надстройки.

Клавиши раскультирования, пробуждения тёмных звериных инстинктов в человеке хорошо известны. Ими в разные времена пользовались элиты и контрэлиты в своих корыстных целях. Однако в целом на нажатие этих клавиш был установлен моральный запрет. Сегодня эти запреты снимаются, и это грозит самыми катастрофическими последствиями.

Общий тренд кризиса существующей системы мироустройства ввиду исчерпанности возможности для расширения рынков сбыта катализируется ещё и тем обстоятельством, что центр сложившейся мир-системы стремительно утрачивает свои геэкономические позиции. Будучи однозначным лидером в плане управления глобальными финансовыми институтами, он,

во-первых, так и не смог стать однозначным гегемоном в военной сфере, и фактор ядерного сдерживания со стороны России сохраняется по сей день;

во-вторых, утратил к тому же абсолютное первенство по занимаемому удельному весу в мировой экономике.

И этому есть свои причины: сколько бы денег у тебя не было, при эрозии ценности труда экономическое развитие невозможно. Часто сегодня забывают, что экономика создаётся не деньгами, которые лишь средство, а трудом.

Но не стоит сомневаться, что без сопротивления, без принятия экстраординарных мер мировой центр от своего положения не откажется. Хаотизация мира — один из очевидных ходов в противодействии со стороны центра существующим трендам. Финансовыми и информационными возможностями для такой хаотизации он располагает. И в фокусе этой атаки оказывается человек.

Современную антропологическую инверсию отличает то, что она блокирует любую перспективу развития. Социально-экономическое развитие невозможно на другой основе, как на основе труда. Это кажущееся очевидным положение часто забывают. Формируется иллюзия, что в основе экономики лежат финансы. Но ведь даже при сверхбольших деньгах, но при отсутствии труда никакое благо — материальное или духовное — не будет создано. А вот именно с трудом и возникает серьёзная проблема. Приходят поколения с совершенно атрофированной этикой труда, но при этом с высокими запросами на потребление.

С конца XX века, совпав с распадом СССР, начинается новая волна дегуманизации. Как ценность оказались отброшены равенство и социальная справедливость. По большинству стран и миру в целом достигли исторического апогея показатели социальных диспаритетов. Был провозглашён на уровне высших европейских элит (заявление короля Нидерландов Виллема-Александра) отказ от модели государства социальной справедливости в пользу государства участия.

Свобода, воспринимаемая когда-то безусловной ценностью для западного человека, оказывается нивелирована системой тотального электронного и видеоконтроля. Антиутопия Дж. Оруэлла, адресованная когда-то Советскому Союзу, может быть сегодня в полной мере переадресована Западу.

Идеал гармонического развития личности сегодня перестал быть педагогическим ориентиром. Современная система образования в рамках Болонского процесса ориентируется не на формирование гармоничного человека, а на подготовку практика, максимально адаптированного к рынку труда.

Идеал человеколюбия фактически полностью вытеснен из массовой культуры. Прежние пацифистские идеалы оказались отброшены. «Супермен» голливудского образца мало чем отличался от образа «белокурой бестии» в пропаганде Третьего Рейха. И эти образцы, что особенно важно, стали прививаться в самом раннем возрасте. Вместо персонажей традиционных народных сказок, утверждающих, что сила без добра не является силой, приходит герой компьютерных игр, лишённый какого бы то ни было внутреннего мира. Убить человека, десятки людей, сотни в компьютерной игре — без всякой рефлексии об аморальности самого убийства. Новая игровая культура приучает к мысли, что убивать не только допустимо, но и необходимо на пути к достижению цели. Показательные цифры: количество сцен насилия в фильмах США за шестьдесят лет выросло почти вчетверо. Особенно стремительный рост зафиксирован в категории кино PG-13 (дети до 13 лет только в сопровождении родителей).

Разрушается даже, казалось бы, единственная из сохраняемых гуманистических ценностей — индивидуальность. Индивидуальность, представляющая собой отражение специфического поло-

жения человека в социальной системе координат, переходит постепенно в индивидуализм, то есть уже отрыв от общества, взгляд на человека как атома. А далее происходит уже и разрушение самого человека-индивидуума. В этой ситуации задача изменить вектор вновь в сторону гуманизации имеет не просто ситуативное, а эволюционное значение.

Консюмеризм — это одна сторона фактически осуществляемого сегодня расчеловечивания. Она заключается в лишении человека большой семантики, самой постановки вопроса о смысле жизни. Но есть и другая сторона, выражаемая философией постмодерна. Она ориентируется на тех, кто всё-таки задаёт неудобные вопросы, но даёт им ответ, что всё относительно, а, соответственно, и любые добродетели субъектно условны. И консюмеризм, и постмодерн бьют, таким образом, с двух сторон по традиционным человеческим ценностям. В разлучении человека с выработанными исторически высшими ценностями человечества и состоит суть современного вызова.

Двадцатый век открывался рефлексией на ницшеанскую злоеющую фразу о смерти Бога. «Величайшее из новых событий, — заявлял Ницше, — что «Бог умер» и что вера в христианского Бога стала чем-то не заслуживающим доверия — начинает уже бросать на Европу свои первые тени». Но далее, полагал антихристианин Ницше, надо вести борьбу с тенью Бога: «Бог мёртв: но такова природа людей, что ещё тысячелетиями, возможно, будут существовать пещеры, в которых показывают его тень. — И мы — мы должны победить ещё и его тень!». Но что такое тень Бога? Сообразно с религиозной традицией, подобием Божьим, можно сказать и его тенью является человек. Понимаемый как образ Божий человек содержал в себе определённую идеальную проекцию, устремлённость к высшему идеалу. Купирование этого идеала приводило логически следующим ходом и к разрушению человека. Формула «смерть Бога» начала двадцатого века переходит в формулу «смерть человека» в начале века двадцать первого.

Человек — существо общественное и раскрывает свою природу только в связи с другими людьми, с той или иной социальной ролью. Но именно социальные идентичности человека подверглись в современной истории последовательному отделению от челове-

ческой природы. Вначале, в процессе секуляризации человек отделяется от религиозной идентификации. Далее в ходе развёртки глобализационного процесса происходит его отделение от национальной и национально-гражданской идентичности. Формируется образ гражданина мира, или, говоря языком Жака Аттали, не связанного какими-либо национальными или религиозными «обременителями». Распадаются в ходе деиндустриализации и выходом на авансцену жизни неработающих поколений прежних социально-профессиональных идентичностей. Но и это ещё не финал. Далее, в соответствии с логикой постмодерна, происходит освобождение человека от гендерной принадлежности. Пол (переименованный в гендер) становится теперь предметом выбора и даже не ограничивается теперь делением на мужчин и женщин. Итог — антропологическая смерть (человек как социальное существо перестаёт существовать).

Человек — образ и подобие Божье, человек — социальное существо, человек — индивидуум — основные этапы нового антропологического тренда. Но и индивидуум (буквально — неделимый) не является конечной точкой происходящего распадного процесса. Человек будущего (или уже не человек) конструируем, разбираем и собираем заново в любом желаемом виде. Пока это всё только на уровне управления сознанием. Но разработки в сфере генома позволяют видеть, что в перспективе возникнет тема физической реконфигурации человека. Возможности появления Пражского голема или чудовища Франкенштейна перестают быть в неотдалённом времени исключительно уделом художественной литературы. Задачи реконфигурации человека уже прямо формулируются, в частности, в рамках трансгуманистического движения.

Ещё сто лет назад великий немецкий мыслитель Освальд Шпенглер писал о ценностном кризисе европейской культуры, и то, что после этих откровений минул целый век, казалось бы, указывает на его неправоту. Но время цивилизаций (или, по шпенглеровской терминологии — культурно-исторических типов) — это не годы и даже не десятилетие. Исторический масштаб цивилизационного времени значительно больше. Обращаясь уже к современной Европе, мы можем наблюдать, что идентичные европейские ценности не просто девальвируются, но замещаются прямо противоположными ориентирами.

Конечно, в результате ценностных эрозий гибла в мировой истории ни одна цивилизация, и в этом отношении, в шпенглеровской логике подъёма и упадка культурно-исторических типов, ничего нового нет. Новым является то, что мир сегодня един. А поэтому обрушение любой из его частей и уж тем более ядра будет означать глобальную всечеловеческую катастрофу. Кризис и последующие за ним революционные волны, военная эскалация, процессы ротации в мировых политических элитах являются симптомами приближения системы к роковым для человечества порогам.

Постмодерн логически подводит к созданию новой системы, которую условно определяют пока как пост-постмодерн. Установление пост-постмодерна обосновывается необходимостью выйти из кризиса постмодерна. Фактически же это оказывается системой глобального тоталитаризма, легитимизацией власти мирового бенефициариата. Эта система описывается сегодня в образах «цифрового концлагеря» или «цифрового фашизма». Можно использовать для его описания и традиционные образы — царство антихриста.

Враги человечества действуют скоординировано и системно. Скоординированность и системность требовались меньшинству для того, чтобы получить власть над большинством и удерживаться у власти. Первоначально эти группы паразитических меньшинств действовали в локальных масштабах отдельных государств. Но по мере роста планетарных коммуникаций — торговых, финансовых, культурных — формируется и мировой паразитический класс («клуб бенефициаров»). Он стоит над государствами и над правительствами. Национальные правительства выступают зачастую марионетками стоящих за кулисами мировой политики кукловодов. Клуб бенефициаров получил возможность проектировать историю. Цель проекта заключается в установлении абсолютного господства. На достижение этой цели брошены мировые финансы, мировые информационные ресурсы, войска и современная жандармерия. Противостоять этой системе можно, только создав собственную систему. Зло торжествует только потому, что оно лучше организовано.

Для построения мира добра нужна система опоры, или система скреп. Такими опорами и ценностями и должны стать традиционные ценности человечества.

ГЛАВА 4.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ МАТРИЦА НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ: ПРИНЦИПЫ И ОБРАЗЫ

Что будет представлять собой Россия будущего в проекции взятых за основу традиционных ценностей? Целевой ориентир представляемого раздела — представить эскиз такого грядущего российского образа. Особенность футурологического анализа в данном случае состоит в том, что образы будущего оказываются производны от обращения к прошлому. В этом состоит суть методологии восстановления традиционных ценностей как фундамента цивилизационного бытия. Фундамент может исторически разрушаться, и его разрушение привести к краху всей системы. Но возможен и путь его восстановления. В этом случае происходит актуализация прошлого, возвращение к себе. История соединяется с футурологией, и цивилизация самовоспроизводится.

Запрос на новый чертёж российского жизнеустройства

Составление чертежа жизнеустройства страны — сложнейшая задача социального конструирования. Она предполагает установление десятков тысяч связей между различными социальными институтами. Эти связи создают механизмы функционирования системы. Наличие механизмов — неременное условие того, что-

бы система работала. Другими условиями являются: идеи (система ценностей и смыслов, идеология), институты (учреждения) и люди (кадры, их отбор и кооптация). Совокупность этих базовых оснований можно определить в качестве «тетраэдра социальной системы». О чертеже как необходимой связи мира идей и предметного мира рассуждал в своё время Платон.

Особенно сложной является задача создания чертежа жизнеустройства России. Русский человек всегда тяготел к идеократии, но не любил чертежей, понимая их как прокрустово ложе для воли, бюрократизацию мечты и смысла. Чертёж России удалось создать в своё время самому большому прикладнику из русских монархов — Петру I. В дальнейшем этот чертёж пытался обновить Николай I.

Уникальный по степени проработанности чертёж страны был создан большевиками. Советский чертёж переутверждался и корректировался каждые пять лет сообразно с логикой пятилетних планов. Госплан СССР в квалификации разработки социально-экономических чертежей являлся структурой, не имеющей аналогов в мировой истории.

Как правило, чертежи жизнеустройства страны представляются на уровне национальных конституций. Конституция, в сущности, и есть чертёж государственного и социального устройства. В качестве чертежей они отличаются по проработанности и непротиворечивости. Одной из лучших разработок в истории мировых конституционных процессов являлась, безусловно, Конституция СССР 1977 года. Чертежом либеральной, несuverенной и капиталистической модели жизнеустройства являлась Конституция Российской Федерации 1993 года, принятая по итогам фактической капитуляции в холодной войне. Поправки в Конституцию 2020 года усилили в ней суверенные потенциалы, привнеся, вместе с тем, противоречия с основами конституционного строя (глава 1), после чего о наличии цельного чертежа говорить уже не приходится. Действующая Конституция является беспрецедентным в отношении содержащихся противоречий между отдельными конституционными положениями документом, что предполагает неизбежное принятие следующим шагом нового основного закона России. Пока же Россия оказалась без чертежа. Жизнь без чертежа, когда старый чертёж уже отброшен,

а нового ещё не существует, задаёт усиленный поиск ценностно-смыслового фундамента. Определению ценностно-смыслового фундамента русского чертежа и будут посвящены выдвигаемые ниже соображения.

Исторический опыт формирования государственной идеологии России

Государство, претендующее на значимую роль в мире, не может существовать без государственной идеологии. Идеология — это прежде всего собрание основных ценностей, лежащих в основе культуры и практически всех проявлений жизнедеятельности социума. Для государств-цивилизаций, таких как Россия, наличие идеологии, номинирующей высшие ценности соответствующей цивилизации, имеет особое значение. Идеологическая рефлексия прослеживается на всём протяжении российской истории. Наиболее системно государственная идеология России была сформулирована в рамках концептов «Москва — Третий Рим», Христианской империи (выраженной уваровской триадой «православие» — «самодержавие» — «народность») и советского коммунизма (с опорой на ленинское антиимпериалистическое прочтение марксизма). Помимо них, в разное время выдвигались и другие идеологические проекты — Нового Константинополя (Ярослав Мудрый), Нового Иерусалима (патриарх Никон), Государства всеобщего блага (Пётр I), Всемирной христианской империи (Павел I) и др. Однако все они имели вторичный характер и не обладали тем уровнем доктринальной завершённости, как три вышеперечисленные модели, образующие идеологии.

Анализ содержания основных российских идеологических концептов показывает сохранение единой смысловой парадигмы. Менялся в соответствии с духом времени только политический язык. В этом отношении можно говорить о едином российском идеологическом проекте и его множественных исторически конкретных воплощениях. Анализ исторических воплощений государственной идеологии России позволяет утверждать, что эсхатологическая компонента оказывалась всякий раз фундаментом российского

идеологического строительства. Эсхатология в разных её модификациях являлась основой, производной которой являлось видение содержания конкретных политик. Вероятно, и новая идеология

Исторические воплощения

Идеологический компонент	Москва — Третий Рим	Православная империя: православие, самодержавие, народность
Ценностная цель	Спасение мира от власти антихриста. Царствие Христово на земле	Спасение мира от духовного разложения, определяемого нехристианской парадигмой развития. Царствие Христово на земле
Смысл бытия государственности	Удерживающая функция. Святая Русь фактом своего существования удерживает мир от Апокалипсиса	Россия как оплот православия. Сохранение до окончания истории истинной христианской государственности
Прошлое	Русь как духовная и политическая преемница «Рима и Византии». Мифология о «белом клобуке». Главные исторические события: призвание Рюрика, крещение Руси, падение Византии	Российская история как противостояние православной государственности внешнему враждебному окружению. Канва героических свершений русского народа. Главные исторические события: крещение Руси, избрание на царство Михаила Романова, Отечественная война 1812 г.

России, если она будет сформулирована, окажется основана на некой футурологической проекции, видении будущего в его эсхатологической перспективе (табл. 4).

Таблица 4.

государственной идеологии России

Коммунизм	Будущая национальная идея России
Спасение мира из пут капитализма, эксплуатации человека человеком. Коммунизм	Спасение мира от угроз материализма, биологизации бытия человечества, консьюмеризма, навязывания извращений, установления тоталитарного режима глобализма
Советская социалистическая государственность как исторический переход к коммунизму	Россия как инициатор нового мессианского проекта. Российский цивилизационно-ценностный пакет как основание будущего сближения цивилизаций. Восстановление катехонических функций государства как препятствия мировому злу, противодействия новой фашизации мира
Утверждение советской государственности — новая эра в истории человечества. Противопоставление советского и дореволюционного периодов истории. Главные исторические события: Октябрьская революция, Гражданская война, Великая Отечественная война	Единая канва российской истории: инверсии моделей государственности при константной цивилизационной доминанте. Главные исторические события: прорывы и катастрофы в истории России, раскрывающие миссию российской цивилизации в мировом историческом процессе

Настоящее (актуальный вызов)	Предэсхатологический период истории: «Четвёртому Риму не бывать». Переходный этап вступления в византийское наследие, создание русско-го православного царства. Проблема синтеза русской национальной традиции с идеей имперской государственности	Проблема синтеза традиций православной государственности с вестернизацией петровского типа (московско-православная традиция и петербургский имперский модерн). Переходный реформационный этап к созданию промышленно-развитого, социально-мобильного государства западного образца, при сохранении духовного стержня православия
Будущее	Армагеддон. Царствие Христово на земле	Вселенская православная теократия
«Мы» — идентификация	Русские как православные. Православная идентификация	Русские как историческое единство великороссов, малороссов и белорусов на синтез православной и русской этнической идентификации
«Они» (образ антипода)	«Окаянная нерусь». Духовная автаркия. Враждебность всего неправославного окружения	Запад — католический, затем — секулярный
Личностные идеалы	Образ христианского святого	Образ патриота русской православной государственности

«Диктатура пролетариата» и советская государственность как переходный этап построения бесклассового коммунистического общества. Проблема синтеза коммунистической идеи с задачами государственной модернизации в условиях враждебного окружения

Цивилизационное восстановление России, возвращение к себе. Проблема синтеза традиций и модернизации в рамках новой синергичной модели развития. Развитие с опорой на цивилизационно-ценностные исторические накопления России

Мировая революция. Утверждение принципов коммунистического общества в мировом масштабе

Многополярный мир цивилизаций. Россия как духовный центр и ориентир новой модели мироустройства на основе традиционных ценностей. Нравственно преображённое человечество

Русские как советские. Коммунистическая идентификация

Российская цивилизационная идентичность. «Русский ковчег» как «симфония народов»

Мир капитала. Мировая система империализма

Экспансионный, унифицирующий и разрушающий духовные потенциалы человечества глобализм. Образ нового, угрожающего миру фашизма в различных его модификациях — цифровой тоталитаризм, сверхэлита, неонацизм, трансгуманизм, гомофашизм и т. п.

Образ строителя коммунизма

Образ человека, лично аккумулирующего «белый пакет» цивилизационно-ценностных накоплений. Тип духовно ориентированной личности

Этические нормы	Этика жизни во Христе	Этика христианского служения православному государству. Принцип трудности
Эстетические нормы	Идеал внутренней духовной красоты, неприятие эстетики плотских форм	Синтез христианского психологизма и имперского монументализма
Политическая модель	Синтез «священства» и «царства», московская теократия	Самодержавие. Имперский этатизм
Экономическая модель	Домостроительская модель экономики. Государственное вотчинное хозяйство	Общинно-патерналистская модель экономики. Дирижистская система экономического управления
Социальная модель	Сословная система. «Государственные тягла» как функции сословий. «Хоровой принцип» общественной организации	Раскрепощение сословий: переход от сословной системы к модели социального общества. Общинность. Теория соборности
Правовая модель	Религиозное понимание права («священные книги» как правовой источник). Синтез традиционного и кодифицированного права	Божественная харизма как основание имперской легитимности. Синтез рационального (собрание законов) и харизматического (царистский культ) правосознания
Внешнеполитическая модель	Миссия собрания русских земель	Миссия защиты православия в мире

<p>Этика служения «социалистической Родине». Принципы классовой и революционной целесобразности</p>	<p>Императив цивилизационной жизнеспособности России. Этика традиционных ценностей, восстановление дифференциации принципов добра и зла</p>
<p>Революционный монументализм, романтика строительства коммунизма</p>	<p>Новая эстетика одухотворённого бытия. Цивилизационные эстетические традиции России</p>
<p>Советская модель государственности, теория государства нового типа. Социалистический этатизм</p>	<p>Оптимальный уровень этатичности. Концепт государства-цивилизации</p>
<p>Плановая экономика. Директивная система экономического управления. Государственные монополии</p>	<p>Цивилизационные основы новой системы хозяйствования. Суверенная экономика. Оптимальный для государства уровень экономической аварийности. Подчинённость экономики целевому ориентиру развития человека</p>
<p>Теория бесклассового общества. Советский производственный коллективизм. Принцип социального равенства</p>	<p>Нравственное жизнеустройство. Соборное бытие как ценностный ориентир цивилизационного развития.</p>
<p>Революционное правосознание. Право как рецидив классовой государственности</p>	<p>Разработка ценностно-мировоззренческих оснований российской правовой системы с опорой на традиционные ценности России</p>
<p>«СССР — родина мирового пролетариата». Интернационал. Миссия поддержки революционного и национально-освободительного движения</p>	<p>Россия как препятствие западного проекта унифицирующей глобализации. Новая модель мироустройства в формате цивилизационного диалога</p>

Специфика систем жизнеобеспечения российской государственности

Специфичность цивилизаций состоит не в различии самих ценностей, а в различии форм их воплощения. Эти формы, собственно, и задают самобытность цивилизационного бытия. Так, к примеру, ценностная значимость идеи коллективизма обнаруживается в каждой из цивилизаций. Однако исторически одни из цивилизационных общностей оказывались более коллективистски ориентированными, другие — индивидуумно ориентированными. Различались соответственно и формы воплощения указанной ценности. Различия эти проявились, в частности, в специфичности институтов социальной самоорганизации.

Специфичность форм воплощения ценностей производна от средовых условий бытия. Генезис цивилизаций связан с определённым географическим ареалом, особым этническим составом населения и внешним окружением. Цивилизационная среда, соответственно, формируется через уникальный набор факторов исторического месторазвития. Для специфичных средовых условий существует свой адаптационный оптимум институциональных форм и механизмов. Отступления от него, увлечение иносистемными экстраполяциями объективно ведёт к снижению жизнеустойчивости всей системы. Не единожды предпринимаемые попытки перестроить Россию по западным лекалам оборачивались системными провалами. Очередная попытка такого рода была предпринята в ходе неолиберального реформирования. Построить новую систему жизнеобеспечения так и не удалось, и страна функционировала исключительно за счёт действующих по инерции традиционных механизмов и накопленных в прежние периоды потенциалов. (См. Таблицу 5.)

Цивилизационная матрица российской идеологии

Если исходить из цивилизационного анализа и понимания России в качестве государства-цивилизации, то этот фундамент не конструируется, а воссоздаётся как цивилизационно-идентич-

Таблица 5.

Инверсия систем жизнеобеспечения государства

Система	Традиционная модель	Экстраполируемая модель
Государственная власть	Автосубъектная («самоде- жавная») идеократия	Либеральная демократия
Партийная система	Партия как заменитель Церкви на этапе модерни- зации; партия как носитель функции государственной идеологии; сращивание партийного и государствен- ного аппаратов	Многopартийность (луч- ше — двухпартийность) как критерий демократии
Нацио- нальная система	Полиэтнизм традиционных империй: русское государ- ствообразующее и духов- нообразующее ядро (при зачислении в русские вне зависимости от крови), со- четаемое с многоцветием этнических идентичностей	Гражданская нация; модель этнического котла амери- канской гражданственности
Эконо- мика	Этатистско-общинная мо- дель хозяйствования, бази- рующаяся на коллективист- ских традициях организа- ции труда в России	Открытая экономика ры- ночного хозяйствования, ос- нованная на принципах ин- дивидуальной конкуренции экономических субъектов
Культура	Культура внутреннего пе- реживания, служащая за- дачам духовного развития личности	Культура шоу, служащая за- дачам реализации человека
Армия	Народная армия, форми- руемая через ценностную парадигму «ополчения»; принципиальная роль штат- ского резерва	Профессиональная армия, формируемая через архетип воина-легионера

Школа	Преимущественно воспитательное учреждение; репродуцировался тип церковной школы; учитель как воспитатель; общеобразовательный принцип	Школа как учреждение образовательного сервиса; клиентелистские отношения «учитель — ученик»; специализированный принцип
Высшее образование	Преимущественно фундаментальное образование; репродуцирование типа христианского позднесредневекового университета	Обучение стандартам: модель «коммерческого университета»
Здравоохранение	Государственная система медицинского обслуживания, восходящая к традиции созданного в XVII в. Аптекарского приказа	Частная страховая медицина
Наука	Государственная система научно-исследовательских институтов	Наука как вариант бизнеса; особое значение менеджерских услуг в продвижении научного продукта
Церковь	Выстраивается сверху (от Бога) вниз (к людям); иерархический иерархизм; значение обрядовой традиции	Выстраивается снизу как религиозное объединение; Церковь — один из видов общественной организации; значение индивидуального религиозного опыта
Семья	Трёхпоколенческая модель организации семьи	Парная контрактная семья
Собственность	Традиция трудовой функциональной собственности, переносимой на идеологию «общенародной собственности» в советский период	Частная собственность

Социальная защита	Система государственных льгот; государство берёт на себя расходы граждан	Система социального страхования; граждане посредством отчислений обеспечивают своё благополучие при утрате трудоспособности
Аграрный сектор	Общинное (колхозное) хозяйство	Фермерское хозяйство
Суд	Народный суд, выносящий решение, исходя из критерия социального гуманизма	Профессиональный суд, выносящий решение, исходя из состязательного поединка сторон в трактовке законодательства
Система общественного порядка	Двухуровневая — государство в лице МВД и народ в лице народных дружин, милицейская модель	Полицейская модель преимущественного функционального подчинения органов общественного порядка
Спорт	Идеология командного духа; верность команде; в командных видах спорта акцент на игру в пас; ведомственный принцип организации клубов	Идеология спортсмена-профессионала, способного выступать за любой клуб; акцент на демонстрацию индивидуальных качеств и заработок; регионально-муниципальный принцип организации клубов
Жилищно-коммунальное хозяйство	Государственная система жилищно-коммунального обеспечения	Ассоциативная контрактная модель обеспечения ЖКХ
Общественное питание	Производственные столовые, репродуцирующие модель коллективной общинной трапезы	Система быстрых уличных закусок

ное основание бытия. Менялся исторически политический язык, но в своих основаниях идеология России раз за разом, после смут и подмен в сути своей воспроизводилась. Для раскрытия этого воспроизводства целесообразно посмотреть на константы русских идеалов. Безусловно, в истории России выдвигались самые разные политические концепты, отражая индивидуальность и партийную принадлежность их авторов. Но существуют, как известно, частности и доминанты. Доминанты воспроизводили исторически культурную матрицу русской мысли. Каковы же эти доминантные характеристики?

Во-первых, **эсхатологичность**. В структуре времени русская мысль принципиально отличается и от европейской, и от азиатской. Если Запад акцентирован в восприятии времени на настоящем, а Восток — на прошлом, то Россия — на будущем. Это будущее мыслилось не в категориях краткосрочности, среднесрочности, долгосрочности, а в перспективе исторического финала. Русские всегда в каждый исторический момент были убеждены, что живут во времена апокалипсиса (в том числе апокалипсиса светского) и находятся в эпицентре Армагеддона. Большевики также были эсхатологами, понимая революцию в апокалиптическом смысле. Советский коммунизм в этом смысле представлял вариант нерелигиозного или квазирелигиозного эсхатологизма. Утрата эсхатологических ориентиров (деэсхатологизация) являлась неучтённым фактором гибели СССР.

Постсоветский период характеризовался, с одной стороны, переориентацией на конъюнктуру времени, что представляло собой, безусловно, разрыв с традицией русской эсхатологии, но с другой — поиском новых семантических линий эсхатологического дискурса. И последняя составляющая с течением времени всё более усиливалась, подведя фактически к запросу о выдвижении новой идеологии России с опорой на новую эсхатологию. И без эсхатологии легитимизировать заявляемые властью сегодня ценности государственностроительства, по-видимому, не получится.

Во-вторых, **мессианство**. Ментальная матрица России была выработана на основании глубокого переживания идеи христианской жертвенности. Христос восходит на Голгофу для того, что-

бы победить смерть и спасти человечество. Россия также брала на себя функцию спасения мира от торжествующей в нём неправды и порабощения. Объектом спасения оказывалось в том числе и западное сообщество. Спасать, в действительности, приходилось — и от Наполеона, и от Гитлера.

В-третьих, **альтернативность Западу**. Основным вызовом для России на всём протяжении её истории являлся вызов западного проекта. Россия выдвигала альтернативный проект и тем опровергала универсальность западной модели развития. В этом отношении она выступала и позиционировалась перед незападным миром как анти-Запад. Отвечая на вызов Запада, одна часть мыслителей выступала за принятие западной платформы (западники), другая — за следование русскому пути (славянофилы, патриоты, евразийцы, русская партия и т. п.).

В-четвёртых, **дихотомичность**. Русская общественная мысль выстраивалась на приёме полярных противоречий — дихотомий. В фундаменте своём это были противоречия между добром и злом. И добро, и зло имели конкретизированное политическое и геополитическое выражение. Борьба с вселенским злом составляла функциональное назначение праведного государства.

В-пятых, **соборность**. Коллективистские ценности являлись во все времена базовыми для русской национальной рефлексии. Таковыми они остаются, по данным международных социологических опросов, и сегодня, несмотря на произошедшие постсоветские инверсии. Элементарной структурой русского мира рассматривалась община, и принципы общинности предполагалось перенести на всю Россию. Другим базовым основанием коллективистской матрицы являлся соборный принцип организации Церкви. Отсюда — категория соборности как русский политический язык выражения ценности коллективизма. Аналогия с собором связывалась с пониманием того, что объединение людей в коллектив должно быть не просто их организационным суммированием, духовным соработничеством.

В-шестых, **идеократизм**. Государственность выстраивалась не снизу вверх, а сверху вниз от высшей идеи. Верховный лидер — глава государства — имел легитимность только ввиду принятия и реализации высшей идеи. В этом отношении маркировка его че-

рез категории деспотии, автократии, тирании не соответствует русскому пониманию природы власти. Русское государство в период доминанции религиозного сознания было теократичным, в период модерна — идеократичным.

В-седьмых, **нравственное преобразование**. Целевым политическим ориентиром являлось построение нравственного государства. Достижение этого ориентира предполагало изменение самой природы человека, его нравственное преобразование. Существовало антропологическое измерение политики, которое воспринималось главным. Идея нравственного преобразования составила суть предложенной России версии развития. Развитие мыслилось не как количественный рост материальной сферы, а именно как качественное изменение самого человека. И эта модель развития предлагалась как альтернатива для мира, составив, в частности, суть русского модерна.

Ключевые метафоры

Идеология как стройная система ценностей и смыслов, имплементируемых в практику государственного управления, может включать и ряд мотивационных идеологем. Такие идеологемы в качестве метафор уже циркулируют в широком общественном дискурсе. Задача заключается в систематизации. «Русский чертёж» может опираться, в частности, на следующие метафоры историософии России: «Русская мечта», «Русский ковчег», «Русский собор», «Русская сотериология», «Русское преобразование», «Русский катехон».

Русская мечта

Любая система должна характеризоваться, как минимум, в двух аспектах измерения — реальном и идеальном. Развитие и есть движение от реального состояния к идеалу. Идеалы различных общностей могут отличаться друг от друга. Соответственно, и универсальной модели развития не может существовать. Если та или иная общность идёт по пути приближения к собственным идеалам,

то она развивается, при отступлении от них — она деградирует. В этом отношении принципиально важно зафиксировать три качественных состояния российской цивилизационной общности: Россию реальную, Россию идеальную и анти-Россию.

Социальная мечта и есть общественный идеал. Русская мечта всегда состояла в создании системы гармоничного мироустройства, основанной на любви и братстве. В этом смысле русская мечта отличается и от мечты американской, и от мечты китайской. Не индивидуальный успех и не мировое господство определяли русский идеал, а императив гармонизации мира. Сегодня это, в частности, выражается в отстаивании принципа многополярности мироустройства.

Русский ковчег

Уникальность Ноева ковчега состояла в том, что в нём нашлось место каждому, в которой есть дух жизни. От детей Ноя пойдут в послепотопное время все человеческие цивилизации. Ковчег исходно содержал в себе потенциал множественности жизни, и эта идея являлась ключевой.

Россия в этом плане и есть цивилизация — ковчег. Её мироустройство исходно выстраивалось как соединение всех в братской любви друг к другу: представителей разных народов, разных языковых семей, разных рас, даже разных религий. Причём это не было «плавильным котлом», в котором этносы переплавлялись бы во что-то подобное друг другу, а именно ковчег, где находился отсек для каждого, и идентичность каждого признавалась безусловной ценностью.

Также по принципу ковчега строилась и Византия. Но византийский ковчег был потоплен. Его потопление произошло потому, что были открыты перегородки, и мир скверны стал заполнять пространство ковчега. Падение Второго Рима и было потоплением византийского ковчега. Россия могла учесть допущенные ошибки как в проектировании ковчега, так и в лоции.

Запад, в отличие от России, никогда не жил по принципу ковчега. Там либо шли истребления и ассимиляции всех инаковых, либо происходило отречение от любых цивилизационных идентифика-

торов в пользу человека-индивидуума. Внешняя экспансия Запада сопровождалась колониальными зверствами, имевшими при том теоретическое расистское обоснование. Заключение межрасовых браков для англосаксов было принципиально неприемлемым, означало фактически осквернение рода. В фашистской Германии расовое смешение и вовсе было объявлено главным социальным злом.

Принципиально иначе выстраивались межэтнические и межрасовые отношения в России. Российская колонизация евразийских пространств не знала прецедентов расизма и тем более репрессий на расовой почве. Входящие в империю народы включались в единую семью народов, а местная знать инкорпорировалась без всяких ограничений в российскую элиту. В Российской империи это была многоуровневая модель, в которой имелась как этническая, так и цивилизационная составляющие. Можно было быть великороссом, армянином, грузином, татаринном и при этом являться русским. Русский в данном контексте — это цивилизационная идентичность, при том, что не отрицалась и идентичность этническая. Советский вариант идентичностей структурировался сходным образом на двухуровневой основе. Межэтнические и межрасовые браки являлись нормой, а дети от этих браков своими талантами и социальными успехами прямо опровергали фашистские инсинуации о вреде расового смешения и о вырождении подвергшихся такому смешению русских.

Симфоническое сосуществование народов в России — эта система жизнеустройства может и должна быть предложена миру как особый российский опыт. В ситуации, когда, с одной стороны, провоцируются цивилизационные войны, с другой, происходит глобализационное стирание традиций и исторической памяти, только модель российского ковчега оказывается выходом так же, как единственным выходом оказалось в своё время строительство ковчега Ноем.

Русский проект фундаментально восходил к идеалам христианского равенства, идеалу мироустройства, в котором, по словам апостола Павла, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всем Христос». Он противостоял фашистскому проекту, восходящему

к миропониманию языческого неравенства, проекту мира, разделённого на «сверхлюдей» и «унтерменшей» (недочеловеков). Но противостоял он также и либеральному проекту, опирающемуся в своём генезисе на иудейскую традицию, в которой есть богоизбранные и, соответственно, богоотверженные, в либеральной интерпретации — успешные и аутсайдеры. Сегодня эта российская миссия, в контексте угроз новой фашизации мира, приобретает особую востребованность.

Русский собор

Ещё в дискуссиях славянофилов с западниками акцентировался особо принцип русской холистичности, стремление к целому. Но цельность здесь не есть унификация, а соработничество (соработничество социальное и соработничество духовное). Образ, который в данном случае может быть предложен, был выражен метафорой Н. В. Гоголя: «Вся Россия — наш монастырь». Модель общества как монастыря подразумевает четыре основные характеристики: во-первых, идеократизм (монастырская братия объединена общей идеей и верой); во-вторых, коллективизм (монастырь — это именно братство); в-третьих, этика труда (совместный труд есть этическая максима монастырской жизни, при недопустимости любой паразитарности); в-четвёртых, автаркизация монастырского существования (определённая удалённость от мира и связанной с ним скверны).

Традиционно в различных методологических школах подчёркивается особая приверженность русских к коллективизму, выражаемая в категориях «общинности», «соборности», «коммунизма», «коммунитаризма», «солидаризма» и др. Наличие коллективистского ориентира предполагало, в свою очередь, представление о равенстве людей. Если люди не равны, то никакая общинность была бы невозможна. Идеал коллективизма переносился и вовне, будучи выраженным ориентиром всеединого человечества.

Но коллективизм не вполне точно выражает русский идеал. Коллективизм предполагал объединение индивидуумов в коллектив для решения общих задач. В русском случае речь шла о боль-

шем — духовном идеократическом единении, для чего и было найдено понятие «соборность».

Русская сотериология

Самый популярный образ русского народа в мире — народ-освободитель. Россия вступала не раз в войны, шла на жертвы, освобождая и спасая другие народы, перед угрозой геноцида или национального подавления. Так было в войнах с Наполеоном, так было в русско-турецких и русско-иранских войнах. Так было при освобождении Европы от фашизма. Так есть и при современной денацификации Украины.

Русская идея с доминантной идеей спасения мира принципиально отличалась от западного мессианизма мирового господства. В одном случае мир надо было спасти, в другом — подчинить своей власти.

Визуальный образ русской историософии — солдат в Трептов-парке, прижавший к груди немецкую девочку. Алёша — «в Болгарии русский солдат» — образ того же семантического ряда.

А вот ещё одно напоминание об освобождении Болгарии, ныне страны — члена НАТО, соучастника принятия антироссийских санкций. Обратимся к великому русскому писателю Фёдору Михайловичу Достоевскому, его свидетельствах о Русско-турецкой войне, возмущённого призывами либералов к гуманности и пацифизму: «Я уже передавал однажды, что в Москве, в одном из приютов, где наблюдают маленьких болгарских детей — сироток, привезённых к нам в Россию после тамошнего разгрома, есть одна больная девочка, лет 10, которая видела (и не может забыть), как турки, при ней, содрали кожу с её живого отца. Ну, так в этом же приюте есть и другая больная болгарка, тоже лет десяти, и мне об ней недавно рассказали. У ней странная болезнь: постепенный, всё больший и больший упадок сил и непрерывный позыв ко сну. Она всё спит, но сон нисколько её не укрепляет, а даже напротив. Болезнь очень серьёзная. Теперь эта девочка, может быть, уже умерла. У ней тоже одно воспоминание, которого она не может выносить. Турки взяли её маленького брата, ребёнка двух — трёх лет, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потом посадили на кол.

Ребёночек страшно и долго кричал, пока умер, факт этот совершенно верный. Ну, вот этого и не может забыть девочка, всё это они сделали при ней, на её глазах».

Слеза ребёнка... Достоевский был потрясён творимыми зверствами. И за эти зверства, полагал он, преступники должны понести наказания. Отсутствие этого наказания будет само по себе преступлением, оправданием убийства и пособничеством убийцам.

«У нас и теперь, — комментирует писатель происходящее на Балканах, — ведётся война с этими кровопийцами, и мы слышим только о самых гуманных фактах со стороны русских. Смело можно сказать, что немногие из европейских армий поступили бы с таким неприятелем так, как поступает теперь наша. Недавно только, в двух или трёх из наших газет, была проведена мысль, что не полезнее ли бы было, и именно для уменьшения зверств, ввести репрессалии с отъявленно-уличёнными в зверствах и мучительствах турками? Они убивают пленных и раненых после неслыханных истязаний, вроде отрезывания носов и других членов. У них объявились специалисты истребления грудных младенцев, мастера, которые, схватив грудного ребёнка за обе ножки, разрывают его сразу пополам на потеху и хохот своих товарищей башибузуков... Осмелюсь выразить даже моё личное мнение, что к репрессалиям против турок, уличённых в убийстве пленных и раненых, лучше бы не прибегать. Вряд ли это уменьшило бы их жестокости. Говорят, они и теперь, когда их берут в плен, смотрят испуганно и недоверчиво, твёрдо убеждённые, что им сейчас станут отрезать головы. Пусть уже лучше великодушное и человеколюбивое ведение этой войны русскими не омрачится репрессалиями. Но выкалывать глаза младенцам нельзя допускать, а для того, чтобы пресечь навсегда злодейство, надо освободить угнетённых накрепко, а у тиранов вырвать оружие раз навсегда. Не беспокойтесь, когда их обезоружат, они будут делать и продавать халаты и мыло... Но чтобы вырвать из рук их оружие, надо вырвать его в бою».

Достоевский категоричен в своих характеристиках. Но эта категоричность следует из нравственного императива — «выкалывать глаза младенцам нельзя допускать». Вырвать же у серийного убийцы оружие нельзя иначе, чем как в бою. Вот для этого и существует Россия, вот в этом и состоит её миссия!

Русское преображение

Целевая установка русского христианского проекта состоит, согласно православной традиции, не в мировой доминации — «*раx christiana*», а в обожении человека. Человек не мог стать Богом, но был способен приблизиться к Богу. В этом собственно приближении и состояла основная социальная задача.

На ориентир обожения указывали многие из отцов Церкви. «Он, — провозглашал Святой Афанасий Великий, — вочеловечился, чтобы мы обожились». «Насколько Бог стал ради меня человеком, — изрекал Святой Григорий Богослов, — настолько и мы станем через Него Богом». «Человек, — заявлял Святой Василий Великий, — это животное, призванное стать Богом». Принятие цели обожения напрямую зависело от взгляда на человека не как на индивидуума, а существо, потенциально способное к духовному преображению. Православная тема преображения человека являлась ключевой темой и педагогической деятельности.

Советский проект также являлся по своей сути проектом антропологическим. Человекостроительство было для большевиков главной задачей, в отношении к которой всё прочее, включая и экономику, являлось производным. Предполагалось, что преображённый духовно новый человек будет способен преодолеть все рецидивы буржуазного мышления. Категория «преображения», хотя и не использовалась в советском педагогическом дискурсе, но система целевым образом работала на возвращение нового совершенного человека — духовноцентричную личность, коллективиста, нестяжателя и патриота.

Русский катехон

В христианской историософии идея об «удерживающей» функции государства была представлена в учении о «катехоне», раскрытом ещё Иоанном Златоустом. Суть учения состояла в том, что до тех пор, пока существует христианское праведное государство, торжества зла в мире не произойдёт. Гибель же этого государства совпадёт с приходом антихриста. Речь шла при этом не столько о гибели в физическом смысле, сколько о духовном перерождении.

Удерживающим государством, согласно Иоанну Златоусту, являлась христианская Римская империя (для православных — Византия). Соответственно, духовное состояние империи и преемство в осуществлении катехонических функций в случае диагностики деградации удерживающей державы имело всегда для рефлексии русской мысли принципиальное значение.

Сообразно с развитием подхода христианской историософии, Россия оказывается не просто одной из цивилизаций, а одним из двух полюсов сил в мировом историческом противостоянии добра и зла. Мировые силы зла нашли в двадцатом столетии своё воплощение в германском нацизме. И именно Россия (тогда Советский Союз) стала мечом добра, спасшим человечество новой модификации апокалиптического зверя. Сегодня зло приходит через постмодерн, открывший врата расчеловечивания человека. А за постмодерном достаточно определённо обнаруживается образ нового фашизма, тоталитарной империи зверя, который, согласно Откровению Иоанну Богослова, был смертельно ранен, но ожил. Именно с этой силой и вступает в сражение Россия.

Противостояние России абсолютному злу находило выражение в теории русского катехона. Российское государство, сообразно с ней, выступало силой, удерживающей мир от глобального торжества зла. Катехоническим царством была и Московская Русь, и Российская империя, и Советский Союз. И сегодня русский катехон, исчезнувший, казалось бы, после предательства позднесоветских элит, вновь при предельной максимизации угрозы зла предъявил себя миру. Государство-катехон не является государством всеобщей любви и преклонения. Большинство преклонится перед зверем и в итоге потерпит поражение.

Россия как катехон в 1990-е годы не просто была упразднена, её подменили. Вместо России реализовывался проект «АнтиРоссия», охвативший все без исключения сферы жизни. Роль малой антиРоссии была уготовлена Украине. И сегодня подлинной России, русскому катехону противостоят три проекта: 1. проект глобальной антицивилизации, мировой власти зверя; 2. проект Запада, с его претензией на мировую гегемонию; 3. проект антиРоссии, особо опасный ввиду того, что наносит удар в спину. И для достижения победы придётся отрубить каждую из голов дракона.

* * *

Курс на ресуверенизацию России не может не быть подкреплён созданием суверенной системы общественных наук. Могут возразить, что настоящая наука вне политики. Это верно лишь отчасти. Наука действительно не должна быть политически ангажированной, заниматься подтасовкой данных под политический заказ. Но, вместе с тем, общественные науки не могут не быть сопряжены с ценностями и смыслами. И принципиально важно, чтобы в основание нового «Русского чертежа» были положены ценности суверенности российского государства, усиления жизнеспособности общества, обеспечения цивилизационного воспроизводства страны.

ГЛАВА 5. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: «БЕЛЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ ПАКЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Критерии традиционных ценностей

Целью представленного раздела является выдвижение перечня ценностей, которые могли бы быть определены как традиционные и быть положены в основание новой идеологии России. Задача такого отбора нетривиальная. Не всякие ценности, воспринимаемые важными для человека и страны, могут считаться традиционными. Не всё, что составляет какую-либо из этнических и даже цивилизационных традиций, может быть отнесено к традиционным ценностям человечества.

Критериями отбора являются следующие представления о традиционных ценностях. Традиционные ценности лежат в основании социогенеза, составляют фундамент каждой из цивилизаций. Традиционные ценности сакрализуются традиционными религиями. На основе традиционных ценностей формируется традиция, посредством которой осуществляется их межпоколенная трансляция. Традиционные ценности создают путём адаптации к средовым условиям существования систему жизнеобеспечения социума, а их подрыв приводит общество к состоянию аномии. Традиционные ценности исходят из приоритетности ориентира нравственного развития человека, общества и госу-

дарства. На основании традиционных ценностей устанавливается жёсткая система табу, заповедей, культурных нормативов, даётся определение грехов и пороков. Традиционные ценности рассматриваются как институции утверждения добра, противостоящие мировому злу.

Заповеди и добродетели в традиционных религиях

Каждая традиционная религия формулировала перечень заповедей, адресованных человечеству свыше. Чаще заповеди были представлены в форме запретов — табу. Установить перечень того, что человеку нельзя совершать ни при каких обстоятельствах, — это была необходимая мера на стадии формирования любого из обществ. Заповеди соотносились в свою очередь с ценностями, далеко не всегда, впрочем, списочно заявляемыми. Помимо письменного, существовал и устный формат трансляции ценностей. По большому счёту, устное народное творчество выстраивалось на стержне традиционных ценностей.

В рамках индуизма каждой варне и касте адресовались свои предписания. Выполнять предписанное долгом — дхармой для каждой из социальных страт и было высшей добродетелью. Отступление от долга могло привести к нарушению кармы и воздаянию в виде переселения души в более низшее существо. Но при этом существовали и предписания, адресованные каждому инду, вне зависимости от варновой и кастовой принадлежности:

- дхурти — терпение, твёрдость, устойчивость;
- кшама — прощение и милосердие;
- дхама — самоконтроль и самоограничение;
- астея — неприисвоение чужого и отказ от эгоизма;
- свачхам — чистота и честность (свачхам);
- ингрия ниграха — контроль над чувствами и сексуальной энергией;
- дхи — знание священных книг;
- видья — духовное знание и познание;
- акродха — свобода от гнева.

Общими для всех школ буддизма являются «пять священных заповедей», адресуемых каждому мирянину. Каждой из заповедей соответствуют свои добродетели: отказу от убийства живых существ — метта (любящая доброта, благожелательность, дружба) и каруна (сострадание к другим людям и живым существам); отказу от воровства — дана (щедрость) и неkkхамма (отречение от похоти, страстей и желаний); отказу от сексуальных преступлений — супружеская верность, правильные подходы к чувственности; отказу от лжи — сачча (приверженность правде и надёжность); отказу от приёма опьяняющих веществ — сати (осознанность и ответственность). Современными последователями индуизма каждой из пяти священных заповедей находят аналогии в правах человека.

Для монахов к пяти заповедям добавлялись ещё пять: отказ от сплетен в отношении других буддистов; отказ от превознесения себя и унижения других; отказ от скупости в отношении нуждающихся; отказ от злых мыслей и побуждения ко злу; отказ от критики «трёх драгоценностей буддизма» — Будды, Дхармы (закона, учения) и Сангхи (монашеской общины). Известен также перечень из восьми заповедей, используемых буддистами-мирянами в качестве обетов для очищения сознания. К пяти священным заповедям буддистский обет очищения сознания добавлял ещё три: отказ от приёма пищи в неустановленное правилами время; отказ от музыки, танцев, посещения театральных зрелищ, ношения украшений, использования макияжа; отказ от роскошества спален. К освобождению от цепи перерождений и просветлению ведут парамиты — «освобождающие действия»: щедрость; соблюдение этики; терпение; усердие; медитация; мудрость.

Все авраамические религии признают десять заповедей, данных Богом Моисею. Между конфессиями существуют незначительные расхождения в их внутренней разбивке, что не меняет принципиально общей семантической канвы предписаний. Через Моисея народ Израиля получил следующие установления:

- единобожие;
- недопущение идолопоклонства;
- недопущение произнесения имени Господа всуе;
- почитание субботы;
- почитание отца и матери;

- не убивать;
- не прелюбодействовать; не красть;
- не лжесвидетельствовать;
- не желать чужого.

В иудаизме, согласно Талмуду, ещё до Моисея семь заповедей были даны Богом Адаму, а потом и Нюю. Это был минимальный свод правил, предписываемый любому человеку, как иудею, так и неиудею. Заповеди Ноя включали в себя следующие положения:

- запрет идолопоклонства;
- запрет богохульства;
- запрет убийства;
- запрет прелюбодеяния;
- запрет воровства;
- запрет употреблять в пищу плоть, отрезанную у живого животного;
- судить справедливо.

Семь заповедей соотносились с семью днями книги Бытия. Запрещаемые заповедями деяния распределялись от преступлений против Бога (первые две) к преступлениям против человека (третья — пятая) и преступлениям против животных (шестая).

Для регламентации повседневного быта правоверных иудеев Торой устанавливалось 613 предписаний — мицвот. Из них 248 заповедей были предписывающие, что будто бы соотносилось с числом органов человеческого тела, и 365 — запрещающих, соотносимых с числом дней солнечного календарного года. Заповеди Торы были систематизированы в виде кодекса («Книга заповедей») иудейским средневековым богословом-талмудистом Маймонидам. В установлении длинного перечня предписывающих и запрещающих заповедей проявилась тенденция регламентировать каждый шаг верующего. Такие тенденции содержали в себе объективно угрозу подмены традиционных ценностей регламентом предписаний, нормой.

Пять столпов ислама составляют обязательный перечень предписаний для каждого мусульманина, составляющий ядро шариата. К Столпам ислама относятся: шахада — свидетельство о вере в Единого Бога — Аллаха и пророческую миссию Мухаммеда; намаз — пятикратная, распределённая по времени суток молитва; закят — милостыня в пользу нуждающихся; ураза — соблю-

дение мусульманского поста; хадж — совершение паломничества в святые места.

Исламом, как правило, называют в целом религию мусульман. В широком смысле это правильно. Но в узком — ислам — буквально «покорность» — есть предписывающая часть религии. Она соединена с двумя другими её составляющими — иманом и ихсаном. Иман есть вера, проявляемая в сердце, речах и делах. Ихсан заключается в искреннем служении Аллаху, осуществляемому так, как бы если верующий непосредственно видел его. Суть ихсана раскрывается словами пророка Мухаммеда: «Ихсан — это когда ты поклонись Аллаху так, как будто ты видишь Его, но даже если ты не можешь видеть Его — Он видит тебя». Таким образом, предписания — собственно ислам — связаны с религиозными мусульманскими ценностями и производны от этих ценностей.

Христианство исторически было менее, чем другие традиционные религии, акцентировано на регламентирующих нормах. Считалось, что ценности христианина должны быть, прежде всего, в его сердце, а не в предписывающих правилах. Разделение ценностей и заповедей было важным шагом в истории мировой общественной мысли. Иисус в своих проповедях порицал саддукеев (законников) и фарисеев, подменивших дух религии правилами и догмами. «Суббота создана для человека, а не человек для субботы», — отвечал он фарисеям, пытавшимся упрекнуть его в совершении в субботний день того, что, как казалось им, было запрещено Законом. И в субботы следует творить добро, как в другие дни. Важнейшими же из заповедей Христос называл две: возлюбить Господа и возлюбить ближнего как самого себя. Дух любви наполняет живым содержанием и все прочие заповеди, тогда как при его отсутствии они превращаются в мёртвые правила.

Попытки введения перечня особых заповедей для христиан были сопряжены с разработкой катехизисов. Тенденции катехизации особенно проявлялись в Римской церкви, тогда как в православии были достаточно слабы. К такого рода установлениям относились, в частности, пять церковных заповедей Римско-католической церкви: участие в мессе и воздержание от работы в воскресенье и религиозные праздники; исповедование не реже раза в год в грехах; принятие не реже раза в год в пасхальное время таинства

евхаристии; соблюдение предписываемых Церковью постов и воздержаний от мясной пищи; поддержание Церкви в её нуждах.

Попытки переноса церковных заповедей в православие были предприняты испытывавшим определённое влияние со стороны католиков, создателем Киево-Могилянского коллегиума Петром Могилой. Но они так и не увенчались успехом, что само по себе опровергало существующий в либеральной среде стереотип об имманентной авторитарности православия. Русская культура, впрочем, имела «Домострой». Однако появившийся в России в XVI веке он, как показывают исследования, являлся переносом в российский контекст содержания распространённых в Европе «домовых книг».

Для монашества устанавливался расширенный перечень предписаний. Так, ещё в VI веке был создан устав бенедиктинцев, построенный вокруг императива — «молись и трудись». Устав святого Бенедикта включал 72 предписания:

1. Любить Господа Бога всем сердцем, всей душой, всеми силами.
2. Любить ближнего, как самого себя.
3. Не убивать.
4. Не предаваться блуду.
5. Не красть.
6. Не завидовать.
7. Не лжесвидетельствовать.
8. Уважать всех людей.
9. Не делать другим того, чего бы мы не желали себе.
10. Отвергаться самого себя.
11. Умерщвлять свою плоть.
12. Не привязываться к тому, что приятно чувствам.
13. Любить пост.
14. Облегчать участь бедных.
15. Одевать нагих.
16. Посещать больных.
17. Хоронить мёртвых.
18. Поддерживать находящихся в испытании.
19. Утешать печальных.
20. Чуждаться мирских нравов.

21. Не предпочитать ничего любви Христовой.
22. Не предаваться гневу.
23. Не помышлять о мщении.
24. Не хранить в сердце лукавства.
25. Не давать ложного мира.
26. Не оставлять милосердия.
27. Не клясться, чтобы не оказаться клятвопреступником.
28. Быть правдивым сердцем так же, как и устами.
29. Не воздавать злом за зло.
30. Не терпеть неправды, но с терпением переносить ту, что будет сделана нам.
31. Любить своих врагов.
32. Отвечать на проклятие не проклятием, а благословением.
33. Терпеть гонение за правду.
34. Не быть надменным.
35. Не быть пристрастным к вину.
36. Не быть жадным к еде.
37. Не быть любителем поспать.
38. Не быть ленивым.
39. Не роптать.
40. Не клеветать.
41. Полагать надежду на Бога.
42. Приписывать Богу то доброе, что найдёшь в себе.
43. В зле всегда обвинять самого себя.
44. Помнить о суде дне.
45. Страшиться ада.
46. Всеми силами души стремиться к жизни вечной.
47. Всегда помнить о смерти.
48. Всегда следить за своими поступками.
49. Быть уверенным, что Бог видит нас везде.
50. Разбивать о Христа все недобрые мысли, как только они возникают в сердце.
51. И открывать их старцу, опытному в делах духовных.
52. Хранить уста от всякого злого слова.
53. Не любить многословия.
54. Не говорить праздных слов.
55. Не любить слишком часто и громко смеяться.

56. Охотно внимать духовному чтению.
57. Часто предаваться молитве.
58. Каждый день в молитве со слезами исповедовать Богу прошедшие прегрешения и впредь от них исправляться.
59. Не исполнять пожеланий плоти.
60. Ненавидеть свою волю. Во всём повиноваться наставлениям игумена, даже если — избави Бог — он противоречит себе делами, помня завет Господень: «Что они говорят, то делайте, по делам же их не поступайте».
61. Не стараться прослыть святым, прежде чем станешь им.
62. Каждый день исполнять жизнью заветы Господа.
63. Любить чистоту.
64. Избегать ненависти.
65. Не ревновать и не поддаваться зависти.
66. Не любить споров.
67. Избегать почестей.
68. Почитать старших.
69. Любить младших.
70. Молиться за врагов, в любви Христовой.
71. До захода солнца мириться с теми, с кем разделила нас распря.
72. Никогда не отчаиваться в милосердии Божиим.

Предпринимались в западном христианстве и попытки формулировки главных добродетелей. Семь христианских добродетелей подразделялись на кардинальные, сформулированные ещё в рамках разработки античной этики (благоразумие, мужество, справедливость, умеренность), и теологические, указанные в Первом послании Коринфянам апостола Павла (вера, надежда и любовь). Позже появилась другая версия семи добродетелей: целомудрие, умеренность, благотворительность (или щедрость), трудолюбие, терпение, благодарность (или доброта), смирение.

Семи добродетелям по принципу дихотомии противопоставлялись семь смертных грехов. Целомудрию противопоставлялся грех похоти, умеренности — чревоугодие, благотворительности — жадность, трудолюбию — лень, терпению — гнев, благодарности — зависть, смирению — гордыня. К образам смертных грехов обращались в своём творчестве Данте Алигьери, Уильям Ленгланд,

Джеффри Чосер, Эдмунд Спенсер, Жак Калло, Питер Брейгель Старший и другие.

В эпоху постмодерна всё то, что входило в перечень семи смертных грехов, оказалось преподнесено в качестве добродетелей. Похоть стала трактоваться как раскрытие потенциалов сексуальности; чревоугодие — как эстетика гурманов; жадность — как менеджерский подход и рентабельность; лень — как поиски себя; гнев — как проявление эмоциональных качеств; зависть — как конкуренция; гордыня — как адекватная самооценка и формирование чувства уверенности.

В развитии темы семи смертных грехов Махатма Ганди выдвинул перечень Семи мировых ошибок. Через него индийский мыслитель показывал источники произошедших ценностных подмен. Незадолго до смерти он передал составленный перечень своему внуку Аруну Ганди. Список Семи мировых ошибок включал следующие позиции:

1. Богатство без труда.
2. Удовольствие без совести.
3. Знание без характера.
4. Коммерция без морали.
5. Наука без гуманности.
6. Поклонение без жертвенности.
7. Политика без принципов.

Арун Ганди добавил к списку своего деда ещё одну, восьмую позицию — «права без обязанностей».

Заповеди и добродетели в идеологиях и национальных культурах

В Новое время выдвигаются списки добродетелей, соотносимых с соответствующими национальными культурами. Так, свой перечень добродетелей выдвинул один из отцов-основателей США Бенджамин Франклин. Предложенный им список из тринадцати добродетелей опирался на личный жизненный опыт составителя:

1. Воздержность: «Не ешь до отупения, не пей до опьянения».
2. Молчаливость: «Говори лишь то, что может послужить на пользу другим или тебе самому».

3. Любовь к порядку: «Пусть для каждой твоей вещи будет своё место; пусть для каждого твоего дела будет своё время».
4. Решительность: «Решай делать то, что должно; а то, что решил, выполняй неуклонно».
5. Бережливость: «Позволяй себе только те расходы, что принесут пользу другим или тебе самому; ничего не растрачивай попусту».
6. Трудолюбие: «Не теряй времени; всегда будь занят чем-нибудь полезным; отменяй все необязательные дела».
7. Искренность: «Не прибегай к пагубному обману: пусть мысли твои будут невинны и справедливы; а если говоришь, то пусть такими же будут и слова».
8. Справедливость: «Никогда не обижай людей, причиняя им зло или не делая добра, как велит долг».
9. Умеренность: «Избегай крайностей; не держи обиды за причинённое тебе зло, даже если думаешь, что оно того заслуживает».
10. Чистоплотность: «Не допускай ни малейшей грязи ни на себе, ни в одежде, ни в доме».
11. Спокойствие: «Не волнуйся из-за пустяков, из-за происшествий мелких либо неизбежных».
12. Целомудрие: «Похоти предавайся редко, единственно для здоровья или для продления рода; не допускай, чтобы она привела к отупению или к слабости, либо лишила душевного покоя или бросила тень на доброе имя твоё или чьё-либо ещё».
13. Кротость: «Следуй примеру Иисуса и Сократа».

В версии Франклина — надо быть добродетельным, чтобы являться успешным. Фактически — практическое представление теории разумного эгоизма. Такой подход, вероятно, мог родиться только на американской почве. Феномен добродетелей Франклина чётко соотносился с ранней стадией генезиса капиталистического общества и этикой буржуазии.

Другой вариант перечня добродетелей был выдвинут в XVIII столетии в Пруссии. Он соотносился с немецким культурным контекстом и политикой королей Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великого. В список прусских добродетелей были включены:

- искренность;
- скромность (символом скромного поведения являлся василёк — любимый цветок германского императора Вильгельма I);
- усердие;
- послушание;
- прямолинейность;
- чувство справедливости (по формуле «Каждому своё»); богобоязненность;
- твёрдость;
- храбрость;
- любовь к порядку;
- дисциплинированность;
- чувство долга;
- пунктуальность;
- честность;
- самоотверженность («Кто поклялся на флаге Пруссии, себе не принадлежит»);
- бережливость;
- мужество («Учись страдать, не жалуясь»);
- верность;
- неподкупность;
- субординация;
- сдержанность («Будь больше, чем кажешься»);
- надёжность.

Речь шла, по сути, о подготовке лояльного короне подданного, храброго солдата и ответственного чиновника.

Существовали и варианты создания списка добродетелей в соотнесении с конкретной идеологией. Наиболее известный пример такого рода — принятие в 1961 году XXII съездом КПСС Морального кодекса строителя коммунизма. По признанию разработчиков, создавая этот документ, они обращались в том числе к религиозным заповедям. И это во время «хрущёвской оттепели» — одного из наиболее масштабных атеистических наступлений на религию! Положения Морального кодекса были названы в новой Программе КПСС нравственными принципами. Строители коммунизма должны были придерживаться следующих ориентиров:

- Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.
- Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
- Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.
- Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.
- Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.
- Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.
- Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.
- Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.
- Непримируемость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.
- Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.
- Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.

Свои перечни моральных принципов формулировали сообразно со своей идеологией и националисты. Такого рода документ обнаруживается и в истории украинского нацизма. Ещё в 1904 году видным идеологом украинства Николаем Михновским для Украинской народной партии был разработан соответствующий катехизис. Получив название «Десять заповедей УНП», он апеллировал к Десяти библейским заповедям, но устанавливал принципы, сущностно им противоположные. Для понимания генезиса, нацизма на Украине, уходящего ещё во времена Российской империи, целесообразно воспроизвести этот документ:

1. Одна, единая, неделимая, от Карпат и до Кавказа независимая, свободная, демократическая Украина — республика рабочих людей.
2. Все люди — твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи — это враги нашего народа, пока они господствуют над нами и обируют нас.

3. Украина — для украинцев! Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей.
4. Всегда и везде используй украинский язык. Пускай ни жена твоя, ни дети твои не оскверняют твой дом языком чужаков-угнетателей.
5. Уважай деятелей родного края, ненавидь врагов его, презирай оборотней-отступников — и хорошо будет всему твоему народу и тебе.
6. Не убивай Украину своим равнодушием к всенародным интересам.
7. Не становись ренегатом-отступником.
8. Не обворовывай собственный народ, работая на врагов Украины.
9. Помогай своему земляку прежде всех, держись в центре товарищей.
10. Не бери себе жену из чужаков, поскольку твои дети будут тебе врагами, не дружи с врагами нашего народа, поскольку ты даёшь им силу и отвагу, не создавай союзы с угнетателями нашими, поскольку будешь предателем.

Соответствующий пример показывает, что аксиологический спектр крайне широк и есть ценностные платформы, с традиционными ценностями несовместимые.

При этом необходима оговорка, что различные перечни добродетелей неправильно было бы считать списками ценностей. Добродетели — это деятельное проявление принятия соответствующих ценностей — действия или запрет действий. От ценностей производны добродетели, от антиценностей — грехи.

Анализ традиций разных стран и народов привёл к выдвиганию следующего пакета традиционных ценностных ориентиров.

Родина

Родина — важнейший архетипический символ любого народа. Образ Родины в семантике большинства культур связан с образом матери. Родина есть прародительница народа, давшая ему жизнь. Народ, соответственно, должен защищать свою прароди-

тельницу. Традиция представления Русской земли через материнский облик в отечественной традиции утвердилась ещё в средневековой Руси. В Российской империи использовалась семантика России-матушки. Часто она давалась в сочетании с образом царя-батюшки. В СССР материнские коннотации образа Родины возрождаются с середины 1930-х годов в связи с формированием советской системы патриотизма. Особой эмоциональностью наделялся образ Матери-Родины в изобразительном искусстве периода Великой Отечественной войны. Уже в первые дни войны художником Ираклием Тоидзе был создан получивший всемирную известность плакат «Родина-Мать зовёт!». Впоследствии по проекту Евгения Вучетича в Волгограде была установлена скульптура «Родина-Мать зовёт!», ставшая одним из главных символов Победы.

Если Родина традиционно ассоциировалась с образом матери, то Отечество — с отцом. Философы говорят о двух проекциях России: горизонтальной — Родина и вертикальной — Отечество. Родина — это страна, Отечество — государство. В этих двух ипостасях существует народ российский. И Родина, и Отечество есть сакральные основы его бытия.

Родина у человека, сообразно с традицией, может быть только одна. Две Родины или три Родины — это абсурд и кощунство по отношению к самому понятию «Родина». Таким же абсурдом является разделение Родины и исторической Родины. История страны неотделима от Родины. Вне зависимости от своего этнического происхождения человек может иметь только одну историю родную — ту, которая относится к его Родине как стране, с которой сопряжена его идентичность.

Сакрализация Родины в традиции противостоит пониманию Родины как страны, где человек себя чувствует наиболее комфортно. Показателен в этом отношении диалог, приводимый в выдающемся советском фильме «Александр Невский» 1938 года между сторонниками защиты Русской земли от немцев и пронемецкой партией:

— Да стой, какая тебе Русская земля? Где ты её видала? Каждый сам за себя стоит. Где спать легла, там и Родина.

— Врёшь, собака!

— Всякий гад на свой лад. Не корми меня тем, чего я не ем. Им, богачам, всё едино: кто мать, кто мачеха. Где барыш, там тебе и родная земля. А нам, малому люду, под немцем смерть верная.

«Измена Родине» — такая формулировка содержалась в Уголовных кодексах РСФСР 1934 и 1960 годов. В Уголовном кодексе Российской Федерации формулировка изменена: вместо понятия «измена Родине» используется менее эмоционально нагруженное — «государственная измена». Очевидно, что в свете обращения к традиционным ценностям слово «Родина» должно быть возвращено в российское законодательство.

Патриотизм, то есть любовь к своему Отечеству, был объявлен Президентом национальной идеей России. Национальной идеей также является служение Отечеству (подробнее см.: *Иерусалимский Ю. Ю., арх. Сильвестр (Лукашенко)*). Концепция национальной идеи // Изборский клуб. 2017. № 1 (47). С. 58–61). Важно при этом указать, что ценностно противостоит патриотизму и служению Отечеству. Ценностной антитезой выступает космополитизм. В современном российском случае до 2022 года сложилась абсурдная и, вероятно, беспрецедентная ситуация, когда можно быть одновременно и патриотом, и космополитом.

Распространение космополитизма является важнейшим из несиловых способов десоверенизации. Если нет цивилизационно-идентичных ценностей, то не может быть и цивилизационно-идентичного суверенного государства. Космополитизм в российском варианте — это, по сути, западничество, а по отношению к государству — режим внешнего управления. Но за ширмой западничества, и это с очевидностью прослеживается через всю российскую историю, скрывается другой феномен — россиефобия. По сути, это диктатура меньшинства, а в целевом отношении к государству — этноцид по отношению к собственной культуре и собственному народу.

Становится очевидной необходимость организации целевой борьбы против космополитизма. Борьбы не столько в виде политических репрессий против космополитов (до того момента, как космополиты не превратились в «пятую колонну»), а их идейного разоблачения.

Распространённый историографический стереотип заключается в узкой локальности крестьянских интересов. В дни социальных

смут, борясь за оружие, крестьянин доходил не далее, чем до пределов своей волости. Общегосударственные всероссийские проблемы будто бы вытеснялись в его сознании конъюнктурой собственных практических забот. Действительно, именно так крестьянин себя и вёл, как во время казацких походов на Москву, как и в период Гражданской войны.

Однако при столкновении с внешними противниками России ситуация принципиально менялась. Формировались народные ополчения, готовые жертвовать собой «за веру, царя и отечество». Народный бунт почти всегда был направлен против конкретных персоналий, но не государственности. Бытие человека осознавалось в прочной связи с бытием государства. Ценностный ориентир защиты Родины был всегда важнейшей категорией национальной аксиологии. Приводимые ниже филологемы позволяют зафиксировать важность патриотической компоненты русского традиционного сознания и понимания необходимости крепить оборону:

- «Кто за Родину дерётся, тому и сила двойная даётся»;
- «Кто Родину любит, тот врага рубит»;
- «Родину-мать умей защищать»;
- «Мала птица, а и та своё гнездо бережёт»;
- «Лучше врага бить, чем битым быть»;
- «Кто наступит на землю русскую, оступится»;
- «Врагу солнца не погасить, русский народ не победить»;
- «Мы врагов били, бьём и будем бить; так мы жили, живём и будем жить»;
- «В своём гнезде и ворона глаза коршуну выклюет»;
- «На своём пепелище и курица рогата»;
- «Всяк держи свои рубежи»;
- «У своего гнезда и ворона орла бьёт»;
- «Одна у человека родна мать, одна у него и Родина»;
- «Человек без Родины, что соловей без песни»;
- «Отечество тебе и колыбель, и могила»;
- «Родной куст и зайцу дорог»;
- «Родная сторона — мать, а чужая — мачеха»;
- «Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет»;
- «Враг, что волк: без зубов не бывает»;

- «Шилом медведя не одолеешь»;
- «С медведем дружись, а за топор держись»;
- «Нет обороны — заклюют и вороны»;
- «Близ границы не строй светлицы, строй башенку»;
- «Тайный враг страшнее явного»;
- «Враг не свищет, когда его ищут»;
- «У всякого таракана своя щёлка есть»;
- «Не велик червяк, велик вред от него».

Религия, религиозная вера

Истории неизвестно ни одного этноса, чей исторический генезис осуществлялся бы на внерелигиозной основе. Речь идёт о религиях в широком понимании, включающем и даосизм, и конфуцианство, и буддизм, не содержащих представления о Боге (богах), но имеющих общие дефиниционные составляющие: веру, культ, организацию верующих. Этимологически оно восходит к латинскому *religion* — «связь», указывая, с одной стороны, на вертикальную связь с миром трансцендентного, а, с другой, на горизонтальную интеграционную связанность религиозной общности.

Любая цивилизационная общность выстраивалась на фундаменте религии. Религия являлась мировоззренческим источником традиции. Все традиционные ценности являлись и ценностями религиозными.

Важна при этом оговорка, что с традиционными ценностями сопряжены традиционные религии. Религиозные доктрины периодов модерна и постмодерна часто оказываются в прямой оппозиции к традиционным ценностям и часто выступают религиями греха. В США открыто действуют сегодня религиозные организации сатанистов. Сатанизм, более того, преподаётся в американских школах. Пока, впрочем, как факультатив. Но слово пока здесь ключевое... Зафиксирована религиозная организация, где в качестве бога позиционируется искусственный интеллект.

Признавая существование Бога и будучи логически последовательным, следует признать, что все существующие сферы общественного жизнеустройства России и мира вступают в противо-

речие с принципами божественного миропорядка. Слова Христа о невозможности служить одновременно Богу и маммоне отражают системное противоречие между религиозными ценностями и ценностями, взятыми за основу современного мироустройства. В этом отношении само обращение к Богу, если это не конформистский вариант религиозности (этот вариант получил распространение в российской псевдоправославной элите), даёт основания для преобразования мира на началах духовности.

Религиозная вера не тождественна, как часто представляют либеральные критики типа А. Г. Невзорова, обскурантизму. Современные достижения в сфере науки подтверждают многие положения религиозного познания. Препятствия к сближению позиций науки и религии сегодня обуславливаются не столько гносеологическими причинами, сколько инертностью мышления.

Религия нуждается в соотнесении выработанных столетиями прежде учений с данными современной науки. Сегодня одной апелляции к откровениям недостаточно. Нужна научная аргументация и верификация религиозных положений. Необходим перевод языка символов, аллегорий и притч, ключ к которому частично утрачен, на язык, доступный для понимания современного человека. Охранительная позиция религии объясняется боязнью утраты в результате принятия ложных направлений поиска смыслообразующего ядра, соединяющего человека с Богом. И эти опасения были не напрасны, имея в виду определённые ошибочные выводы, сформулированные секулярной наукой. Но сегодня, когда когнитивное ядро религий прочно идентифицируется, актуализируются задачи совершения нового шага в религиозном познании.

Для науки религия необходима как фундамент непротиворечивого объяснения накопленных к настоящему времени эмпирических данных. Прежняя когнитивная парадигма, связанная методологически с секулярным периодом в истории науки, оказалась на сегодня неудовлетворительна. Именно признание факта существования Бога оказывается выходом, снимающим противоречия между теорией и феноменологией.

У религии и науки в современном мировом познавательном дискурсе обнаруживается всё более явственно общий идейный противник. В таком качестве предстаёт постмодернизм. Это псевдонаука,

псевдорелигия, псевдофилософия. По отношению к науке постмодернизм заявляет об относительности эмпирического знания, по отношению к религии — об относительности таких категорий, как добро и зло. Подрываются, таким образом, сами основания познавательной практики. Данный вызов обуславливает скорейшее заключение союза между наукой и религией против общего противника.

В основании российского цивилизационногенеза находилось принятие государством и народом православия. Православие сформировало исторически мировоззренчески-ценностную платформу российской цивилизации, и устранение этой платформы означало бы обвал и всего цивилизационного здания. Неслучайно в фокусе атак противников России всех мастей оказывается именно православие.

История православия в России фактически совпадает с историей российской государственности. В этом отношении российский цивилизационногенез оказывается историческим выражением православной ценностной матрицы. Неслучайно основоположники цивилизационного подхода маркировали Россию как «православную цивилизацию».

Сформулированная в эпоху модерна теория светского государства привела в реалиях к практике искусственного отделения Церкви от решения задач нравственного воспитания человечества. Однако далеко не все государства мира пошли по пути радикального секуляризма. Не является универсальным и сам принцип светскости, закреплённый в меньшей части мировых Конституций. Зачастую за ширмой светскости стоят силы, придерживающиеся религий, не связанных с традиционной для соответствующих государств религиозностью.

Религиозная принадлежность выступала в традиционном обществе в качестве основного идентификационного параметра большой групповой принадлежности. Национальный вопрос являлся для русского народа преимущественно вопросом сохранения собственной веры. Православие было эквивалентно понятию «русская вера». Греческая же религия в массовых народных представлениях — это нечто иное. Из этого представления проистекало противопоставление «елинства» (эквивалент фарисейства) и «Святой Руси».

Ниже приводится подборка филологом, отражающих исторически выработанное русским народом отношение к религии и Богу:

- «Русский Бог велик»;
- «Велик Бог русский и милосерд до нас»;
- «Жив Бог, жива душа моя»;
- «Жить — Богу служить»;
- «Человек ходит — Бог водит»;
- «Нужен путь — Бог правит»;
- «Бог пути кажет»;
- «Человек гадает, а Бог совершает»;
- «Без Бога не до порога»;
- «С Бога начинай и Господом кончай»;
- «Утром Бог и вечером Бог, а в полдень да в полночь никто же, кроме Него»;
- «С верой нигде не пропадёшь»;
- «Вера спасает»;
- «Вера животворит»;
- «Вера и гору с места сдвинет»;
- «На Бога надейся, а сам не плошай!»;
- «Богу молись, а в делах не плошись!»;
- «Богу молись, а добра ума держись!»;
- «Богу молись, а к берегу гребись!»;
- «Менять веру — менять и совесть»;
- «Не торопись, сперва Богу помолись»;
- «Любое дело, благословясь, не грех»;
- «Что бы ни прошло, всё молись»;
- «Кто, перекрестясь, работает, тому Божия помощь»;
- «С молитвой в устах, с работой в руках»;
- «Лихо думаешь — Богу не молись».

Любовь

В христианской традиции любовь является важнейшей из всех социальных ценностей. Только в христианстве существует формулировка «Бог есть Любовь». Дословно этот фрагмент Нового Завета звучит следующим образом: «Любовь от Бога, и всякий лю-

блжый рождён от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь». Традиционные сообщества, стоящие на других религиозных платформах, также отводят любви ключевую роль в социальном строительстве. Без любви невозможны религия (любовь к Богу), общество (любовь к ближнему), государство (любовь к Родине), семья (любовь супружеская и любовь родительская между детьми). Не будет преувеличением сказать, что вся мировая культура выстраивалась на стержне темы любви.

В древности выделялось несколько уровней любви. У древних греков для обозначения различных типов любви использовалось четыре понятия: эрос — любовь романтическая; фιλία — любовь-дружба; сторге — любовь-нежность; агапе — любовь жертвенная, связанная с высшим идеалом. Все они важны для построения здания общества. При этом греки говорили и о разновидностях псевдолюбви, подменяющей подлинные ценности: людуc — половое влечение; мания — ревность и страсть, доводящие человека до безумства; прагма — рассудочные отношения, при которых любовь используется как ширма для извлечения выгод.

Противоположностью любви во всех её категориальных проявлениях является ненависть. Если любовь принимать за традиционную ценность, то ненависть следует считать антиценностью. Любая правильно организованная социальная система не сможет функционировать при отношениях взаимной ненависти между людьми. Любовь скрепляет социальные связи, ненависть разрушает. Рост различного рода фобий в современном мире есть прямой путь в хаос войны всех против всех.

Выгода и интерес также не могут заменить отношений любви. Модель рынка как система без любви в этом смысле обречена на кризис.

Христос в Нагорной проповеди шёл даже дальше заповеди любви к ближнему. Он говорил о любви абсолютной, распространяемой даже на врагов. «Вы слышали, — обращался он к народу, — что было сказано: «возлюби ближнего твоего и возненавидь врага твоего». Я же говорю вам: любите врагов ваших и молитесь за тех, кто гонит вас, чтобы стать вам детьми Отца вашего, Который на небесах; ибо Он являет солнце Своё над злыми и добрыми и посылает дождь для праведных и неправедных. Ведь если вы бу-

дете любить тех, кто вас любит, какая у вас заслуга? Разве мытари не делают того же? И если вы дружелюбны только со своими, что в том особенного? Разве язычники не делают того же? Вы будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

И этот подход брался за основу политики России как государства-цивилизации, обращённого к миру. Борясь с врагами, Россия руководствовалась идеологией спасения этих врагов. Воюя с объединённой Наполеоном Европой, Российская империя ставила перед собой цель спасти европейцев от узурпатора. Столкнувшись с невиданным врагом в лице фашистской Германии, Советский Союз видел свою миссию в освобождении тех же немцев от нацизма. Памятник советского солдата с немецкой девочкой на руках в Трептов-парке — это памятник жертвенной любви. И сегодня, сражаясь против Вооружённых сил Украины, русский солдат воюет за украинский народ. О любви писал и Ф. И. Тютчев, оппонировав в 1870 году (год Франко-прусской войны) Бисмарку в стихотворении «Единство»:

«Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...».

Современный либерализм, наряду с другими великими ценностями человечества, дезавуировал и ценность любви. Любовь в своём историческом становлении понималась как преодоление исключительно биологического подхода к естественному воспроизводству. Люди влюбляются, создают семьи не только из-за биологического влечения, но и, в первую очередь, духовной комплиментарности. Однако сегодня любовь фактически подменена понятием «секс» и отождествляется с ним. Словоупотребление «заняться любовью» наглядно иллюстрирует произошедшую проблему. На дискредитацию чувства любви рабо-

тает в настоящее время вся пропагандистская машина нового мирового порядка — голливудизированный кинематограф, Интернет, реклама. Нравственное государство, наряду с решением других фундаментальных задач антропологического строительства, должно восстановить в своём высоком ценностном значении и чувство любви. Не просто восстановить, но и создать условия для развития этого чувства и установить цензурные запреты на его дискредитацию.

Жизнь

Традиция не отвергает ценности жизни. Напротив, в ней отстаиваются принципы жизненной целостности. Противопоставление жизни и смерти составляет основу культурных кодов любого сообщества и проходит красной нитью через народную культуру.

Человеческое общество воспринималось в традиции живым организмом. С позиции традиционных ценностей следует отношение к обществу как к живой системе, адаптированной к определённой среде — цивилизационное пространство, изменить природу которой по методу инжиниринга невозможно. На этом противоречащем живой системе России инжиниринге провалился эксперимент её либерального западного реформирования.

История человечества представляет собой часть мегаэволюции жизни. Биологический уровень жизни с момента появления человека дополняется социальным. Социальная компонента жизни в соотношении с биологической исторически возростала. Над социальным формировался ещё более высокий уровень жизни — духовный. В религиозной традиции он соотносился с перспективой обожения человека.

Традиционное христианство рассматривало различные формы жизни в их иерархической проекции. Духовная жизнь ставилась однозначно выше биологической. Но это не означало абсолютного отрицания ценности материального мира. Христос явился в телесном облике человека. Его природа двухосновна. Биологическое должно подчиняться духовному, тело управляться душой.

Материя и дух не противопоставлялись друг другу, а соподчинялись иерархически. Применительно к земному бытию человека утверждалась невозможность жизни только в духовном проявлении, не связанном с телесным существованием. Вместе с тем, духу отдавался приоритет как ориентиру развития христианской личности.

Человеческая жизнь в противоречии с либеральными утверждениями являлась одной из высших ценностей традиционного общества. Отнять жизнь у человека рассматривалось тяжелейшим преступлением. Показательно в этом плане отсутствие смертной казни в Древней Руси вплоть до конца XIV века. Для того, чтобы на лишение жизни человека пошло государство, нужны угрозы такого уровня, что невынесение смертной казни оказывалось ещё большим злом, чем лишение жизни преступника. Совершенно оправданно и поддержано международным сообществом было вынесение смертного приговора Нюрнбергским трибуналом нацистским преступникам. Это был символический акт, показывающий, что совершённые нацистами злодеяния являются преступлением против всего человечества, и они столь велики, что не заслуживают никакого снисхождения.

В перспективе строительства нравственного государства смертная казнь должна быть, безусловно, отменена. Но запрет и мораторий на её применение сегодня наносит вред обществу, усиливает криминальность, приводит в итоге к торжеству зла. Характерно, что в рамках советской истории, исходя из высших гуманистических ориентиров, дважды предпринимались попытки полной отмены смертной казни — при Ленине в 1917 и при Сталине в 1947 году. Однако в обоих случаях обстоятельства заставляли восстанавливать её применение. Для сдерживания распоясавшегося криминалитета и экстремистов-человеконенавистников смертная казнь за тяжчайшие преступления должна быть восстановлена. Мораторий на её применение, введённый по требованию Запада для угождения западным ревнителям либерализма, сегодня потерял актуальность и ввиду новой конфронтации. В восприятии народа серийному убийце, насильнику — растлителю малолетних, изменнику Родины, нанесшему ущерб её обороноспособности, жизнь оставлена быть не может.

Государство, государственное и общественное служение

Существуют два подхода к государству: узкий — как к институтам власти и широкий, в версии разделяемой ПНТ, — как к социальной оболочке организации общества. Часто они смешиваются, и это смешение используется в антигосударственной пропаганде. Традиционно в этой пропаганде используется приём противопоставления государства и человека или государства и общества. Но государство и общество неразрывно связаны между собой как форма и содержание и не могут быть противопоставляемы друг другу. Такое противопоставление было бы противопоставлением самому себе. Каждая часть общества выполняет те или иные государственные функции. При обрушении государства, как показал, в частности, опыт распада СССР, пострадало и общество в его большинстве и конкретные люди — человек.

Либералы заявляют о нетождественности любви к Родине и любви к государству. Однако без государства суверенное существование страны невозможно. Поэтому государство, равно, как и народ, и территория, составляют триадную основу того, что является страной и на что в совокупности и распространяются патриотические чувства.

Понимание природы государства через призму традиционных ценностей отличалось от его современного политологического понимания. В применении современного категориального аппарата с ним более всего соотносится категория «государство-цивилизация». В настоящее время в мире существует более двухсот национальных государств, тогда как число цивилизаций значительно меньше. Соответственно, существует ряд государств, реализующих миссию соответствующих цивилизаций, представляющих собой ядро цивилизационных систем. Это государства-цивилизации, к числу которых относится и Россия. Государства-цивилизации принципиально отличаются и от государств-наций (основной субъект государствогенеза — нация), и от современного типа государств-корпораций (основной субъект — правящий клан). Государство-цивилизация выстраивается на многоэтнической основе, где различные народы и социальные группы объединяются во-

круг определённого ценностно-мировоззренческого ядра, составляющего идентичность соответствующей цивилизации. Именно так изначально в своей истории и формировалось российское государство. Будучи государством-цивилизацией, Россия, помимо национального интереса, которым руководствуются государства-нации, должна нести особую российскую цивилизационную миссию миру.

Несмотря на использование Президентом понятия «государство-цивилизация», ни цивилизационная миссия России не заявлена, ни её цивилизационная идентичность не определена, ни сама идея особого цивилизационного пути развития не получила отражения ни в образовании, ни в государственной управленческой практике.

С начала Нового времени доминирующее положение в общественном дискурсе занял подход, устанавливающий разграничение государства и большинства общества. Отношения между ними складываются либо в форме конфликта, либо вынужденного консенсуса. Снятие же противоречий между государством и обществом виделось по этой логике либо в разгосударствлении, либо, как в случае апологии неравенства, поддержании дистанции между элитой и массами. Здесь сходились позиции и социалистов, и либералов, и даже части националистов. Отмирание государства рассматривалось как желаемый социальный ориентир будущего.

В рамках традиции использовались иные версии государство-генеза, акцентировавшие не конфликтные, а солидаризационные отношения. Государство в этой трактовке оказывается не противопоставляемым обществу институтом, а особой формой общественного бытия. Ещё к античным временам относится формирование теории государства как «большой семьи». Аристотель рассматривал государственную власть как развитие отцовской власти. Его цель — общее благо. Примерно также в качестве разросшейся семьи понимал государство и Конфуций. «Государство, — учил он, — это большая семья, а семья — это маленькое государство...». Концепт государства-семьи активно развивался в синтоистском учении «кокутай» (буквально «тело государства»). Традиции трактовки государства как «большой семьи» обнару-

живаются в литературных памятниках каждой из цивилизаций. Из признания государства семьёй следовало противоестественность конфликта государства и общества. Речь могла идти о гармонизации государственно-семейных отношений, но не о ревизии института государства.

Оппоненты указывали на архаичность и мифологичность концепта «большой семьи». Но чем менее мифологична была, к примеру, сюжетная линия договорной теории. Гоббсовское сверхсущество Левиафан прямо заимствовалось из мифологии. Да и сам общественный договор был не историческим прецедентом, а аллегорией. История не даёт сведений ни об одном реально заключённом общественном договоре.

Между тем, теория «большой семьи» по мере развития общественных наук соответствующим образом модернизировалась. В своём модернизированном виде она представляла развитие концепта, согласно которому государствогенез был сопряжён с социогенезом, переходом от родовых к более сложным социальным отношениям. Установление основных факторов этого перехода могло быть различным: демографических — рост численности населения, экономических — разделение труда, когнитивных — изобретения периода неолитической революции, социальных — развитие системы табу и другие.

В отечественной исторической науке (в т. ч. в науке советского периода), в полемике с теорией «норманнского завоевания», тоже использовалась в значительной мере аргументация теории «большой семьи». Получался парадокс — общее объяснение происхождения государства в советской историографии связывалось с классовой борьбой — конфликтом, тогда как происхождение русского государства (Древней Руси) объяснялось в рамках солидаризационной парадигмы бытия восточнославянских племён.

Фактически каждая цивилизационная общность имеет свою специфичную семантику того, что нами принято определять государством. Пытаясь кластеризовать существующие в разных культурах подходы к раскрытию феноменологии государства, С. Г. Кирдина-Чэндлер использовала метафоры — граната и виноградной грозди. Метафора граната выражает идею цельности, виноградной

грозди — индивидуумности. Это как раз различия между гранатом — русским обществом и виноградной гроздью — западным социумом.

Русское «государство» и латинское «state» — это также различные культурные феномены. «State» сопряжено этимологически со словами статут и статус. Эта сопряжённость указывает на два аспекта генезиса понятия state: юридический (статут) и элитарно-иерархический (статус). Доминанта юридической формы действительно отличала модель государства цивилизации Запада.

Русское «государство» имело иные этимологические основания. Государство связано с понятием «государь», и без государя государство не мыслилось. Этимологическую же основу слова государь составляют слова Господь и Суд. Речь шла о высшем суде — Суде Господа, функции которого до наступления последних времён осуществляет государь с помощью подчинённой ему силы — государства. На Западе это определялось как автократия, а то и как деспотия. Но для русского самосознания подлинное государство должно быть именно таким, выстраиваемым сверху вниз — от Бога к фигуре государя и от фигуры государя к народу.

В славянском мире в качестве эквивалента государству используется понятие «держава». В русском языке слова государство и держава выступают как синонимы, хотя их этимологическая семантика различны. Держава производна от глагола держать, то есть владеть, удерживать территорию. Слово держава сопрягалось таким образом с удерживаемыми соответствующей общностью землями. Властная вертикаль в державе, в отличие от государства, не была имманентно задана, и потому в выстроившей мощную государственную систему России получило преобладание именно слово государство, тогда как у большинства других славянских народов — держава.

Современные учебники политологии исходят из того или иного общего определения государства. Оно считается правильным. Его и воспроизводят студенты на зачётах и экзаменах. Но в разных культурных контекстах, как мы показали выше, определения государства могут быть различны. Соответственно, различаются и государственные функции. Можно выделить следующий ряд су-

ществующих культурно-исторических и теоретических подходов к раскрытию того, что есть государство:

1. Институт, управленческий аппарат;
2. Сакрализованное пространство (Земля, территория, страна);
3. Сакрализованная общность людей;
4. Власть, институция, обладающая монополией на насилие, форма отношений «господство — подчинение»;
5. Цивилизованное сообщество, живущее по закону, в отличие от нецивилизованных сообществ, живущих по традиции, праву сильного, авторитету вождя и т. п. (ключевой признак — цивилизованность);
6. Отношения между Царём (помазанником Божьим) и народом;
7. Отражение небесного эйдоса (небесный Иерусалим, небесная Россия), мандат, данный свыше;
8. Целевая функция, организация в масштабах страны, созданная для той или иной цели.

Соответственно, когда мы говорим о государстве и предписываем функции, которые им должны выполняться, первоначально следует задуматься о том, чем для соответствующего культурного контекста оно является. И, возможно, приписываемые ему функции окажутся совсем неуместными, и функционал его в целом окажется иным.

Ценность государства определяла этический императив государственного служения. Каждый должен выполнять свой долг на службе Отечеству. Этот долг мог иметь различные профессиональные выражения. Выполнение своего профессионального долга являлось самостоятельной ценностью и важной составляющей идентичности человека. Человек гордился своей профессией и принадлежностью к соответствующему профессиональному сообществу.

«Служу Отечеству» или «Служу Российской Федерации» (лучше бы было использовать в этой фразе служение России, так как федералистская модель устройства здесь не главное) — клятнутся, согласно уставу воинской службы, военнотружущие. Но такую присягу могли бы давать и все иные граждане России. Каждый на своём месте и посту служит Отечеству.

Суверенитет

Понятие «суверенитет» вошло в широкий обиход в Новое время благодаря Жану Бодену. Но это не даёт оснований считать, что ценность суверенитета в традиционном обществе отсутствовала. Быть государству независимым от иных государств — эта позиция имела принципиальное значение для всех цивилизационных сообществ. Для отражения независимого существования использовали вместо понятия «суверенитет» другие слова, что принципиально сути дела не меняло. В русском политическом языке для этого использовали понятие «самодержавие». Понятия самодержавие и самодержец оказались исторически извращено, и в таком извращённом виде они попали в учебники. Самодержцем стали считать автократора, а самодержавие преподноситься эквивалентом авторитаризма или даже деспотизма. В действительности же под самодержавной властью понималась независимость государя от чьего бы то ни было волеизъявления, то есть суверенитет, а не автократию.

Другое дело, что исторически субъектом суверенной политики, то есть самодержцем на Руси выступал царь, равно, как в то же самое время в Европе — короли соответствующих государств. Если же трактовать самодержавность как автократичность, а не как суверенность, российская идеологическая триада (православие — самодержавие — народность) окажется просто абсурдом. Получится при таком прочтении, что идеология России состояла в том, чтобы во главе неё стоял непременно автократор — самодержец. Да ещё сакрализуемый православием — первый компонент триады и с безграничной преданностью принимаемый народом — третий компонент. Это ли не свидетельство приверженности русских к деспотии? Это ли не аргумент для русофобов? Абсурд снимается только в том случае, когда самодержавие трактуется как русский суверенитет, связываемый с православной системой ценностью и народным волеизъявлением.

О ценности суверенитета многократно говорил Президент России В. В. Путин, подчёркивая неприемлемость для России несuverенного существования. Ценность суверенитета, подчёркивает он, носит абсолютный характер: «Мир меняется, причём меняет-

ся стремительно. И для того, чтобы претендовать на какое-то лидерство, я уж не говорю на глобальное лидерство, но хоть в чём-то, безусловно, любая страна, любой народ, любой этнос должны обеспечить свой суверенитет. Потому что не бывает какого-то промежуточного состояния: или страна является суверенной, или колонией, как бы колонии не называть». И, вероятно, в таких смысловых формулировках и следует рассматривать суверенитет в перечне традиционных ценностей России.

Государственный суверенитет имеет множество факторных составляющих. Воздействуя на факторы суверенитета, можно суверенность государства усиливать или понижать целевым образом. Традиционный способ «поражения» суверенности имел военный характер. В классическом виде он представлял собой завоевание одним государством другого. Однако со временем технологии межгосударственной борьбы усложняются. Изменяется сам тип ведения войн. Для «поражения» суверенитета теперь уже нет необходимости применения военной силы. Существуют и совершенствуются иные несиловые способы десуверенизации. Особое направление в технологиях десуверенизации составляет подрыв традиционных ценностей у государства-противника. В этом отношении суверенность и традиционные ценности оказываются между собой в тесном сопряжении.

Для России в актуальной повестке сталкиваются две модели восстановления государственного суверенитета. Первая модель суверенитета опирается на систему Вестфальского мира. Это буржуазно-национальный суверенитет. Он предполагает распределение государств-наций по отдельным квартирам национального существования. Задача в данном случае — занять соответствующую нишу (желательно более комфортабельную), не подрывая самой системы мироустройства.

Но есть и другая модель суверенитета. Основным актором в ней выступает государство-цивилизация, реализующее собственную цивилизационную миссию. Суверенитет в этом случае понимается как идентичное цивилизационное мироустройство. Речь идёт о выстраивании собственной мир-системы.

Основная ошибка России трёх последних десятилетий видится в этой связи в безнадёжных попытках найти себе нишу суще-

ствования в рамках модели мироустройства, предложенной геополитическим противником. Рухнули иллюзии включения России в «золотой миллиард». Все места в обойме «золотого миллиарда» распределены. Россию там никто не желает и никогда не желал видеть. Тогда возник проект обретения ниши своего существования на втором этаже современного мироустройства. Этот этаж связывался с принятой на себя функцией «сырьевого придатка». Психологически компенсировать вторичность нового статуса государства призвана была идеологема «сырьевой империи». Однако сегодня становится всё более очевидным и провал этого замысла. Для обеспечения функционирования нефте- и газопроводов 140-миллионное население оказывается избыточно. Об этом откровенно говорили многие представители западного политического истеблишмента.

Оказывается, что России в рамках существующей сегодня модели мироустройства вообще не находится места. Российского государства в футурологической проекции этой модели мира нет и не может быть ни на одном из этажей. Само включение её в систему нового миропорядка таит в себе угрозы его обрушения. Поэтому в актуальной повестке для России есть только два сценария. Первый путь — десоверенизация и раскол, с последующим включением по частям в систему выстроенного Западом мирового порядка. Естественно, речь может идти только о нижних этажах такой интеграции (и, конечно, в этом случае нет надобности в государственной идеологии). Второй путь — выдвижение собственного проекта, собственной модели мироустройства, собственного идеологического послания миру.

Труд

Существование человека, так или иначе, связано с трудом. Трудовая деятельность определила человеческое видообразование. Человеческое общество без труда невозможно. В противном случае это уже не будет обществом.

Традиционное общество воспеваёт труд и сакрализует результаты труда. Осуждались лень и нетрудовые доходы. Через трудо-

вое воспитание осуществлялась традиционно социализация человека. В Европе в средние века как религиозный грех запрещалось ростовщичество. Фома Аквинский определял суть ростовщиков как торговцев временем.

В традициях русской православной цивилизации понимание феномена труда не исчерпывалось материальными аспектами существования человека, будучи сопряжено с этиологией нравственного (религиозная сфера) и государственного (политическая сфера) служения. «Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение к труду, — писал русский религиозный философ В. С. Соловьёв, — значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди». Именно автор дефиниции «русская идея» ещё в XIX в. выступил с призывом «не ставить Мамону на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной», а, соответственно, подчинить экономику высшим нравственным императивам.

В культурной среде позднего европейского средневековья исторически возникает особый тип человека («паразитарный тип человека»), ценности которого основываются на утверждении, что есть высшие и низшие, есть элита и массы. Для элиты, в силу самого её элитаристского положения, утверждаются права на присвоение. Возникает фундаментальный исторический конфликт между трудом и присвоением. Первоначально в качестве инструмента присвоения выступала сила. «Присвоить» означало физически отобрать. Далее появляется новый механизм — владение ресурсом. Присвоение становится возможным в условиях ограниченности ресурсов. У одного есть ресурс, у другого нет. У того, кто отдаёт свой труд за ресурс, есть жизненная потребность в этом ресурсе. Первоначально основным ресурсом такого рода выступает земля. Далее им оказываются финансы, и на первый план выступают права финансовых эмитентов. Новые присваивающие механизмы связываются сегодня с информационными технологиями и осуществляются под вывеской «цифровой экономики». Масштабы присвоения существенно возрастают.

Но никакое общество не может существовать на основе паразитической морали. В её тотальном распространении и видится фун-

даментальная причина экономического кризиса. Кризиса не может не быть при условии, когда в жизнь выходят поколения с абсолютным неприятием ценности труда. А им, между тем, подсказывается мысль о возможности безбедного существования и без трудовых затрат, за счёт освоения передовых технологий присвоения. Очевидно, что без восстановления трудовой этики, без соответствующей героизации труда и российской, и мировая экономика обречены.

Одним из основных положений русофобского мифа является тезис об имманентной русской лени. Достаточно для иллюстрации этого обратиться к сочинениям Ричарда Пайпса, уподоблявшего латентное неприятие труда крепостными крестьянами в России и американскими неграми эпохи рабства. Источник такого отношения связывался с общим отсутствием духа свободы. Более завуалированно та же мысль проводится в рамках дискурса веберовского подхода о ментальной предпочтительности для русского человека ценности отдыха. При этом почти стереотипом является интерпретация народных изречений о последовательности в организации труда, порицании спешки в качестве неприятия самой трудовой деятельности. Основная интенция в них звучит не как призыв — «не работай», а в качестве установки — «работая, не торопись».

Конечно, в арсенале русского народного сознания имеются архетипы героя, добывающегося благ чудесным образом, «по щучьему велению». Но пафос использования данного персонажа не в апологии тунеядства, а в акцентировке идеи вознаграждения человека за такие ценностные для народа качества, как, в частности, милосердие. Вместе с тем, наряду с образом Емели-лежебоки, народ создавал персонажей и героев — тружеников, таких как былинный землепашец Микула Селянинович. Крестьянский труд на Руси считался сакральным. Сам Господь часто уподоблялся сеятелю. Идея русского трудового права принципиально отличалась от западного частного права. Отсюда — различие в понимании собственности. У русских крестьян исстари сложилось убеждение, что собственником земли является тот, кто непосредственно вкладывает в неё свои трудовые усилия. «Земля — наша, а мы — барские». Юридически было, как раз, всё, наоборот. Предполагаю-

щая выкупные платежи за землю крестьянская реформа 1861 г., преподносимая ныне как акт освобождения, была воспринята самими крестьянами в качестве величайшей несправедливости.

Труд в России являлся социальной скрепой. Нетрудовой человек как носитель синдрома паразитизма представлял угрозу всей системе общинного миропорядка. Поэтому побуждение и, при необходимости, принуждение к труду составляло одну из главных задач, стоящих перед государственной властью.

Тема труда являлась одной из важнейших и в большевистском идеологическом лексиконе. Трудовое воспитание было одной из главных задач, вменяемых советской школе. Статус празднования «1 мая» отражал понимание труда в СССР в качестве главного (наряду с обороноспособностью — 23 февраля и 9 мая) фактора жизнеспособности государства. Производственная тематика представляла обязательную компоненту советской культурной продукции.

В постсоветский период отношение к труду меняется кардинальным образом. Развёртывается имеющая все признаки целенаправленного действия, реализуемая через СМИ кампания подрыва трудовых потенциалов. Происходит голливудизация сознания. Формируется культ быстрого, нетрудового, авантюрного обогащения. Новая этическая максима — «всего и сразу!» резко диссонирует с отражёнными в ниже приводимых филологемах традициями ценностного понимания труда:

- «Терпение и труд всё перетрут»;
- «Бог труды любит»;
- «С молитвой в устах, с работой в руках»;
- «Бог повелел от земли кормиться»;
- «Божья тварь Богу и работает»;
- «Пчела трудится — для Бога свечка пригодится»;
- «Богу молись, а сам трудись»;
- «Богу молись, крепись, да за соху держись»;
- «Молись Богу, землю паши, а урожай будет»;
- «Скучен день до вечера, коли делать нечего»;
- «Будешь счастлив, паши не лениво»;
- «Досуг будет, когда нас не будет»;
- «Работать — день коротать, отдыхать — ночь избывать»;

- «Шевелись, работай — ночь будет короче»;
- «Лень мужика не кормит»;
- «С ночи сыт не будешь, не печь кормит, а руки»;
- «Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах»;
- «Что потрудимся, то и поедим»;
- «Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто»;
- «Что посеешь, то и пожнёшь»;
- «Кто пахать не ленится, у того хлеб родится»;
- «Кто не работает, тот не ест»;
- «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»;
- «Без хорошего труда нет плода»;
- «Работай да поту, так поешь в охоту»;
- «Зажиточно жить — надо труд любить»;
- «Без труда мёду не едят»;
- «Человек рождён для труда»;
- «Праздность — мать пороков»;
- «Труд человека кормит, а лень портит»;
- «Труду время, потехе час»;
- «Без дела жизни — только небо коптить»;
- «Работай боле — тебя и помнить будут доле»;
- «О добре трудиться, есть чем похвалиться»;
- «Добывай всяк своим горбом»;
- «Нет мошны, так есть спина»;
- «Рукам работа, душе праздник»;
- «Работай смелее, будешь жить веселее»;
- «Сегодняшней работы на завтра не покидай»;
- «За всё братья — ничего не сделать»;
- «На дело не набивайся и от дела не отбивайся»;
- «Ленивый и могилы не стоит»;
- «Лень добра не сеет»;
- «Лень к добру не приставит»;
- «Пахарю земля — мать, а лодырю — мачеха»;
- «Ленность наводит на бедность»;
- «У него лень за пазухой гнездо свила»;
- «От лени мохом оброс»;
- «От лени губы блином обвисли»;
- «У него руки вися отболтались»;

«Ест руками, а работает брюхом»;
«У него работа в руках плесневеет».

Традиция

Этимологически термин «традиция» восходит к латинскому tradere — «передавать». Значение охранительства, от которого производна идеология консерватизма, с которым часто ошибочно связывают ценность традиций, этот глагол не содержит. И даже с точностью до наоборот. Смысл традиции в системе межпоколенческих отношений состоит именно в «передаче» опыта, обеспечивающей переход от прошлого к настоящему и далее к будущему.

Традиция не является антитезой инновациям. Инновации противоположны именно консервации, а не традиции. Существуют, как известно, различные модели развития. Одна реализуется через разрыв с традицией, другая, напротив, через опору на неё. Пример развития с опорой на национальные традиции представляют, в частности, Япония и Южная Корея. «Сила традиций и сила творчества в их сочетании — животворящий источник всякой культуры», — заявлял в своё время П. Н. Савицкий. Речь идёт именно о синергичном сочетании традиций и инноваций, в противоположность их искусственному противопоставлению друг другу.

Без традиции не может существовать никакая общественная система. Само формирование человеческого общества стало возможным благодаря появлению традиций. Именно посредством традиций человек транслировал из поколения в поколение знания и накапливаемый социальный опыт. Вне действия принципа преемственности никакой социум исторически не состоялся бы. Трансляционная функция для раскрытия понятия «традиция» — ключевая.

Традиции с большой буквы адресовались как откровение всему человечеству, выражая его всеединство в традиционных ценностях. Часто для отделения традиций этого уровня от традиций региональных и локальных используется понятие «Примордиальные традиции». Именно в ракурсе адресации к фундаментальным

основам бытия человечества используется Традиция в написании с заглавной буквы.

Духовность (нематериальность)

Человеческая природа включает и биологическую, и духовную составляющие. Не может быть человека без плоти (в мифологии — это ангел), как и не может быть человека, абсолютно лишённого духовных качеств (в природе — это животные). Соответственно, и материальные, жизненно необходимые потребности человека должны быть удовлетворены, и его духовные устремления реализовываться максимально возможно. Однако проблема состоит в том, какая из этих двух составляющих должна находиться в приоритете развития человека. При приоритете биологического происходит деградация человека. Именно такие деградиционные тенденции обнаруживаются в современном мире, будучи выражаемы массовой потребительской культурой и пропагандой извращений. Приоритет духовного выражает мегаисторический тренд нравственной эволюции человечества и перспективу того, что в религиозной традиции определяется как обожение. Все великие прорывы в истории человечества и истории России соотносились с духовными подъёмами.

Человек в земной жизни не может обойтись без биологического, материального уровня бытия. Но при определении жизненных стратегий человека и общества материальное не должно доминировать. В том, что духовное приоритетно перед материальным, сходились все цивилизационные традиции.

Материальные императивы не могут привести к развитию. Развитие всегда есть движение к идеальному, которое сопряжено с духовным. Материя не может держать форму, так как материальный субстрат сам по себе не задаёт формообразования. Форма задаётся на уровне идей. Поэтому приоритет духовного над материальным являлся основой государственного существования, а отступление от этого принципа приводило к распаду.

Материальная парадигма не может служить основанием ценностного строительства. В учениях древних материя — это тём-

ное начало, выражение объективизации, первобытного хаоса, пороков плотского удовольствия, биологической смертности. Мировая душа — «пракрити», учили индусы, попадает в силу незнания — «авидьи», в плен материальной субстанции — «пуруши». Ценностный императив виделся, сообразно с этой космогонией, в духовном освобождении от оков материи (аксиологической материализации). Материализм мог служить основанием объяснительной теории общественных процессов, но не принципом формирования существующей в долгосрочной перспективе историко-культурной общности. В этом заключалось внутреннее противоречие советской идеологии, содержащей апелляции к материалистическому миропониманию с этической системой квази-религиозного типа.

В противоречии с традицией современная система мироустройства построена на подавлении духовных потенциалов человека. Функционирование этой системы определяется постоянным ростом потребительских запросов, чему духовные максимы создают объективные препятствия. И эти препятствия, соответственно, системным образом демонтируются. За основу обществоведческих теорий берётся тип человека экономического, для которого стремление к прибыли и увеличению потребления является нечто самим собой разумеющимся.

Духовное развитие должно идти впереди развития материального. В противном случае новые образцы техники и технологий попадают в руки нравственно не готового, что не может не привести к катастрофе. Именно такой разрыв между ушедшими вперёд техникой и технологиями с уровнем духовного состояния человечества фиксируется в настоящее время.

Закон

Когда-то закон был аккумулирован в традиции. Он передавался из уст в уста, будучи закреплён в системе мифологии и религиозных норм соответствующего сообщества. Существуют предания о законах, написанных в стихах. На племенном уровне, когда все знали всех и все были в курсе всего, это ещё могло работать.

Но с создания государств возникает острая потребность в письменном праве. Древнейшим из письменных правовых памятников в мировой истории принято считать Законы вавилонского царя Хаммурапи, датируемые XVIII веком до новой эры.

Понятие «закон» имело двухуровневое выражение. Верхний уровень — это Закон Божий, нижний — закон человеческий. Закон Божий должен был проецироваться на закон человеческий. Они представляли собой единую целостную систему.

То, что во всех европейских языках Закон Божий и закон человеческий выражался одним понятием — «Закон», «Lex», «Law», «Gesetz», «Loi», «Legge» — указывало на рассмотрение того и другого в рамках единой системы. Этимология слова «закон» в русском языке выводит его на древнеславянское — «кон», обозначающее начало, предел, традицию. Приставка «за» — «за коном» — придавала слову «закон» значение изначального, того, что было за пределом, исходно. Этимологически славянское слово «закон» являлось выражением примордиальности, Божественного установления, от которого пошли и традиция, и право.

Первая попытка ревизии двухуровневого понимания сущности закона была предпринята в рамках позднесредневековой теории «двух истин». Истины религиозные выводились за скобки рассмотрения эмпирического мира. Та же самая операция проделывалась в отношении права. Закон Божий отделялся от закона человеческого, который стал рассматриваться в качестве самостоятельной реальности.

Тенденция разделения религиозной и общественной сфер, а, соответственно, двух типов закона прослеживается и в Реформации. Секуляризация ещё более усилила эту тенденцию, приведя к тому, что Закон Божий перестал быть собственно законом, став не более чем дисциплиной в рамках начального теологического образования.

Со временем в философии Нового времени Закон Божий оказался заменён законами природы. Правовые законы должны были соотноситься с законами мироздания. Гегель написал «Философию права» уже после того, когда им были написаны «Философия природы» и «Философия духа». Характерная для философии Нового времени логика имела три ступени конкретизации закона: законы природы, законы истории, законы права.

Вслед за искоренением Закона Божьего происходит искоренение из системы мироздания и законов природы. С критикой использования законов природы в борьбе с метафизикой выступает позитивизм, указывая непозволительность для науки оперирования такого рода абстракциями. Законы права оказались в итоге одноуровневой конструкцией. Они более не являлись проекцией общих мировоззренческих представлений и высших ценностей, а становились самостоятельной ценностной сущностью. Формировался особый тип юридического мировоззрения. С позиций юридического мировоззрения велась, например, западническая критика вначале дореволюционного российского, а потом и советского жизнеустройства.

Но без высшего закона и закон правовой неизбежно оказывался в состоянии эрозии. Само по себе правовое установление без смысла, без ценностной (ценностной составляющей), без целей было обречено на то, чтобы подвергнуться делегитимизации. И вот доминанцию юридического мировоззрения на Западе сменяет доминанта постмодерна, в рамках которой право уже не представляло собой очевидной ценности. Закон перестаёт восприниматься критерием определения правоты. Поднимаются темы включения в систему права в качестве субъектов животных и роботов.

Историческая эволюция правового закона может быть частично реконструирована по институциям права стран ислама. Там существуют, различаясь в соотношениях по странам, три системы права: шариатское — на основе Корана и сунн пророка Мухаммеда; адатское — на основе племенных традиций; светское — на основе нерелигиозных юридических установлений.

Шариат пришёл на смену адата, но полностью адат не искоренил. Светское законодательство развивается главным образом в новейшей истории, но полностью к вытеснению шариата оно не привело, и более того в отдельных странах наблюдался правовой реверс — восстановление значения шариатского права. Но общая историческая схема правовой эволюции прослеживается — племенная традиция, религиозное учение, светское учение (идеология), автономное от мировоззренческих систем законодательство, распад правосознания. Секуляризация права, выхолащивание в нём ценностных компонент привело исторически к тому,

что закон перестал со временем быть тем фундаментом, на основе которого можно было бы выстраивать общественное здание. Оказалось, что нужно нечто большее, помимо закона.

Общим местом дискурса о «русской идее» является указание на характерный для национального сознания России правовой нигилизм. Отсюда следует утверждение об имманентном русском анархизме. Русскими будто бы посредством законов нельзя управлять. Им подавай вождя — харизматика, вооружённого идеей — откровением. О дифференциации рационального (основанного на законах) — западного, традиционного (основанного на традициях) — восточного и харизматического (основанного на волеизъявлениях государственного лидера) — российского типов правосознания рассуждал в своё время Макс Вебер. Констатация вроде бы правильная, но практически вредная. Из неё следует вывод о бесполезности попыток нормативно-правового регулирования в России, а, соответственно, и оптимизации российского законодательства.

Было бы, вместе с тем, искажением действительности утверждать, что в русском народе сложилось безусловное почитание закона. У разных народов исторически, под влиянием разных факторов, сложилась различная степень принятия или отторжения правовых норм. Для ментальности немца, как известно, характерен инстинктивизм, соотносящийся с принятием закона как общего правила общежития. Русские, наоборот, относились к законам с известной долей скепсиса. В общественной рефлексии имела широкое распространение тема несправедности закона. «России, — заявлял славянофил Ю. Ф. Самарин, — нужны не реформы, а люди».

Ещё в XIX веке поэт-юморист Б. Н. Алмазов вложил в уста известного славянофила К. С. Аксакова такое стихотворение:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадием сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...

О скептическом отношении к закону и праву свидетельствуют, в частности, русские пословицы. Конечно, среди пословиц можно отыскать разные примеры, но всё-таки негативное отношение к закону и праву в целом в них доминировало:

«Где закон, там и обида»;

«Закон — что дышло: как повернул, так и вышло»;

«Закон — что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет»;

«Законов свод, а мы в обход»;

«Законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы»;

«На то и закон, чтоб его обойти»;

«Не бойся вечных мук, а бойся судебных рук»;

«Нужда крепче закона»;

«Перед Богом ставь свечку, перед судьёю — мешок»;

«Суд да дело — собака съела»;

«Судья, что плотник: что захотел, то и вырубил»;

«Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили»;

«Что мне законы, когда судьи знакомы»;

«В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки — куда уйти!».

Нельзя, впрочем, сказать, что скепсис в отношении закона — исключительная черта русской ментальности. Вот, например, для сравнения еврейские пословицы: «Исполнители закона страшнее самого закона» или «Нечестивый судья все законы в кармане держит». А вот английская пословица: «Один закон для богатых, а другой — для бедных». Теперь румынская: «Человек, обращающийся к закону, часто теряет быка, чтобы получить кота». А это уже пословица тамильская: «Закон у знатных в руках». Не ставится задачи оценить, какой из народов более нигилистичен в правовом отношении, а какой — более законопослушен. Приводимые пословицы выявляют фундаментальную проблему несовершенства законодательства, используемого в отрыве от базовых ценностей общества.

Ни один закон не может в принципе предусмотреть обстоятельства каждой индивидуальной ситуации. Он даёт только шаблон, но не может предвидеть конкретики. И в этой ситуации на первый план выходят толкование закона и толкователи. Их в народной традиции часто именуют законниками подобно тому, как законни-

ками в Новом Завете именуется иудейские истолкователи Закона, которых обличал Христос. При толковании же толкователь может руководствоваться и часто руководствовался своекорыстными интересами. В судах выигрывают богатые, знатные и влиятельные и проигрывают бедные. Вот против этой неправды судов и была направлена народная рефлексия.

Юристы отвечают на это, что, помимо «буквы закона», есть ещё «дух закона». Но что такое дух закона, и откуда он берётся? Очевидно, это высшие ценности, которые и имплементируются в право. Говоря другими словами — это идеология. Следовательно, можно говорить, что без идеологии закон не функционален. Соответственно, в этой логике должны появиться инстанции, следящие за соответствием законов и их реализации высшим ценностям государства.

Закон есть важнейшая основа для организации социальной жизни. Но для жизни духовной Закона недостаточно. Об этой недостаточности рассуждал ещё митрополит Иларион Киевский в «Слове о Законе и Благодати». Закон был дан Богом через Моисея евреям, благодать — через Иисуса Христа всему человечеству. На Законе строилась традиция Ветхого Завета, но, начиная с Христа пришествия, в отношениях между людьми должно действовать уже не право, но любовь. Превосходство Благодати над Законом, а христиан над иудеями составило главную мысль «Слова...» Илариона: «Ибо отошёл свет луны, когда солнце воссияло, — так и Закон (отошёл), когда явилась Благодать; и стужа ночная сгинула, когда солнечное тепло землю согрело. И уже не теснится в Законе человечество, но в Благодати свободно ходит. Ведь иудеи при свече Закона делали своё оправдание, христиане же при благодатном солнце своё спасение созидают. Так, иудеи тенью и Законом оправдывались, но не спасались, христиане же Истиною и Благодатью не оправдываются, а спасаются. Ибо у иудеев — оправдание, у христиан же — спасение. И поскольку оправдание — в этом мире, а спасение — в Будущем Веке, иудеи земному радуются, христиане же — сущему на Небесах».

Лучшими же словами о недостаточности Закона являлись слова Нагорной проповеди Христа. Притом Христос исходно указывает, что не отменяет Закона, но развивает его. Закон запре-

щал убийство, Христос же говорил о греховности вражды и гнева, к нему приводящих. Закон запрещал прелюбодеяние, Христос же осуждал сами прелюбодейские мысли. Закон запрещал нарушение клятвы, Христос же говорил — не клянитесь вовсе. Закон требовал равного возмездия за совершённое зло, Христос же наставлял отвечать на зло добром, на ненависть — любовью. Закон предписывал любить ближнего и ненавидеть врагов, Христос же провозглашает — «любите врагов ваших».

Природа

Человек составляет единую с природой экосистему. Попытка доминировать человека над природой оборачивается экологическим кризисом и угрозами для самого человеческого существования.

Традиционное общество было адаптивно к окружающей природной среде. Природа давала человеку основы существования, и он относился к ней как к родственному субъекту. Сакрализация природной среды имела место у всех народов и во всех странах в период домодерна. Но с вступления в модерн ситуация принципиально изменилась. Слова героя И. С. Тургенева — «природа не храм, но мастерская» — отразили суть произошедшего изменения.

Возможное объяснение истоков социального инжиниринга лежит в противопоставлении исторических принципов «гонии» и «ургии». Традиция «гонии» — рождения подразумевала сакрализацию природы и родовой (в широком понимании — национальной) преемственности. Ургийность секулярного общества соотносилась с архетипом человека-преобразователя. США явились наиболее адекватным историческим воплощением принципа ургийности. Гонические категории — «род», «природа», «народ», «родина» — в ургийной культуре окончательно перечёркивались.

Хищническое отношение к природе предопределено в значительной мере современной системой общественного устройства, основанной на неограниченной рыночной конкуренции и ориентире прибыли. Однако подсказываемые перед угрозами усиливающего

ся экологического кризиса рецепты — назад в природу или нулевой рост — невозможны в реализации и политически вредны. Невозможны они потому, что ограничить запретительными мерами техническое и технологическое развитие не получится. Политический вред связан с использованием экологических требований и ограничителей роста в качестве фактора сдерживания незападных государств и закреплением как статус-кво доминирования Запада.

Соединить развитие и сохранение природного баланса принципиально возможно. Такие возможности открываются за счёт науки. Однако внедрение соответствующих технологий возможно только при доминирующем присутствии государства в экономике и плановом хозяйстве. «Дикий капитализм» не совместим не только с человеком, но и с природой в целом.

По экспертным оценкам, Россия обладает где-то 22% мировых природных ресурсов. Однако при существующей системе мирового и российского устройства все эти ресурсы не работают на Россию. Соответственно, система должна быть изменена таким образом, чтобы российская природа являлась основанием российского цивилизационного прорыва.

Соборность, общинность

Все мыслители, писавшие о русской идее или о цивилизационной системе России, противопоставляли связываемые с ними ценностные ориентиры западному индивидуализму. Различалось в этом плане само понимание человека. На Западе это был человек-индивидуум, буквально в переводе с латинского на греческий — атом. В России человек понимался как существо общинное, собрат во Христе, становящееся собственно человеком только в соединении с другими людьми. Отсюда, вместо западного педагогического императива индивидуализации следовал императив социализации. Современные сравнительные социологические замеры подтверждают соответствующую особенность российской цивилизации. Во всех них, при использовании разных методик, Россия оказывается в группе стран с сильно выраженными коллективистскими ориентирами. И это несмотря на системное насажде-

ние индивидуалистических ценностей постсоветской пропаганды и формируемой по голливудскому образцу культурной продукции.

Истоки российского антииндивидуализма можно обнаружить в русской общине. В суровых климатических условиях России выжить человек мог только в коллективе. Русский мир являлся трудовой общиной, что отличало его от общин родовых. Не исключено, что в этой особенности была заложена блокировка националистических моделей, как производных от родо-племенного, выстраиваемого по принципу крови, восприятия. Общинность, кроме того, сопрягалась с консолидирующими установками православной церкви.

Неудачной оказалась столыпинская попытка демонтажа общинного землевладения в России. Несмотря на соответствующую правительственную поддержку, весьма незначительная часть крестьян приняла решение о выходе из общины. Большинство из них потом снова вернулось в структуры крестьянского «мира». Создаваемая впоследствии колхозная система во многом репродуцировала традиционную для России форму социального устройства села. Такого же рода псевдоморфизмом являлось устройство государства как выстраиваемой снизу вверх системы советов.

«Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, — писал консервативный экономист С. Ф. Шарапов, — и стало Великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех Славянских племён не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства... Община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий...». Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомоществования всем миром отдельным крестьянским хозяйством. Другим её назначением являлось решение социальных задач, что соотносилось с критериями социализированного типа экономики (рассмотрение экономических успехов с точки зрения социальной справедливости). Даже западник А. И. Герцен отмечал опровержение русской общинной системой хозяйствования теории мальтузианства.

Модель общины была положена в организацию «русской артели», представлявшей собой исключительно национальную фор-

му хозяйственной самоорганизации и самоуправления. Неслучайно А. И. Герцен называл артели передвижными общинами. Артельщиков связывала круговая порука, солидарное ручательство всех за каждого. Возведённое в принцип существования равноправие членов артели позволяет противопоставлять её капиталистическим предприятиям (в литературе используется характеристика их как антикапиталистических организаций). Уместно также говорить об особом феномене русской трудовой демократии. В Российской империи были известны случаи, когда вся деревенская община составляла собой артельное объединение.

О высокой трудовой эффективности артельного труда может свидетельствовать опыт форсированного строительства в течение 10 лет Великой Сибирской магистрали, проложенной главным образом руками артельщиков. Лишь 8 тыс. человек было задействовано в прокладке 7,5 тыс. км железнодорожного полотна. Очевидно, что опыт общинно-артельной трудовой демократии в России может быть, в соответствии с национальными традициями экономической жизни, использован и в современной управленческой практике.

При обозначении соответствующих социальных установлений России используются в общественной мысли следующие понятия: коллективизм, коммунитаризм, солидаризм. Все они недостаточно точно отражают суть русской ценностной модели. Коллективизм подразумевает организационную форму — коллектив. Но можно быть в коллективе и ненавидеть при этом друг друга. Коллективизм как организационная установка объединения людей оказывается в традиционной системе ценностей производна от их единства в духовном идеале. И в России соответствующее адекватное понятие было найдено — соборность. Собор предполагает единство соборного деяния при том, что все участники собора оказываются, прежде всего, едины духовно.

Важно при этом подчеркнуть, что соборно-общинные ценностные ориентиры не являются исключительно российским случаем. Так или иначе, они находят выражение в каждой из цивилизаций. Никакое общество не может быть в принципе построено на индивидуализме. Общины в разных модификациях существовали в каждой цивилизационной общности. На Востоке их функциональное значение в хозяйственной жизни (к примеру, в поддержании ир-

ригационного земледелия) было выше, и они просуществовали дольше. Идеалы братства людей, а не индивидуализма, проповедовались во всех без исключения традиционных религиях. То, что именно в России эти установки оказались выражены в большей степени, чем где бы то ни было, только указывают на её особую роль в артикуляции актуальных для всего человечества традиционных ценностей.

Ориентир мир-общинного восприятия отражён в многочисленных русских народных филологемах:

«Никакой мирянин от мира не прочь, от мира прочь не мирянин»;

«Миром всё снесём»;

«Мирская слава сильна»;

«Мир, община столбом стоит»;

«Мира не перетянешь, мир за себя постоит»;

«На мир и суда нет»;

«На мир ничего не сменяют»;

«В миру виноватого нет»;

«Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось»;

«Мир собирался», «мир порешил», «мир руки давал»;

«Мир крещённый», «мир христианский»;

«Верёвка крепка с повивкой, а человек с помощью»;

«Друг о друге, а Бог обо всех»;

«Деритесь, да не расходитесь»;

«Все за одного и один за всех»;

«Вперёд не забегай, от своих не отставай»;

«Отстал — сиротою стал»;

«Люди Иван — и я Иван, люди в воду — и я в воду»;

«На миру и смерть красна»;

«Где у мира руки, там моя голова»;

«К миру приложился, головой заложился»;

«Мир — велик человек»;

«Мир — великое дело»;

«Где мир порядил, то Бог рассудил»;

«Что миром положено, так тому и быть»;

«Мир один Бог судит»;

«Мир с ума сойдёт — на цепь не посадишь»;

«Коли всем миром вздохнут, и до царя слухи дойдут»;
 «Как мир вздохнёт, и временщик издохнет»;
 «Мирская идея толста»;
 «Мирская шея туга: тянется да не рвётся»;
 «Мирская шея жилиста»;
 «Мир по слюнке плюнет — так и море»;
 «Мир сразу не похоронишь»;
 «Мир — золота гора»;
 «С миром и беда не убыток»;
 «На миру и смерть красна»;
 «С миром не поспоришь»;
 «Мир заревёт, так леса стонут»;
 «Мир запоёт, так камень треснет»;
 «Вали на мир — всё снесёт»;
 «Собором и чёрта поборем»;
 «Одному страшно, а миру не страшно»;
 «То не страх, что вместях, а сунься-ка один»;
 «Кто за сколько душ тянет, столько землицы берёт»;
 «По тяге и поле»;
 «В восемнадцать лет жениться, чтобы на тягло садиться»;
 «И мир не без начальника»;
 «Мир всех старше, а и миру урядчик есть»;
 «Сноп без перевязи — солома»;
 «Коли сидеть на ряду, так не играть в дуду»;
 «От мира челобитчик, а сам никому не обидчик»;
 «На Руси никто с голоду не помирал»;
 «Кто больше мира будет?»».

Сосуществование народов

Традиционное общество за тысячелетия выработало механизмы сосуществования между народами. Ни одна цивилизация не была этнически гомогенной, а потому проблема создания таких механизмов была актуальной для каждой из них. Люди понимали, к чему могут привести этнические конфликты. Кровная месть делала их бесконечными во времени. Потому сосуществование раз-

ных народов на одной территории являлось самостоятельной ценностью.

«В сей самый день вошёл в ковчег Ной, и Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сынов его с ними. Они, и все звери по роду их, и всякий скот по роду его, и все гады, пресмыкающиеся по земле, по роду их, и все летающие по роду их, все птицы, все крылатые. И вошли к Ною в ковчег по паре от всякой плоти, в которой есть дух жизни; и вошедшие мужеский и женский пол всякой плоти вошли, как повелел ему Бог. И затворил Господь за ним ковчег». Уникальность Ноева ковчега состояла в том, что в нём нашлось место каждому, в которой есть дух жизни. На ковчеге не только Яфет, от которого пойдут яфетиды, но также и Сим, и Хам. От детей Ноя пойдут в послепотопное время все человеческие цивилизации. Ковчег исходно содержал в себе потенциал множественности жизни, и эта идея являлась ключевой.

Россия в этом плане и есть цивилизация — ковчег. Её жизнеустройство исходно выстраивалось как соединение всех в братской любви друг к другу: представителей разных народов, разных языковых семей, разных рас, даже разных религий. Причём это не было «плавильным котлом», в котором этносы переплавлялись бы во что-то подобное друг другу, а именно ковчег, где находился отсек для каждого, и идентичность каждого признавалась безусловной ценностью.

Также по принципу ковчега строилась и Византия. Но византийский ковчег был потоплен. Его потопление произошло потому, что были открыты перегородки, и мир скверны стал заполнять пространство ковчега. Падение Второго Рима и было потоплением византийского ковчега. Россия могла учесть допущенные ошибки как в проектировании ковчега, так и в лоции.

Западу, в отличие от России, цивилизации ковчега построить не удалось. Там либо шли истребления и ассимиляции всех инаковых, либо происходило отречение от любых цивилизационных идентификаторов в пользу человека-индивидуума. Внешняя экспансия Запада сопровождалась колониальными зверствами, имевшими при том теоретическое расистское обоснование. Заключение межрасовых браков для англосаксов было принципиально неприемлемым, означало фактически осквернение рода. В фа-

шистской Германии расовое смешение и вовсе было объявлено главным социальным злом.

Исторически путь складывания современных наций Запада проходил через ассимиляцию, потерю этнической идентичности, а то и прямой этноцид. По образному выражению филолога и историка В. В. Кожина, если царскую Россию её неприятели именовали «тюрьмой народов», то было бы ещё более оправданным определение Европы в качестве «кладбища народов». В любом из европейских государств моноэтничность была закреплена уже самим его наименованием, производным от того или иного этноса.

Принципиально иначе выстраивались межэтнические и межрасовые отношения в России. Российская колонизация евразийских пространств не знала прецедентов расизма и тем более репрессий на расовой почве. Входящие в империю народы включались в единую семью народов, а местная знать инкорпорировалась без всяких ограничений в российскую элиту. Межэтнические и межрасовые браки являлись нормой, а дети от этих браков своими талантами и социальными успехами прямо опровергали фашистские инсинуации о вреде расового смешения и о вырождении подвергшихся такому смешению русских.

Симфоническое сосуществование народов в России — эта система жизнеустройства может и должна быть предложена миру как особый российский опыт. В ситуации, когда, с одной стороны, провоцируются цивилизационные войны, с другой, происходит глобализационное стирание традиций и исторической памяти, только модель российского ковчега оказывается выходом так же, как единственным выходом оказалось в своё время строительство ковчега Ноем.

Семья

Через институт семьи осуществляется воспроизводство социума в двух его функциональных преломлениях. Первое — это демографическое, второе — ценностное воспроизводство. Вторая составляющая связана с социализирующей функцией семьи. Итогом реализации этих функций является существование идентичной общности.

Идентичность человека имеет многоступенчатую структуру. Мельчайшей опорной единицей структуры идентичностей выступает семья. При разрушении семейных интеграционных связей человек окончательно десоциализируется. Его идентичность низводится до уровня атомизированного «я».

Семья в период модерна определялась характеристикой «ячейка общества». И это определение было закреплено в ряде государств на законодательном уровне. В традиционном обществе о семье говорили как о «малой Церкви». Обе метафоры исходили из представления о семье как элементарной сборке — социальной и религиозной. Разрушение семьи будет означать, соответственно, упразднение этой первоосновы. Упразднить семью означало бы также отбросить человечество к стадии промискуитета, провести операцию раскультирования. На атомизированных индивидах между тем построить социум не удастся ввиду отсутствия исходной элементарной системы связей между ними, которые формируются на уровне семьи.

Структура семейных отношений в традиционном обществе моделировала на микроуровне систему государственности. Сообразно с этим модельным тождеством, выстраивалась концепция государства — «большой семьи». Признавая действенность связей микро- (семья) и макроуровней (государство) организации социума, следует констатировать факторную роль крепости семейных отношений в жизнеспособности соответствующего сообщества. С патриархальным типом традиционной семьи соотносилась система народной монархической государственности. Апелляция «царь-батюшка», равно, как и «отец отечества», «отец народов», отражала преломление идеи семейной патриархальности в масштабах государства. Кризисному же состоянию современной российской семьи, находящейся в перманентной пограничной ситуации распада, соответствуют дезинтеграционные тенденции и в государственности. Если нет оснований для поддержания крепости семейных уз, то нет оснований и для укрепления государства.

Как семья является первоосновой общества, так и семейные ценности — первоосновой традиционных ценностей. На уровне семьи начинается воспитание человека, а, соответственно, и его

социализация. Школа и другие социальные институты принимают в этом отношении эстафету от семьи.

Семья, сообразно с биологическим естеством человека, основывается на браке мужчины и женщины. Иных семей быть не может. Легализованные на Западе «однополые семьи» с позиции традиционных ценностей семьями не являются, а есть сексуальное извращение и вертепы разврата. Современные тенденции представляют собой в этом отношении ярчайший признак цивилизационного кризиса. Так исторически гибли многие цивилизации. За прельщение извращениями был уничтожен Содом, а содомитство определено как тягчайший грех. То, что сегодня пропагандируется движением ЛГБТ в качестве проявления свободы самовыражения, в каждой из традиционных религий без исключения маркировалось в качестве греха и богомерзости.

Могут, конечно, возразить, что и в природе бывают девиации. Есть люди, рождающиеся с отклонениями. Это так, но отклонения не должны выдаваться за норму. Девиация не должна становиться ориентиром массовой пропаганды. Сексуальные отклонения в большинстве случаев имеют не природное происхождение, а связаны с болезнью сознания. Больных в этих случаях надо лечить, так же как лечатся другие болезни. И если эта болезнь оказывается заразна, а больной стремится заразить ей здоровых, то в отношении такого больного должны быть приняты экстренные меры.

В природе существует только два пола — мужской и женский. Концепция гендера, утверждающая возможность множественности сексуальных идентичностей, является провокационной и должна быть выведена из системы российского обществоведения. Часто по неведению между гендером и полом ставится знак равенства. Но такого равенства нет: пол — это явление биологическое, гендер — выбор своей сексуальной идентичности. Утверждение, что сексуальную идентичность можно выбирать, и есть до 70 вариантов выбора, фактически и подводит к идеологии ЛГБТ.

«Уничтожьте гомосексуалистов — фашизм исчезнет», — написал Максим Горький в статье 1934 года «Пролетарский гуманизм». Эта фраза имела под собой реальные основания. Гомосексуализм в богемных кругах стал позиционироваться как признак избранности, превосходства над массами, пропуск в круг элиты.

Идея антропологического превосходства находилась и в основании идеологии фашизма. Гомофашизм стал в реалиях истории одним из значимых компонентов фашизации элит. Создатель нацистских штурмовых отрядов (СА) Эрнст Рем с его нетрадиционной сексуальной ориентацией не был исключением в кругах лидеров НСДАП. И сегодня фраза Горького может быть вполне применена к украинскому политическому режиму: уберите из власти гомосексуалистов и нацизм, если не исчезнет, то одно из его важнейших оснований будет подорвано.

Можно пойти дальше и посмотреть на проблему с другой стороны. В этом случае высказывание Горького может быть перефразировано следующим образом: уничтожьте либерализм — гомосексуализм исчезнет. И это не эпатаж! Либерализм выдвинул в качестве главного ценностного ориентира идею свободы и самовыражения индивидуума. Путь самовыражения любым способом привёл в итоге к самовыражениям через извращения. В большинстве случаев гомосексуализм оказывался не результатом природного отклонения, а разрывности человека и общества, выбора в пользу греха.

Логическим следствием позиции, что есть два пола — мужской и женский, является признание двух различных моделей воспитания — мужской и женской. Мальчики и девочки должны воспитываться по-разному. Так, собственно, и было вплоть до XX века. У мужчин и женщин есть разные социокультурные роли. Смешение же этих ролей разрушает семьи, уродует психику. Это не означает установления системы «патриархального рабства», но создание такой системы, при которой и мужчины, и женщины могли бы проявлять максимально мужские и женские сущности.

Если семья есть первоэлемент социума, то и распад семьи следует считать социальным злом. Увы, Россия сегодня имеет один из самых высоких показателей в мире по разводам. Семьи с лёгкостью создаются и также с лёгкостью разрушаются. Страдают дети. Конечно, разводы в отдельных случаях оказываются единственным возможным выходом при ситуации семейного кризиса, но они должны рассматриваться как нечто антиобщественное и допускаться в исключительных случаях.

Типовой моделью семьи является сегодня семья нуклеарная — двухпоколенная (родители и дети). Традиции же всегда транс-

лировались через поколение — от дедов к внукам. Восстановить трёхпоколенную семью сегодня в качестве типовой системы было бы, конечно, весьма затруднительно. Но такая модель должна поддерживаться целевым образом. Старики, носители уникального жизненного опыта и хранители традиции, передают свои знания внукам — восстановление, пусть даже частичное, такой системы могло бы стать важнейшим фактором цивилизационного возрождения России.

Традиционное общество характеризовалось высокой детностью. Ещё в начале XX столетия по показателям рождаемости Россия являлась одним из мировых лидеров. Большие семьи (7–8 детей) являлись нормой. Имели место, впрочем, и высокие показатели младенческой смертности. Но успехи медицины позволяли в перспективе их минимизировать. Сегодня Россия находится в состоянии депопуляции. Материальное положение семей, безусловно, является в определённой мере сдерживающим фактором рождаемости. Но это не главное. При более тяжёлом материальном положении в прошлом рождаемость была сверхвысокой. Значит основная причина в другом — девальвации ценности детности. Современный человек — эгоист хочет жить ради себя, а не ради детей. Поддержка ценности семьи должна, соответственно, включать и ценностную установку высокой детности, чадолюбия, продолжения рода.

Традиционный тип организации русской семьи ценностно выражался в приводимых ниже филологемах:

«Первая жена — от Бога, вторая — от человека, третья — от чёрта»;

«Не ищи красоты, а ищи доброты»;

«Живут рука в руку, душа в душу»;

«Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье»;

«Добрая жена, да жирные щи — другого добра не ищи»;

«Добрую жену взять — ни скуки, ни горя не знать»;

«С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне»;

«Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад»;

«Не бери жену богатую, бери непочатую»;

«Не с богатством жить, с человеком»;

«Доброю женой и муж честен»;

- «Злая жена — засада спасению»;
- «Злая жена — мирской мятеж»;
- «Злая жена — поборница греху»;
- «Злая жена — та же змея»;
- «Злая жена — злее зла»;
- «Всех злыдней злее жена злая»;
- «Лучше камень долбить, нежели злую жену учить»;
- «От злой жены одна смерть спасает да пострижение»;
- «Дед жил свиньёй, а внук — поросёнком»;
- «Из одного дерева икона и лопата»;
- «Каков корень, таково и семя»;
- «В матку и детки»;
- «Каково деревце, таковы и яблочки»;
- «От худой курицы худые яйца»;
- «У свиньи и поросята рыласты»;
- «Яблочко от яблоньки недалеко откатывается»;
- «Воля и добрую жену портит»;
- «Жена мужу пластырь, муж жене пастырь»;
- «Муж в дому, что глава на церкви»;
- «Дети — благодать Божья»;
- «Как Бог до людей, так отец до детей»;
- «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын»;
- «Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает»;
- «Не проживут дней своих, иже прогневят отца и мать».

История

Сознание традиционного общества было одновременно исторично и эсхатологично. Эсхатология задавала видение будущего в его финальной стадии. История как развёртка прошлого была сопряжена с генезисом традиции. История существовала в трёх видах: как сакральное прошлое («священная» история), как исторический нарратив и как историософия. Священная история представляла собой закрепление в национальном сознании через образы прошлого базовых ценностей соответствующего социума. Это были образы героев и великих свершений. Они входили в матрицу

коллективной памяти, формировали систему национальных культурных кодов. Национальный исторический нарратив (повествование, рассказ) создавал непрерывную преемственную межпоколенную линию связи. Эта линия велась от первоисточков социума до современных поколений. Прервать историческую связь времён означало для социума погибнуть. Функции выстраивания линии исторического нарратива осуществляли летописцы. Историософия представляла собой осмысление истории через раскрываемые в ней смыслы. Она позволяла ответить на вопросы о том, куда идёт мир, в чём предназначение России, что означают современные события в развёртке мирового исторического процесса.

Народ, лишённый коллективной памяти, становился рабом. У него оказывалась разрушена система национальных культурных кодов, и ему навязывались стереотипы извне. Как это происходит, прекрасно показал в своё время Чингиз Айтматов в образе манкурта — человека, лишённого памяти о прошлом.

Мир сегодня охвачен многочисленными войнами памяти. Особо массированным является наступление мировых медиа на историю России. Сущностно ничего нового в этом нет: войны памяти велись всегда, являясь одним из главных ристалищ столкновения государств и цивилизаций. И с тех пор, как только можно было говорить о факте русской (российской) истории, её пытались дезавуировать, очернить, исказить. Цели, преследуемые в этих войнах противником, были двоякие: 1. подрыв у народа той страны, с которой ведётся борьба, чувства гордости за своё прошлое, формирование комплекса неполноценности, демотивация; 2. создание негативного образа соответствующей страны в восприятии других народов, представления в качестве полюса мирового зла. Защита истории является в свете этой борьбы одной из важнейших задач национальной безопасности. И неслучайно соответствующее положение в 2020 году было внесено в рамках поправок в Конституцию России.

Мировой опыт гибели империй указывает, что эрозия государственности устойчиво начиналась с кампании по дезавуированию национального прошлого. Не является исключением в этом отношении и распад СССР. Негативизация отечественного прошлого в постсоветской историографии, приводя к синдрому самоуничужения, не оставляла для российского сообщества перспектив в будущем.

История имеет непосредственную связь как с внутренней, так и с внешней политикой государства. Функционально её связь с внешней политикой выражается в решении задач: отстаивания территориальных интересов и статуса страны; формирования её положительного образа в мире; обоснования желаемого положения в мироустройстве. Применительно к внутренней политике государства её функции определяются: формированием цивилизационной и гражданской идентичности; мотивациями народа на свершения; решением задач социализации молодёжи, включая пробуждение патриотических и иных значимых гражданских ценностей; обоснованием единства страны; обоснованием суверенности государства. Реализация этих функций через историю может осуществляться двояко: мировоззренчески — через определение смысла государственной общности и образно — через представление примеров для подражания.

Формирование государственной исторической политики России является сегодня вопросом её цивилизационного выживания. Без этой политики невозможно поддерживать духовные скрепы российской государственности. Без этой политики власти, не получив уроков истории, будут в своих управленческих решениях «наступать на одни и те же грабли». Без этой политики, не установив исторические основания своего существования, российское общество обречено на распад отдельных идентичностей. Вот почему именно вопросы истории вызывают в России особо острую полемику. Так остро не спорят ни по одному из предметов других общественных дисциплин. Через выбор исторической матрицы осуществляется, по большому счёту, определение модели жизнеустройства России. Определяясь во взгляде на прошлое, государство устанавливает стратегические ориентиры на будущее.

Язык

«Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор и жив народ», — говорил основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский. Возникновение и развитие народа шло параллельно с генезисом языка. Лишение народа его языка означало сле-

дующим шагом и лишение его идентичной национальной культуры. Язык — это не просто средство общения. Посредством языка человек мыслит. Соответственно, национальный язык оказывается тесно сопряжён с национальным мышлением, менталитетом. Таким образом, в случае его потери не просто обрушивается национальная культура, но и разрушается система национального мышления, что грозит серьёзными дисфункциональными последствиями для каждого конкретного человека. В этом отношении происходящие языковые переносы — прежде всего универсализация англоязычия — не может не вызывать обеспокоенность.

«Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас», — писал И. С. Тургенев. Это предупреждение особенно показательно со стороны Тургенева, относимого, как известно, к западническому направлению общественной мысли. И дело не только в языковой эстетике. Любое слово соотносится так или иначе с культурным контекстом.

В этом отношении точного перевода с одного языка на другой сделать без смысловой редукции вообще невозможно. Поэтому перенос языка оказывается и переносом сопряжённой с ним культуры. Особо опасным оказывается перенос иностранных обществоведческих понятий. При такого рода экстраполяциях вместе с категориями оказывается экстраполируема соответствующая концепция, а через неё и соответствующая идеология. Именно так — через перенос категорий под видом научного обмена знаниями — и происходила с конца 1980-х годов десуверенизация отечественного обществоведения.

Парадоксальным образом России приходилось исторически воевать в войнах, которые фактически велись на уничтожение, с теми, язык кого она прежде заимствовала в качестве языка элиты. Вначале был польский язык и войны с Речью Посполитой, затем французский, ставший языком российского дворянства, и войны с наполеоновской Францией, потом немецкий — и войны с Германией, и, наконец, английский — и близкое к перерастанию в горячую войну противостояние с США. И в этом проявлялась определённая закономерность: вначале противники стремились поразить элиту с помощью языковой ловушки, а затем уже бросались в дело войска в по-

пытках сокрушения государства. Прозвучавшие в этой связи и воспринятые как эпатаж слова П. А. Пожигайло о запрете английского языка в России лет на 10, а лучше на 40, в действительности не лишены смысла, что фактически и подтвердили события 2022 года. Позже Пожигайло, поясняя свою позицию в ответе журналисту ВВС, задал тому встречный вопрос: «А что было бы в Великобритании, если бы у вас в школах шесть часов изучали русский язык?».

Ещё в 2012 году, вводя во властный дискурс понятие «духовные скрепы», В. В. Путин в качестве одной из важнейших скреп для России определял русский язык. Позже он говорил также о русском языке как скрепе цивилизационного пространства СНГ. Находясь через русский язык в рамках единого коммуникационного, культурного и ментального пространства, бывшие советские народы по-прежнему оказываются включены в общую евразийскую систему. Соответственно, и противники России пытаются любыми средствами эту скрепу ослабить. Неслучайно именно языковой вопрос стал фактически одним из главных детонаторов цивилизационного кризиса на Украине.

Честь, достоинство

Каждое сословие в традиционном обществе имело собственную систему представлений о сословной чести. Эти представления связывались с осуществляемыми сословиями функциями: для дворян — военной службой, для священнослужителей — религиозной деятельностью, купцов — торговой, ремесленников — цеховой, крестьян — общинной. Создавались свои особые кодексы чести, нарушение которых считалось преступлением. Не только высшие классы отстаивали свою честь. Быть кузнецом или плотником, входить в соответствующий цех мастеров, принадлежать своему племени или роду — всё это связывалось с честью человека.

Потеря чести означала потерей лица человека и приравнивалась к смерти. Этике, созвучной с представлениями о чести, противопоставлялась как антиценность подлость. «Подлые» исходно значит «не имеющие чести». Считается, что начавшиеся в Новое время буржуазные революции существенно подорвали представления о чести. В результате исчезает или вытесняется в ниши латентно-

го существования аристократия как элита с сакральным отношением к ценности чести. Гибнет рыцарство не только как сословие, но и корпорация этическая.

Тем не менее, и в обществе модерна институт чести воспроизводится как социальная необходимость. В СССР, к примеру, говорили об особой рабочей чести. Честью являлось быть ударником труда, быть профессором, быть учителем. Даже быть студентом, учиться в том или ином вузе. Повести себя недостойно — значит уронить честь соответствующей социальной группы, организации, страны. Спортсмены, выступая на международных соревнованиях, отстаивают честь страны, а потому они не «биороботы», а рыцари спорта. В Советском Союзе был даже создан особый институт товарищеского суда, который рассматривал не нарушения человеком закона, а аморальное поведение.

Отдельную тему составляют понятия «воинская честь» и «честь офицера». Без воинской чести никакая армия не может существовать. Существуют её регламентируемые атрибуты: боевое знамя, погоны, мундир, личное оружие. Честь офицера герои ставили выше собственной жизни, и примеры такого рода даёт любая из войн. «Если профессия военного вообще что-то значит, она должна опираться на непоколебимый кодекс чести. Иначе те, кто следует за барабанами, будут всего лишь кучкой наёмных убийц», — учил немецкий военный теоретик Карл Клаузевиц. Действительно, исторические прецеденты деморализации армий начинались с утраты ими ценности воинской чести.

Существовало в традиции и понятие «женская честь». Уронить женскую честь означало покрыть позором весь род. Вопрос о женской чести являлся одним из центральных в системе этики русской общины и сегодня сохраняет колоссальное значение у народов, сохранивших традицию, например, на Кавказе.

С ценностью чести сопрягается и понятие достоинства. Достоинство значит, что человек достоин того социального статуса, которым он обладает. Потерять достоинство — значит лишиться моральных оснований этого статуса. Из традиционных ценностей вытекает и понятие «человеческое достоинство». Унижение человека, втоптывание его в грязь должны быть категорически запрещены. К человеческому достоинству как базовой ценности в вы-

страивании всей системы правовых положений апеллирует и Всеобщая декларация прав человека.

Сострадание, милосердие, благотворительность

«Возьму твою боль на себя» («Цавт танем») — эта армянская максима может служить императивным выражением ценности сострадания. В армянском языке она используется фактически как эквивалент фразы «Я люблю тебя», что показывает связь ценностей сострадания и любви. Человек сопереживает другим людям и стремится прийти на помощь в любой трудной ситуации. На этом, в частности, была выстроена практика вспомоществования в русской общине. В законе гостеприимства, по сей день сохраняемому в странах Востока, также заложена ценность сочувствия другому. Выкупить единоверца из плена (на такой выкуп собирали деньги всем миром) — этическая установка того же порядка.

На эгоизме и себялюбии построение общества невозможно. Когда чужая беда будет всем безразлична, общество эгоистов прекратит существовать. Через ценность сострадания, ограничивая себялюбие индивидуумов, обеспечивается существование всего рода.

Ошибкой, как показала история, стало выдвижение в рамках философии Просвещения концепции «рационального эгоизма» («разумного себялюбия» по Клоду Гельвецию). В России её последователем, как известно, выступал Н. Г. Чернышевский. В XX веке концепт добродетельности эгоизма был выдвинут американской писательницей российского происхождения Айн Рэнд, боровавшейся одновременно и с христианской, и с коммунистической моралью. Вопреки предположениям просветителей, удовлетворение эгоизма каждого не приводило к благосостоянию всех. Эгоисты сталкивались друг с другом в конкуренции за ресурсы, вредя друг другу, наносили вред обществу.

Высший пример сострадания дал Иисус. Ради людей он принял муки, взшёл на Голгофу. Тема сострадания к людям проходит красной нитью и в других культурных нарративах. Это, к примеру, получивший популярность в культуре Нового времени антич-

ный образ Прометея. Сострадание ко всему живому является важнейшей установкой в индуистско-буддистской этической традиции. Советская молодёжь воспитывалась на образах Овода и Павки Корчагина, принимавших страдание за людей в соответствии со своим революционным пониманием человеческого счастья.

Ценность сострадания исторически оказалась одним из определяющих оснований русского мессианства. «Русские люди никогда не будут счастливы, зная, что где-то творится несправедливость», — так оценивал президент Франции маршал Шарль де Голль суть мессианских установок России. И Россия из сострадания вступала в борьбу, защищая слабых, спасая мир от геноцида.

С состраданием сопряжено непосредственно понятие милосердия как бескорыстного содействия или сочувствия нуждающемуся или страдающему. «Бог милосерден, — учит христианство, — а потому прощает за грехи кающегося человека». Милосердие является одной из главных характеристик Бога и в мусульманском богословии. И если Бог милосерден, то милосердным должен быть и человек. С милосердием в русском языке этимологически связано слово «милость». Не только к закону, но и к милости призывают правителей в отношении оступившегося человека. К милости в отношении падших призывал, согласно гениальным строчкам «Памятника», А. С. Пушкин. У главы государства есть право помилования, и он его может применить не по букве закона, а в силу милосердия.

Тема милосердия составила основу популярного, особенно в старообрядческой среде, апокрифа «Хождение Пресвятой Богородицы по мукам». Согласно апокрифическому тексту, Богородица в сопровождении архангела Михаила спускается в ад, наблюдая там мучения грешников. И несмотря на их греховность, она сопереживает им и просит у Господа проявления милосердия. Милость Божия проявилась в том, что на срок от Великого четверга до Троицына дня мучения грешников прекращаются. Целиком же помиловать их Господь соглашается только в том случае, если Богоматерь бы согласилась увидеть его повторно распятым на кресте. Конечно, апокриф не следует принимать за отражение канонического подхода Церкви, но общественный дискурс вокруг темы милосердия он отражает.

Практическим осуществлением сострадания к людям является благотворительность. Благотворительность спасительна как в отношении того, кому она адресуется, так и в отношении того, кто её осуществляет. Могут возразить, что функции благотворителя может взять на себя государство. Безусловно, государство должно оказывать помощь нуждающимся, искоренять бедность и болезни. Но, с точки зрения развития ценности сострадания, благотворительная деятельность человека есть сама по себе укрепление нравственных потенциалов общества. Каждая из традиционных религий поощряла такую деятельность и инкорпорировала в соответствующие традиции религиозной жизни.

Предки, поколенческое преемство, почитание старших

Старость в традиции связывалась с наступлением периода мудрости. Мудрые старики давали советы, как жить молодым соплеменникам. Во главе традиционных сообществ в разных культурах находились советы старейшин. Имело место почитание праотцев, предков, основателей рода. Сам род сакрализировался. Уронить честь рода недостойным поведением считалось тягчайшим грехом. Почитание старших было жёстко закреплено системой этноэтикета. Проявление неуважения к ним молодёжи оценивалось как невежество и категорически порицалось. И по сей день представители народов, у которых сохранились элементы традиционного общества, отличаются особым уважительным отношением к старшим.

Всё это имело глубокий смысл. Сакрализация старших означала установление сакрального отношения к традиции социума, его жизненному опыту. Именно через стариков к внукам и осуществлялась межпоколенческая трансляция традиционных ценностей. Общество, не почитающее своих стариков, было обречено на гибель. Характеристика «у них не почитают стариков» означала диагноз глубокого кризисного состояния.

В современную эпоху всё поменялось. Старики стали восприниматься ретроградской силой, носителями реакции. Они более

не ассоциируются с мудростью. Наоборот, слово «старик» фактически стало означать «старый маразматик». Старики не владеют «цифровыми технологиями». Старики «неправильно» голосуют на выборах, их следует провожать на пенсию и заменять молодыми. Организации, не делающие этого, зачисляются в «несовременные». Между тем, совершаемых стратегических ошибок на разных уровнях становится всё больше.

Альтруизм

Человечество ведут вперёд в истории альтруисты. Альтруизм есть принесение себя в жертву другим. Человек-альтруист отдаёт в жертву другим своё время, своё здоровье, свою жизнь. Не могли не быть альтруистами герои, пожертвовавшие собой ради товарищей, ради высших идеалов. Альтруистами были Зоя Космодемьянская и Александр Матросов. Альтруистом был лётчик-ас, майор Р. Н. Филиппов, подорвавший гранатой себя и окруживших его врагов при исполнении боевой задачи в Сирии. Последними словами героя стали «Это вам за пацанов!».

Альтруист жертвует собой во имя семьи, во имя друзей, во имя страны, во имя человечества. В традиционном обществе установка «жить для других» являлась ценностно-нормативной. Отдать последнее нуждающемуся — в этом виделось высшее проявление альтруистичности. В духе альтруизма воспитывалась и советская молодёжь. Эгоизм считался пороком. Капитализм же, буржуазное общество навязывали прямо противоположный ориентир — живи ради себя, так как жизнь одна, и мы живём один раз.

С альтруизмом связывался императив нестяжательства. Обогащение считалось аморальным. Богатство могло быть оправдано только в том случае, если оно употреблялось для благих дел, то есть шло не для себя, а для других. Аморальным в этой системе координат являлось, соответственно, и ростовщичество, сущностно противоположное нестяжательским установкам.

Согласно данным психологов, среди детей выраженные альтруисты составляют около 5%. Но альтруизм может поощряться,

а может высмеиваться и даже подвергаться порицанию. При возрастании степени альтруистичности общество может решать исторические сверхзадачи, при гипертрофированной эгоистичности оно обречено на деградацию.

Цивилизационная идентичность, цивилизационное единство

Каждый человек принадлежит к неким социальным общностям. Полностью оторванный от социума человек невозможен. Социален был даже герой Даниэля Дефо, так как выжить на необитаемом острове он смог только благодаря приобретённым в обществе навыкам. Наиболее интегративными социальными сообществами выступают цивилизации. Они отличаются друг от друга системой базовых ценностей и производных от них моделей жизнеустройства. Принятие цивилизационной идентичности человеком означает принятие соотносимого с соответствующей цивилизацией пакета ценностей.

«То, что для русского хорошо, то для немца смерть», и наоборот. Рецепты, оказывающиеся успешными в применении к одному сообществу, дают сбой и даже могут привести к катастрофе в применении к другому. Вариативность развития человечества определяется цивилизационно-ценностными различиями оснований генезиса больших социальных общностей. «Мы, — объяснял провал рецептуры реформ 1990-х гг. в России один из главных проектировщиков политики «шоковой терапии» Джеффри Сакс, — положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Признавалась, таким образом, принципиальная ошибка изначального диагноза. У России оказалась «другая анатомия».

Собственная анатомия существует не только у России, но и у любой цивилизации. Соответственно, задача выявления цивилизационно-идентичного ценностного фундамента имеет сегодня общемировое значение. Цивилизации представляют собой устойчивые во времени и пространстве человеческие сообщества, объединённые сходными базовыми ценностями как условием жизнеспособности

в соответствующих природных и социально-средовых исторических условиях существования. Они отличаются друг от друга по: специфичности иерархии ценностных компонентов, степени их факторной значимости, особенностям менталитета, специфичности форм воплощения, специфике систем и механизмов жизнеобеспечения.

Цивилизационный подход уже давно признан как в научном, так и в общественном дискурсах. Однако собственно признанием дело, как правило, и ограничивалось. Ревизии общественных наук, с точки зрения цивилизационного подхода, так и не произошло. Для них по-прежнему характерно представление в качестве универсального опыта развития западного сообщества.

Вместе с тем, констатация различий цивилизационного существования не должна привести к расизму. Человечество, при всех имеющихся различиях, едино как вид и обладает общим для всех цивилизаций пакетом высших ценностей («белым ценностным пакетом человечества»). Признание ценностной общности человечества обладает потенциалом быть воплощённым в некое планетарно значимое послание к миру. Оно указывает на принципиальную возможность диалога цивилизаций и на отсутствие конфликтной предопределённости межцивилизационных взаимодействий. Единство фундаментальной ценностной матрицы цивилизаций даёт, наконец, основания в деле духовной интеграции человечества, консолидации его на решение планетарных задач.

Идентификации себя с государством (гражданской идентичности) недостаточно. Нужен и уровень цивилизационный, так на нём и задаются идентичные для соответствующего сообщества ценности. В период существования Московского царства и Российской империи это был уровень русско-православной идентичности. Русскость в этот период понималась не в этническом, а в ценностно-цивилизационном преломлении. В период существования СССР цивилизационная идентичность фактически выражалась идентификатором «советский». Речь шла в действительности об одной и той же цивилизации, хотя и сменившей свою маркировку. Советская цивилизационная идентичность являлась продолжением русско-православной цивилизационной идентичности для времени модерна.

Генезис цивилизаций определялся условиями развития социума, и сами они складывались как механизм социального выжива-

ния. Соответственно, и принадлежность к цивилизации есть исходная данность, а не пространство выбора. Каждая страна и каждый народ исторически встроены в ту или иную цивилизацию. Если их политическое и социальное бытие в конкретное время истории соотносится с цивилизационным фундаментом, происходит прорыв в развитии и свершениях. Но если имеют место разительные противоречия с ним, происходит системный кризис.

Впрочем, существуют и сообщества, представляющие собой цивилизационный буфер. Такие сообщества совмещают зачастую две цивилизационные идентичности и два пакета ценностей. С. Хантингтон определял такие сообщества как цивилизационно-расколотые. За принадлежность соответствующих сообществ ведутся цивилизационные войны.

У цивилизаций есть своё цивилизационное ядро и своя цивилизационная периферия. Слова советского гимна «сплотила навеки Великая Русь» отражают ту позицию, что русский народ исторически явился цивилизационным ядром российской цивилизации. Цивилизации находятся в фазе подъёма, когда влияние ядра на периферии усиливается, и, соответственно, в фазе упадка, когда оно ослабевает. Большим ударом по русско-православной цивилизации стало искусственное разделение русских, украинцев и белорусов. Существуют сегодня и другие продуцируемые противниками России разделения с конструированием фантомных идентичностей (сибиряки, поморы, казаки) как отдельных от русского народа общностей.

Задача любой цивилизации — обеспечение и восстановление, когда это необходимо, цивилизационного единства. Как правило, эти функции берёт на себя государство-цивилизация. Границы государства-цивилизации уже цивилизационного ареала. Но в силу своей природы объективно стремится собрать вокруг себя весь цивилизационный мир.

Красота

Традиционные ценности соотносились не только с традиционной добродетелью, но и традиционной эстетикой — представлением о прекрасном. В древности высоко ценили и сакрализировыва-

ли красоту. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на величественные храмы прошлого. Храмовое великолепие диссонировало со сравнительной бедностью населения. Но ради красоты люди готовы были принять материальные самоограничения. Понимание этой жертвы как самоотречения в пользу красоты будет утрачено в период Реформации, провозгласившей приоритет «дешёвой Церкви».

Прекрасному противопоставлялось безобразное. Безобразие буквально прочитывалось как разрушение образа. Оно являлось проявлением инфернального. Красота же связывалась с небесностью. Земная красота мыслилась как отражение красоты небесной. Человек был создан по образу Божьему, а потому образность исходно противопоставлялась безобразности.

«Красота спасёт мир», — говорил вслед за Шиллером герой Достоевского. При этом приоритет в иерархии прекрасного отдавался духовному. Телесная красота без её духовного обрамления могла сама стать инструментом зла. Эстетическое воспитание, соединённое с воспитанием этическим, оказывалось важнейшим средством трансляции традиционных ценностей. Идея восхождения по ступенькам прекрасного к чистой красоте была сформулирована Платоном в диалоге «Пир»: «Вот каким путём нужно идти в любви — самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо всё время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх — от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь, наконец, что же это — прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе... только и может жить человек, его увидевший».

Однако с какого-то времени красота в её традиционном восприятии стала разрушаться, представляться как проявление отсталости. То, что прежде считалось безобразным, выдаётся теперь за передовое в современном искусстве. Это искусство обосновывается правом на самовыражение и релятивистичности прекрасного. Очевидно, что произошедшая эстетическая инверсия ведёт и к разрушению человека, навязывает ему в качестве красоты бе-

зобразное и ужасное. Итогом такого воздействия являются системные психологические отклонения. Необходимо в свете этих угроз восстановить красоту в её традиционных для человека образах. Самовыражение при этом никто, конечно, не будет запрещать. Но только продукты самовыражения, диссонирующие с прекрасным, не следует рекламировать и представлять в качестве произведений искусства.

Мера

«Знай меру!» — этот призыв можно считать ключевым в античной этике. Максима «Ничего сверх меры!» была высечена на стенах Дельфийского храма и являлась одной из наиболее популярных. Греки говорили, что чувство меры являлось последним и высшим даром богов человеку. О необходимости соблюдения меры и принципе соразмерности говорили и Гесиод, и Солон, и Демокрит, и Гераклит, и Платон, и Аристотель. Мера лежит в основании космоса, тогда как *беспорядок* начинается с нарушения соразмерности. Любая гармония, в том числе социальная, есть в своём фундаменте мера. Атрофированность же чувства меры ведёт к дисгармонии социальных отношений, проявляемой, в частности, в непомерном богатстве одних и несоизмеримой с ним бедностью других.

О недопустимости излишеств говорят и христианство, и ислам, и все другие традиционные религии. И во всех них есть этические требования воздержания. Речь применительно к мирянам шла именно о мере, а не об аскетизме. Путь аскезы являлся уделом монахов и не годился в качестве социального норматива.

Особую угрозу представляла потеря чувства меры со стороны элит. Утрата её выражалась в непомерной роскоши, избыточности в получении удовольствий. Это озлобляло народ и при достижении критических порогов вызывало погромы элит. «Хижины» шли войной против «дворцов». В основе многих революций лежала именно потеря властью чувства меры. И этом отношении в третьем тысячелетии мало что изменилось. Как раз наоборот, на современном этапе разрыв между материальными ресурсами,

находящимися в руках бенефициаров, и имеющимися у остального человечества, достиг исторического максимума. 26 самых богатых людей на Земле владеют половиной всех материальных ресурсов — о существовании такого разрыва заявил в 2020 году Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш.

Правда

«Не в силе Бог, а в правде», — говорил защитник Земли русской, святой Александр Невский. Правда противостояла лжи или кривде. Ложь не есть заблуждение. Заблуждение противостоит не правде, а истине. Ложь же — это целевой и осмысленный обман, враньё. Сегодня для обозначения ложных новостей, заполнивших собой медийное пространство, используется понятие «фейк». Есть русская правда, но есть также американская, китайская, немецкая. «Русской Правдой» назывался древнейший письменный закон Руси. Слово «правда» этимологически соотносилось и с правом, и с правлением, и с православием.

Правда относится к непереводаемым понятиям и существует в раскрываемом значении только в славянских языках. Но непереводаемость не означает, что правду нельзя отнести к универсальным традиционным ценностям. Этот факт означает другое: что славяне более других акцентировали семантическое содержание ценности правды, в частности, её отличия от истины. Истина существует вне зависимости от позиции субъекта, тогда как правда социально субъективна и отражает взгляд на различие подлинного и ложного соответствующей общности. В этом смысле путь правды был путём легитимизации самобытного бытия.

Известно, насколько мотивационным для революционных сил было название центральной большевистской газеты «Правда». Большевики при каждом очередном запрете, меняя её название, неизменно сохраняли в нём понятие «правда»: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Трудовая правда». *Большевики тем самым стремились показать, что правда в Российской империи была утеряна.*

«Империя лжи» — так определил Президент В. В. Путин созданную систему глобальной пропаганды. В фокусе потоков лжи оказывается Россия как потенциальный полюс альтернативного жизнеустройства. Постмодерн в плане работы медийной машины соотносится с понятием постправды. Её основным элементом является симулякр как информация или образ, не имеющие реального подобия. Удивительно пророческой в этом отношении оказалась книга советского детского писателя 1951 года «Королевство кривых зеркал». Может возникнуть соблазн — отвечать на ложь врага другой ложью. В понимании традиционных ценностей путь лжи приведёт вас неизбежно к самоотрицанию. Победить ложь можно только правдой.

Истина

Правды могли быть различны, но истина, в соответствии с традиционными ценностями, может быть только одна. Русский консервативный мыслитель М. Н. Катков рассуждал, что неполная истина не есть истина и истина с примесями тоже не есть истина. Она всегда абсолютна. Истина составляет ценностно-смысловую первооснову любой системы. Для христиан истиной является Христос. На это указывают и слова самого Спасителя: «Я есмь путь, и истина, и жизнь».

На истинность Христа указывают и другие слова Нового Завета: «Знаем также, что Сын Божий пришёл и дал нам свет и разум, да познаём Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе: Сей есть истинный Бог и жизнь вечная». Проходят столетия, и предпринимаются попытки найти иные истины. На попытки этой ревизии Ф. М. Достоевский отвечал следующим образом: «Если мне докажут, что истина вне Христа, а Христос вне истины, то я предпочту остаться с Христом, чем с истиной».

Постмодерн упразднил понятие «истина». В постмодернистском мире всё субъектно и релятивистично. Но с утратой истины было утрачено ядро мировоззрения, после чего посыпалось всё мировоззренческое здание. И без системы традиционных ценностей восстановление этого здания практически невозможно.

Мужество

Любому психически здоровому человеку присуще чувство страха. Трус даёт страху господствовать над собой, и только мужественный побеждает страх. Способность победить страх весьма высоко ценилась в традиционном обществе. Мужество являлось требуемым качеством от мужчины. В системе традиционного воспитания юношей мужество формировалось целевым образом. Человек, лишённый мужества, не мог быть ни воином, ни государственным деятелем. А мужество от государственного деятеля требовалось всегда и во все времена. Особенно это относилось к главе государства. Горе было той стране, правителя которого удавалось запугать врагам.

Трус, бежавший с поля боя, мог стать причиной поражения. Если бежал целый отряд, последствия для сражающейся армии могли быть крайне тяжёлыми. Неслучайно в войсках Чингисхана было установлено крайне жестокое правило: при бегстве одного воина казнили десятку, при трусости десятки казни подвергалась сотня. В войсках Римской империи действовало правило децимации — казни по жребию каждого десятого представителя армии, потерпевшей поражение.

Отсутствие должного мужества могло ввергнуть отдельные группы общества и народ в целом в состояние паники. Панические настроения оказываются социальным вирусом. Паникующая толпа лишается разума, осуществляет в припадке безумия разгром всего, что препятствует ей в мнимой надежде спасения. Для пресечения паники паникёров в ситуации войны расстреливали. Блестяще сцена ликвидации паникёров, в результате чего была восстановлена воинская дисциплина, была показана в легендарном советском фильме 1934 года «Чапаев». Для предотвращения такого рода эксцессов более целесообразно системно формировать ценностные установки мужества в обществе посредством инструментов воспитания.

Целомудрие, скромность

«О силе народа, — как утверждалось в древности, — можно получить представление по двум признакам: по уважению к старшим

и непорочности дев» ... Во время Второй мировой войны произошёл инцидент, прекрасно иллюстрирующий указанное положение. Гитлеру была представлена докладная записка от одного из руководителей управления концентрационными лагерями. В ней представлялись результаты медицинского освидетельствования молодых женщин, доставленных с восточных территорий. Автор докладной записки был поражён, что свыше 90% русских женщин в возрасте до 21 года являлись девственницами. Добрачная девственность являлась тогда в СССР моральной нормой. Говорят, что немецкий управленец был столь шокирован полученными данными, что призывал Гитлера остановить войну на востоке. Победить народ с такими потенциалами нравственности не представлялось возможным.

Требование целомудрия носило в традиционном обществе императивный характер. Скромность, в отличие от современного времени, считалась достоинством. Установление быть скромной являлось основанием этикета женского поведения в обществе. Высмеивались и нарушавшие этическое требование скромности мужчины — наглецы, хамы, хвастуны, выскочки, похабники. Различалось целомудрие по разным статусам человека: целомудрие добрачное, целомудрие супругов, целомудрие вдовцов.

В современном постмодернистском обществе целомудрие не просто девальвировало как ценность, но стало восприниматься едва ли не как порок. Целомудренный человек имеет положение социального аутсайдера. В отношении таких, как он, говорят — «отстой». Целомудренные подвергаются буллингу со стороны сверстников.

Статистика чётко фиксирует тенденцию усиливающегося разврата. В настоящее время доля российских школьниц, потерявших девственность в 15 лет и ранее, резко возросла по сравнению с 1975 годом. И очевидно, что без установления соответствующего барьера табу падение продолжится дальше.

Верность

Одним из тягчайших грехов во все времена считалось предательство. Предатель — наиболее презираемая фигура во всех странах и во все времена. В христианстве — это образ Иуды Искарио-

та, предавшего Христа за 30 сребреников. Не перенеся угрызений совести, Иуда, согласно евангельскому повествованию, удавился. Историческими образами предателей в истории России — антигероями национального восприятия прошлого — выступали: Святополк Окаянный, Олег Святославович (Гориславович), Олег Рязанский, митрополит Исидор, Андрей Курбский, полным составом Семибоярщина, Иван Мазепа, Лев Троцкий, Андрей Власов.

В историческом сознании современных поколений россияне маркёрами предательства наделяются разрушители СССР: М. С. Горбачёв и Б. Н. Ельцин. С ними связывается целая группа политических деятелей. Получила распространение в объяснении причин гибели Советского Союза теория предательства элит, в рамках которой выдвигаются убедительные аргументы состоявшейся государственной измены. Предательство группировки во власти погубило великое государство. Рефлексия о предателях в элите получила сегодня новую актуализацию в связи с бегством ряда её ярких представителей из страны в связи с началом специальной военной операции на Украине.

Предательству противопоставляется в рамках системы традиционных ценностей ценностный ориентир верности. Надо быть верным своей стране, своему народу, своей вере, своей присяге, своей семье. Верность являлась важнейшей установкой воинских кодексов у разных народов. Быть верным своему сюзеру — это было главное требование самурайского кодекса «бусидо». Сюжет об отмщении за убитого сюзерена 47 самураев составил один из наиболее ярких образов национальной японской героики. «За веру и верность», — так звучал девиз ордена Андрея Первозванного — высшей награды Российской империи.

Противопоставление героя, верность которого не была сломлена даже смертью, и предателя, прельстившегося разными соблазнами со стороны врага, — классический сюжет мировой художественной культуры. Бессмертным примером такого противопоставления стали созданные Н. В. Гоголем образы Остапа и Андрия — сыновей Тараса Бульбы, получившие сегодня удивительную актуализацию в связи с событиями на Украине. В детской литературе СССР это было противопоставление героя Мальчиша-Кибальчиша и предателя Мальчиша-Плохиша. Плохиш перешёл на сторону «буржуи-

нов» за бочку варенья и корзину печенья. Увы, выдающееся произведение Аркадия Гайдара о верности в современной российской школе по идеологическим причинам не изучается.

В советском спорте учили быть верным своей команде. И спортсмены сражались за свой клуб и свою страну. Это был другой подход, чем тот, который считается нормой в современном профессиональном спорте — трансферта спортсменов.

Быть верными супругам другу другу — эта установка существовала в традиционном обществе в качестве основы семейного права. Прелюбодеяние считалось тяжёлым грехом, и прелюбодеи подлежали суровой каре. Современное общество смотрит на супружескую неверность значительно мягче. Более того, можно говорить о фактической рекламе греха прелюбодеяния средствами кинематографа. То, что таким образом семья как социальный институт подвергается десакрализации и, как следствие, упразднению, очевидно.

Священные символы, атрибуты

В традиции широко использовался язык символов. Посредством символов кодифицировались ценности и смыслы соответствующей общности, аккумулировался исторический опыт. Каждая общность имела свою идентичную семиосферу. Её разрушение или подмена приводили к такому же кризису, как и при деструкции идентичных социальных институтов. Символический язык считался языком сакральным. Символы понимались, в отличие от времени модерна, не как отражения реальности, а в качестве эйдосов, проекции небесного на земное.

В настоящее время сохранено сакральное отношение к ключевым государственным символам: гербу, флагу, гимну. Но пространство сакральных символов гораздо шире. В него, к примеру, включаются образы народных героев — реальных и вымышленных. Священное значение могут иметь для социума определённые монументы и архитектурные сооружения. Так, к русским сакральным символам относятся находящиеся в композиционной связке памятник Минину и Пожарскому и Покровский собор.

Существуют в каждой культуре и имеющие особую семантическую нагрузку сакральные атрибуты. Таким атрибутом для армянской культуры, например, является Копьё Лонгина, находящееся в Эчмиадзинском монастыре. Считалось, что Русь защищают пять чудодейственных икон: Владимирская икона Божией Матери берёт на себя миссию защиты центра, Тихвинская — севера, Иверская — юга, Казанская — востока и Смоленская — запада. Очевидно, что в защите с позиций традиционных ценностей нуждается широкий перечень российских символов, перечень которых следовало бы составить и законодательно закрепить на федеральном и региональных уровнях.

Сакральные откровения, предания, книги

Концентрацией высшей мудрости в традиции разных народов выступают сакральные тексты. На священных Скрижалях были, к примеру, высечены 10 заповедей, данные Богом еврейскому народу через посредничество Моисея. Свою священную книгу имела каждая из религий: для иудаизма — это, помимо Библии, ещё и Талмуд, для ислама — Коран, для христианства — библейский свод с привнесённым в него собственно христианским Новым Заветом, для буддизма — Алмазная сутра и т. д. Книги такого рода сами являлись ценностью и сакрализировались в таком качестве. К тайным книгам — ключам к познанию мира апеллировали adeпты различных эзотерических учений. Сакрализироваться могли и эпические произведения: у древних греков — «Илиада» Гомера, у римлян — «Энеида» Вергилия, у карелов и финнов — «Калевала», у калмыков — «Джангар», у индусов — «Махабхарата» и «Рамаяна». В социокультурных системах периода модерна была заимствована из традиции практика почитания Великой книги.

Применительно к коммунистической идеологии в таком качестве позиционировались «Манифест коммунистической партии» и «Капитал». Сакральной книгой для китайских коммунистов являлся в маоистский период «Красный цитатник Великого кормчего». В период Ливийской джамахирии роль священного текста была отведена «Зелёной книге» Муаммара Каддафи. В ряде со-

временных государств сакрализуется текст Конституции, вплоть до того, что, вступая в должность, Президент клянётся, положив руку на книгу Основного закона. Клятва на Конституции подменяла собой исторически клятву на Библии, что, конечно, являлось снижением планки сакральности.

Наряду со Священным Писанием, в исторических церквях (православие, католицизм, древневосточные церкви) сакрализуется и Священное Предание. Сакральность Предания подразумевала легитимацию традиции, а, соответственно, и традиционных ценностей. Протестантизм, как известно, не признаёт Предание и, отрицая его, разрывал, таким образом, и с традицией. По оценке многих мыслителей, с Реформации исторически и начался процесс ревизии традиционных ценностей.

Народная цивилизационно-идентичная культура

То, что сегодня понимается под культурой, включает множество компонентов, действующих разновекторно на человека. Среди них есть такие, которые ведут его по пути нравственного развития, а есть и подталкивающие в направлении пороков и извращений. Защита традиционных ценностей в России и инициировалась исходно для проведения такого разграничения в культурной сфере.

Непосредственно с традиционными ценностями сопряжена в каждой из общностей народная культура. Функционально народная культура и являлась одним из наиболее ранних трансляторов традиционных ценностей. Традиционные ценности закреплялись и передавались посредством героического эпоса, песен, пословиц и поговорок, сказок, детских игр и т. п. В них были аккумулированы культурные коды каждого народа. Сохранение и защита народной культуры сегодня — это связь с истоками цивилизационногенеза. Пресечение же таких истоков означает утрату соответствующей общностью цивилизационного фундамента.

Традиционная культура имела адаптивный по отношению к средовым условиям характер. Тысячелетиями народы вырабатывали этнический оптимум бытия, закрепляя в передаваемых из поколе-

ния в поколение традициях то, что факторно обеспечивало их жизнеспособность, и отсеивая посредством табу деструктивные элементы. Это был многовековой процесс эмпирического накопления знаний об оптимальных принципах существования.

Достигнутое понимание фиксировалось в формате сентенций устного народного творчества (мифы, предания, сказки, пословицы, поговорки, наставления, песни, притчи и т. п.). Творцом в данном случае выступал народ как коллективный разум, рефлексия которого осуществлялась в жёстком режиме соотнесения с практикой. Безусловно, за появлением каждой из филологом стоял конкретный автор. Не будучи принятыми на уровне самосознания социума, они утрачивали качества индивидуальной сублимации. Просветительское высмеивание народного обскурантизма в эпоху раннего модерна имело деструктивные для жизни этносов последствия. Оно базировалось на отрицании аккумулятивной фильтрационной роли по отношению к историческому опыту традиций.

Принципиально важно в этой связи, чтобы русские дети воспитывались на русских народных сказках, а не на историях про Скруджа Макдака, чтобы играли в русские куклы, а не в Барби. Именно через народную культуру закладывается этноэтикет (принятые в данном сообществе нормы поведения). Через народную культуру закладываются и эталоны национального понимания героического. Русские былины дают, к примеру, совершенно иной психологический тип героя, чем дают мифы Древней Греции. Также впоследствии советское кино будет отличаться от кино Голливуда.

Мир

Сообразно с традиционными ценностями, в сознании народа происходила сакрализация воинов как защитников земли русской или освободителей, но не агрессоров, не захватчиков. Традиционный подход не был направлен на апологию войны. Такая апология могла быть у отдельных групп «лихих людей», профессиональных грабителей, каковыми являлись, например, викинги. Но их ментальность противоречила ментальности большинства трудового населения.

Война осуждалась в традиции как одно из тяжчайших бедствий для человечества. Имя Войны должен, согласно Откровению Иоанна Богослова, носить один из четырёх всадников Апокалипсиса. На войну следовало идти, когда не существует другого способа для восстановления мира.

России всю её историю приходилось воевать. Наиболее тяжёлые войны оборачивались катакомбами жертв. И русская история в этом смысле представляла собой непрекращающуюся панихиду. 27 миллионов жизней пришлось отдать за Победу над нацизмом во Второй мировой войне, что несопоставимо с потерями главных союзников по антигитлеровской коалиции — США и Великобритании — 417 и 380 тысяч соответственно. Имея в виду такой исторический опыт, ценностное восприятие мира оказалось у русских одним из важнейших культурных кодов. И именно им раз за разом приходилось брать на себя миссию восстановителей мира.

Идея наступления «вечного мира» уходит в глубь веков. Одним из первых её сформулировал ещё святой Августин. В средневековой Европе существовала практика установления дней Божьего мира, когда под страхом отлучения от Церкви запрещались междоусобные конфликты. Вечным миром объявлялся Русско-польский договор 1686 года, прерывавший серию военных конфликтов, с надеждой, что мирные отношения между русскими и поляками будут теперь введены навечно. Так что осознание ценности мира возникло ещё задолго до появления оружия массового поражения. При современных же военных потенциалах вопрос о мире является без преувеличения вопросом о предотвращении самоистребления человечества.

Социал-дарвинизм и связанные с ним идеологические течения утверждают естественность состояния войны для человека. Войны, действительно, проходят через всю человеческую историю. Однако они являются по своей природе отражением биологического, звериного начала в человеке и противоречат духовной и солидаризационной перспективе развития человечества. Ценностным ориентиром грядущего человечества должно стать искоренение войн как способов разрешения конфликтов. Однако пока этого не произошло, следует укреплять оборонную мощь страны, чтобы защитить себя и своих союзников. Этот подход может быть

выражен словами известной песни советского времени: «чужой земли мы не хотим и пяди, но и своей вершка не отдадим».

Войны в современном мире приносят огромные доходы, а, соответственно, развязывание войн и военная эскалация выгодны глобальным корпорациям. Они в значительной мере и выступают главными подстрекателями и проектировщиками военных конфликтов. Разоблачение их в этом качестве является важнейшей составляющей в достижении прозрения человечества с позиции традиционных ценностей.

Социальная гармония

Жизнь в обществе должна, сообразно с традицией, выстраиваться на основании представления об идеальном устройении. Есть Небесная Россия — эталон, и существует Россия земная — реальная. Земная Россия должна быть организована так, чтобы она в своём развитии устремлялась к собственному эталону — России Небесной. Достижение этого идеала и есть русская мечта, о которой широко заговорили сегодня.

Общество с позиций традиционных ценностей мыслилось как большая патриархальная семья. Семья же не строится на основе рынка и конкуренции. Не строится семья и на эксплуатации одних её членов другими. Фундаментом семейных отношений является любовь. Распределение ролей в семье носит естественный характер и не может быть сведено к контракту.

Общество должно быть гармоничным. Разделение общества на сверхбогатых и нищих противоречит традиционным ценностям. Наличие бедных являлось укором для богатых. Признаваемое естественным неравенство не должно было переходить грань, за которой выстраивалась система неравенства антропологического. Переход такой грани в ряде античных сообществ привёл к обратной реакции, став фактором религиозного обновления человечества. Христианство провозглашало фундаментальное единство людей во Христе, при котором, по словам апостола Павла, нет ни свободного, ни раба.

Традиционной, обнаруживаемой в каждой из культур институцией являлась община. На Руси она обозначалась понятием «мир», что совпадало с обозначением человечества во вселенском

масштабе. Община отражала представления народа о правильной системе жизнеустройства. И в любой из версий общинного устройства действовала система поддержания равенства в человеческом достоинстве. Поэтому в русском крестьянском мире так негативно восприняли формирование социальной группы кулачества, эксплуатирующей труд других крестьян.

Сообразно с идеалом социальной гармонии, существуют критические пороги социального расслоения. Когда эти критические пороги преодолеваются, общество как единый организм превращается в два и более враждующих между собой сообществ. Бедные при такой степени раскола ненавидят богатых, завидуют им, богатые презируют бедных. Выходом из такой ситуации оказывается либо погром богатых, экспроприация их имущества, либо установление жесточайшего полицейского режима.

Земля, территориальная целостность

Народы и цивилизации формировались исторически на определённой территории, с её специфическими природными особенностями. Эта территория являлась месторазвитием социума. Образы этой территории входили в систему национальных кодов. Ели и берёзы стали архетипическими образами России, так же, как клён — символом Канады, сакура — Японии, кедр — Ливана, кактус — Мексики. Особое значение придавалось земле, считавшейся прародительницей, — не только источник урожая, но и исторический источник народа. Отсюда представление земли в образе матери. Отдать свою землю другим было недопустимо. За землю сражались и умирали. Воины Древней Руси шли на бой с неприятелем, руководствуясь императивом — «За землю русскую!». Именно за землю, как интегративный символ цивилизационного бытия в целом.

Земля — основа жизни, источник пропитания. Всё остальное (промышленность, ремесло, культура) производно от этой основы. На земле живут крестьяне — хранители традиции народа. Участь народа, теряющего связь со своей землёй, была печальной. Такой народ превращался в скитальца, был вынужден приспосабливаться к чужим нравам и традициям.

Со времён существования русской общины в народе сложилось представление о трудовом праве собственности на землю. Земля, согласно этим взглядам, должна принадлежать тому, кто на ней трудится. Такой подход противоречит современным реалиям владения землёй новыми феодалами, превратившими их в зоны элитарных увеселений. Необходимо восстановить уважительное отношение к крестьянскому труду. Без этого российскую деревню ожидает дальнейшее обезлюживание.

Государственные границы определяли пространство суверенитета народа. Нерушимость границ — один из базовых посылов национальной безопасности. Одна территория не может принадлежать двум государствам одновременно. Тот правитель, при котором территория государства приращалась, оценивался всегда и везде со знаком «плюс», при котором сокращалась — со знаком «минус». Применение этого критерия даёт понимание отношения к правителям страны в традициях российской национальной памяти. Территория государства была и остаётся фундаментальной ценностью — об этом надо помнить руководству и народу России как самого большого государства мира. Эта территория собиралась и осваивалась тысячелетие, стоила море крови и пота предков.

Такое кажущееся очевидным напоминание необходимо сегодня, когда распространяются взгляды, что будто бы современный мир перешёл от ценности пространства к ценности времени. За распространением этих взглядов легко прослеживается цель отторгнуть территории в свою пользу, как якобы утратившие ценность. Книга американских авторов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское проклятие: как коммунистические плановики заморозили Россию» — яркая иллюстрация такого подхода. России советовали отказаться от Сибири — «российского проклятия», которая бы, без сомнения, была прибрана к рукам другими.

Здоровье

Всемирный исторический процесс можно представить через призму истории наступавших на человечество различных пандемий. При сравнительно невысоком уровне развития медицины

болезни наносили огромный демографический урон. По оценкам историков и демографов, только пандемия чумы XIV века унесла от трети до половины населения стран Европы и Ближнего Востока. Смерть каждого третьего или даже каждого второго европейца — бедствие такого масштаба не могло трактоваться иначе, чем вселенское зло. Теоретически и европейская, и исламская цивилизации могли тогда полностью погибнуть. А ведь были ещё пандемии брюшного тифа, антониновой и юстиниановой чумы, оспы, «английского пота», холеры, испанского гриппа.

Здоровье оценивалось в этом отношении не просто вопросом личного выживания, но существования социальных сообществ, в целом всего человечества. Отсюда — особое значение, отводимое здоровью человека в традиционной системе ценностей. Отсюда же — особое уважение, проявляемое исстари к лекарям. Сегодня оно в условиях борьбы с ковидом (выводим здесь за скобки вопрос происхождения новой пандемической угрозы) вновь восстанавливается на высоком уровне, а врачи становятся героями времени.

«Девять десятых нашего счастья зависит от здоровья», — говорил Артур Шопенгауэр. Но и само здоровье зависит в свою очередь от ментального и психического состояния человека. В восточной медицине хорошо известно, что многие телесные болезни начинаются с болезней сознания. Поэтому в традиции ставится вопрос не только о здоровье тела, но и о душевном здоровье и их комплексном соотношении.

Безопасность (защищённость)

Человек и общество в целом объективно существуют в пространстве поджидающих их опасностей. Угрозы исходили от диких животных, природных катаклизмов, враждебного окружения соседей. Чтобы жить и развиваться, должна была быть создана система безопасности.

Собственно, и государство возникает как ответ на такого рода вызовы. Известны различные теории происхождения государств, но то, что государствогенез в значительной части случаев связывался с угрозами существования соответствующих сообществ, бес-

спорно, и подтверждается широкой феноменологией. Так, при актуализации внешней опасности вначале создавалась дружина, возглавляемая князем, далее военный союз племён и, наконец, собственно государственная система. По мере развития появлялись новые угрозы, требующие, соответственно, и более сложной системы безопасности.

В обеспечение безопасности включаются, так или иначе, все государственные и общественные институты. Стратегии безопасности представляют собой наиболее интегративные документы государственно-общественного функционирования. Такие документы есть сегодня и в Соединённых Штатах Америки, модернизируемые при каждом новом президенте, и в Российской Федерации. Система национальной безопасности, сообразно с логикой этих стратегий, включает безопасность государственную, общественную и личностную.

Ещё в Древнем мире пришло понимание, что безопасность одного при отсутствии безопасности другого оказывается крайне уязвимой. Оградиться от опасностей за забором благополучия оказывается невозможно. Это наглядно иллюстрировала история крупных военных конфликтов, затягивающих в воронку всё новых и новых акторов. Такая эскалация конфликтов привела в XX веке к двум мировым войнам. Пришло понимание, что безопасность должна носить коллективный характер и основываться на соответствующей универсальной для человечества ценности. Но этот подход разделяется, увы, не всеми. Попытки создания безопасности для избранных в мировой политике приводят не к её минимизации, а к возрастанию до небывалого уровня.

Защитить российский народ и союзников России — приоритетная позиция государственного курса Президента. Целесообразно закрепление этого приоритета и в перечне традиционных российских ценностей.

Победы в современном мире достигаются на уровне систем, а не единичных решений, технологий или персоналий. Сила США исторически состояла именно в выстроенной под них американоцентричной мировой системе. Системно действуют и силы «пятой колонны» внутри России. Для победы над системой противника нужна, таким образом, собственная россиецентричная система.

Народосбережение

Рост численности особей биологической популяции показывает, что она находится в благоприятных условиях, а сокращение свидетельствует о кризисе. Если популяция растёт, это может само по себе являться вызовом для других популяций. Происходит борьба за ресурсы, за территорию. Безусловно, жизнь человеческого общества отличается от жизни животных популяций. Помимо биологического, она включает также социальный и духовный уровни бытия. Но, как и в популяциях, численность населения соответствующего сообщества есть показатель его жизнеспособности. И наподобие межпопуляционной борьбы за ресурсы ведётся и борьба за ресурсы межцивилизационная.

Численность населения России имеет в настоящее время критически низкий показатель. Настолько низкий применительно к занимаемому крупнейшему в мире государственному пространству, что даже при благополучии прочих компонент (а такого благополучия нет), впору бить в набат об угрозах геополитического распада. СССР по показателям численности населения занимал третье место в мире, после Китая и Индии. Если же вести подсчёт отдельно по РСФСР, то занимаемое страной место было бы четвёртое. Выше находились ещё Соединённые Штаты Америки.

В настоящее время Российская Федерация — только девятая. Впереди её на восьмой ступеньке находится Бангладеш, территория которого меньше российской в 119 раз. Если современные тренды динамики численности населения сохранятся, то Россия к середине столетия окажется и вовсе на 18-м месте. Очевидно, что в этом случае удержать суверенную территорию Российской Федерации будет объективно не под силу. Простой выход из режима депопуляции, достижение суммарного коэффициента рождаемости 2-го ребёнка страну уже не спасёт. Нужен переход к традиционной системе ценностей, задающей высокую детность. И это при том, что за счёт улучшения качества медицинского обслуживания и снижения социальной стрессорности возрастет, соответственно, и продолжительность жизни.

Задачи народосбережения не тождественны, впрочем, количественному измерению численности населения. Народ — это

не просто некая совокупность людей. Население ещё народом не является. Народ есть общность культурная, имеющая в основе единые ценности и общую идентичность. И, соответственно, проблему депопуляции с позиций традиционалистского взгляда нельзя решить путём завоза мигрантов. А именно так предлагали решить проблему депопуляции России либеральные обществоведы. Мигранты должны принимать ценности и нормы того сообщества, в которое они вливаются, адаптироваться в нём и интегрироваться с ним. Если доля мигрантов в соответствующем сообществе окажется критической, может произойти цивилизационная подмена и место российских народов занять другие этнокультурные образования. В сочетании с соответствующими политическими процессами это угрожает и отторжением от России заселённых мигрантами территорий в пользу других государств.

Утрата ценностного ориентира народосбережения проявилась в девяностые годы в восприятии неработающего населения в качестве обузы. Обузой стали восприниматься старики. Они, вспоминая высказывания ряда реформаторов, «не вписались в рынок». Взгляды стариков были «токсичными» и не соотносились с реформационной перспективой. По старикам был нанесён удар через обесценивание вкладов. Обузой оказались и дети. Сейчас не принято вспоминать, что в Российской Федерации на федеральном уровне финансировалась программа планирования семьи. Суть этой программы — внедрение установок малодетности, так как большое количество детей ведёт к бедности. Фактически режим депопуляции формировался целевым образом. Исправить это сегодня оказывается крайне тяжело, и без исправления на уровне ценностного фундамента не обойтись.

Одной из задач, преследуемых в системном противостоянии государств, является сокращение населения у государства-противника. Наиболее определённо эта установка была предъявлена в гитлеровских предписаниях по осуществлению демографической политики на оккупированных территориях. Современная российская депопуляция является не в последнюю очередь применения по отношению к России технологий демографической войны. Сокращение численности населения не могло в свою очередь не сказаться на трудовых и военных потенциалах, не приве-

сти к обезлюживанию и снижению хозяйственной освоенности территорий.

Демографические войны в условиях создания единой мировой системы ведутся со стороны глобальной олигархии не только против отдельных стран, но и человечества в целом. Основной ориентир — сокращение «лишних людей», воспринимаемых в качестве социальной обузы, увеличивающих самим фактом своего существования финансовые расходы. Введение ТНК новых роботизированных технологий, замещение машиной труда человека актуализирует стремление олигархата сократить население. Средствами такого сокращения могут быть: пропаганда малодетности и бездетности, пропаганда гомосексуализма, гипертрофированная псевдоэмансипация женщин, распространение эпидемий, вооружённые конфликты, пандемии голода и др.

Общее благосостояние

Слово «добро» в русском языке могло пониматься и как противоположность злу, и как нажитое в хозяйстве имущество, материальный ресурс. И это для традиционного общества, в котором жизнь человека являлась перманентной борьбой за выживание, было неслучайно. С определённой периодичностью приходили голодные годы. Времена тучных коров, в соответствии с разгаданным Иосифом сном фараона, сменялись временами худых коров. Благосостояние социума в свете этой угрозы был не вопрос о материальном приоритете, а о выживании.

Традиционные ценности ни в коем случае не являются пропагандой бедности. Апологии бедности в традиции не существовало. Напротив, тот правитель, при котором благосостояние народа возрастало, считался мудрым и оценивался высоко, а при котором народ разорялся — низко. Хороший хозяин в крестьянском мире, обеспечивавший праведным трудом благосостояние своей семьи, противопоставлялся лодырю. И если страна и народ будут материально процветать, то само по себе это процветание следует признать соответствующим идеологии традиционных ценностей.

Другое дело, что рост благосостояния должен относиться ко всему обществу. Ситуация, при которой богатеют лишь избранные, а народ еле сводит концы с концами, с позиции традиционных ценностей неприемлема. Должны существовать допустимые пороги имущественного неравенства, превышение которых должно строго пресекаться. Богатеть должна страна в целом, а не отдельные корпорации или олигархи. И только в связке процветания страны допустимо и процветание бизнеса.

Совесть

Сообразно с традиционными представлениями, существовало три вида суда: суд Божий (страшный суд, который состоится в конце времён), суд человеческий (светский, религиозный и общинный) и суд собственной совести. Суда человеческого можно было избежать, ввести его в заблуждение. Но ни от Божьего суда, ни от суда совести уйти невозможно. Совесть уподобляли суду А. С. Пушкин и Виктор Гюго. Законом, живущим внутри нас, называл совесть Иммануил Кант.

Если бы не было совести, человека удерживал бы от преступлений только страх. И когда такой человек видел бы, что возмездия не последует, он наверняка пошёл бы на преступление. Общество с девальвировавшейся ценностью совести обречено на разгул криминала. Не в этом ли состоит, к примеру, причина повсеместного роста в современном мире коррупции? Потенциальный преступник может бояться разоблачения и сурового приговора. В некоторых странах, как известно, по сей день за коррупционные преступления предусмотрена смертная казнь. Но будет ли потенциальный преступник соблюдать закон, если он уверен в том, что его не раскроют, или в том, что будет защищён подельниками? В этом случае остаётся только один сдерживающий фактор от совершения преступления — совесть.

Появление представления о совести соотносилось с формированием внутреннего мира человека. С позиций внутреннего мира человек оценивает себя в мире внешнем. Упразднить совесть фактически означало бы упразднение внутреннего мира человека.

В религиозном понимании совесть человека связана с наличием у него души. Это душа побуждает работать совесть. Но и совесть является прибором оценки состояния души человека. Об этом рассуждал, в частности, патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Сегодня понятие чистоты и грязи — это совершенно особое понятие, связанное с самим существованием рода человеческого, потому что чем интенсивнее развиваются техника, технологии, чем больше ресурсов люди потребляют, тем больше они загрязняют окружающую среду. Иногда это загрязнение становится смертельно опасным для жизни. Существует понятие «уровень загрязнения», выше которого наступают болезнь и смерть; и чтобы определить этот уровень, используются специальные приборы. Если прибор показывает, что уровень загрязнения слишком высок, то людей эвакуируют. Грязь несовместима с человеческой жизнью, и доказывать здесь ничего не нужно — всё является с полной очевидностью.

Тот же самый закон действует и в духовной жизни, однако здесь всё нужно доказывать. Грязь, которая присутствует в нашей душе, так же опасна для нашей жизни — и духовной, и физической. Но как же определить этот уровень загрязнения души? Каким прибором можно измерить, насколько опасна эта грязь, покрывающая нашу душу?

Такой прибор существует. Его изобрели не люди — Сам Господь создал его и вложил в природу каждого человека, чтобы он использовал этот прибор, постоянно замеряя уровень загрязнения своей души. Этим прибором является совесть. Но как физические приборы, которыми измеряют уровень материального загрязнения, можно разрушить, так можно вывести из строя и этот внутренний прибор — голос совести. И мы знаем, что бывают люди, о которых говорят: «у них совести нет», то есть у них разрушено это внутреннее мерило чистоты и правды. От такого человека можно ожидать всё, что угодно, у него нет понятия добра и зла — всё смешано; и уж тем более такой человек не способен измерять уровень своей собственной грязи».

Особое значение в ракурсе проблематики традиционных ценностей имеет формулировка вопроса о совести в политике. Утвердился на каком-то историческом этапе, как нечто само собой ра-

зумеющееся, взгляд о невозможности сочетания политики с моралью. Та ложь, которая используется сегодня в мировом политическом дискурсе, позволяет говорить, что у нынешних когорт политиков атрофирована совесть. Совесть оказывается атрофирована и у целых сообществ. Как в противном случае можно было бы оценить ситуацию, когда после признания, что для обоснования вторжения в Ирак использовался заведомый подлог — «пробирка Пауэлла», никто в США ни на уровне власти, ни на уровне общества не счёл нужным не то чтобы покаяться, а хотя бы просто возмутиться произошедшим.

Совесть как ценностный ориентир прямо отвергалась идеологами фашистской Германии. Она маркировалась, как химера. Отрицание совести лидерами нацизма восходило к низвержению её в нищестанстве. «У меня нет совести! Мою совесть зовут Адольф Гитлер!» — провозглашал Герман Геринг. Понимал ли он чудовищность своего высказывания? Фактически заявлялось, что внутренний мир человека, с которым и сопрягалась совесть, передаётся некой персоналии, становящейся его распорядителем. Ненависть нацистов к ценности совести показывает, что она была для них раздражителем, а, соответственно, в ценностном смысле противостоит человеконенавистнической идеологии.

Апелляция к совести — характерная черта русской народной семиосферы. На Западе она, напротив, возникала часто в ракурсе эпатажного аморализма как ложная, высмеиваемая интенция схоластической морали. В связке с совестью находилось понятие стыда. Под ним понималось внутреннее самонаказание человека за морально непристойный поступок. Внутренняя кара для русского человека была всегда страшнее внешней. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (так же, как и «Братья Карамазовы») с точностью сфокусировало эту специфику национальной аксиологии.

Американская культура выступает в данном отношении антиподом российской. Для сознания американца понятие «стыд» в его русском восприятии не существует. «Самобичевание» человека в эгоцентрической ценностной системе бессмысленно. Чувство стыда сегодня вытравливается через массовую культуру и из сознания россиян. Его нет среди воспитательных ценностных ориенти-

ров российской школы. Между тем, без карающего внутреннего механизма совести ни одна моральная интенция не реализуема.

Обратимся к русским народным филологемам, отражающим отношение к ценности совести:

- «Совесь с молоточком — и постукивает, и подслушивает»;
- «Совесь без зубов, а загрызёт»;
- «Как ни мудри, а совесь не перемудришь»;
- «За совесь и за честь хоть голову снести»;
- «Добрая совесь — глаз Божий»;
- «Добрая совесь любит обличение»;
- «Есть совесь, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет»;
- «В ком стыд, в том и совесь»;
- «Пора и совесь знать»;
- «Пора и стыд знать»;
- «У него совесь — дырявое решето»;
- «Заскорузлой совести не проймёшь»;
- «У него совесь в кулаке»;
- «У него совесь, что розвальни: садись да катись»;
- «С его совесью жить хорошо, да умирать плохо»;
- «В ком есть Бог, в том есть и стыд»;
- «Убей Бог стыд, все пойдёт нипочём»;
- «Стыд — та же смерть»;
- «Лучше понести на гривну убытку, чем на алтын стыда»;
- «Стал сыт, так взял стыд»;
- «Стыдненько, да сытненько»;
- «Бесстыжих глаз и дым неймёт»;
- «Жили, жили, а стыда не нажили»;
- «Стыд под каблук, а совесь под подошву».

Познание

Традиционное общество не было, как это часто представляли его критики, обществом обскурантистским. Существовали запреты в отношении ересей как отступления от принятых Церковью догм, но не познания как такового. Жизнь человека мыслилась как познание добра и зла. Познать, что есть добро и зло, и отделить

их друг от друга создавало основу образования и воспитания. Образ Древа познания в Библии соотносился с образом Древа познания добра и зла. В иудейской традиции считалось, что запрет на вкушение плодов от Древа познания был установлен до субботы. Адам и Ева наказывались не за устремление к познанию, а за то, что они не пожелали ждать до установленного срока (вступили на путь познания, не будучи ещё к нему подготовленными).

Человеку надлежало стремиться к познанию: во-первых, окружающего мира; во-вторых, самого себя; в-третьих, Бога и божественного замысла. Познание окружающего мира начиналось с практического опыта наблюдения за природой, связанного с аграрным трудом человека. Познание самого себя — эта установка ещё со времён Дельфийского храма представлялась в качестве важнейшего императива. Познание Бога понималось как важнейшая задача для человека. Человек, познающий Бога, приближался к Богу и тем самым обеспечивал своё спасение. Познание не ограничивалось науками и преломление в любой человеческой деятельности. Научное познание являлось одним из его видов, наряду с религиозным познанием, художественным познанием, повседневным познанием и др.

Познание не было тождественно знаниям. Важен был процесс получения знания, а не достигнутые промежуточные результаты. В современной школе, к сожалению, произошла подмена. Учащиеся, сдавая ОГЭ и ЕГЭ, должны именно демонстрировать знания, а не свою готовность к познанию мира.

Творчество

Бог, согласно представлениям авраамических религий, является Творцом всего сущего. Создание Господом мира было высшим проявлением творчества. Созданный по образу и подобию Божьему человек также обладает способностью творить, и эта его способность сакрализировывалась традицией. В исихазме, оказавшем огромное влияние на становление русской религиозности, идея богоугодности творчества выражалась концептом соработничества человека и Бога (синергией).

Творчество, сообразно с античной философией, было связано с обретением человеком состояния катарсиса. Посредством катарсиса происходило нравственное возвышение человека, его духовное и эмоциональное очищение, создавалось ощущение счастья. При подавлении творческой перспективы закрывались для человека и врата катарсиса. Лишённый ориентира восхождения, человек впадал в перманентную депрессию, он начинал себя считать несчастным.

Ошибочно думать, что традиционное общество блокировало творчество. Как раз, наоборот: чтобы стать мастером, ремесленник должен был создать шедевр — неповторимое произведение искусства. Устное народное творчество — в творческий процесс был включён весь народ. Кто был, к примеру, автором былин об Илье Муромце? Правильным ответом будет — весь русский народ. Творчество отделялось от себялюбия: важнее было создание шедевра, а не авторство.

Модерн, казалось бы, раскрепощал творческую энергию человека, что выразилось, в частности, в высокой динамике научных открытий. Но, вместе с тем, индустриальная эпоха привела к возникновению феномена конвейеризации. Устанавливаются стандарты и шаблоны. Труд под возрастающим бюрократическим контролем всё более рутинизируется. Бюрократизм и патогенность убивают творчество. А без творчества создание нового, в целом движение вперёд невозможны. Загнанная в бюрократические лекала деятельность учёного и педагога оказывается фактически блокирована. Львиная доля времени представителей творческих профессий тратится теперь не на творчество, а на представление отчётов и заполнение форм. То, что это сказывается не только на личности человека, но в итоге и на государственной безопасности — очевидно.

Постмодерн подрывает ценность творчества с другой стороны. За творчество выдаётся любой вид самовыражения, отступления от нормы. В качестве творческого продукта преподносятся зачастую извращения, абсурдизм, эпатаж. Несмотря на провозглашаемый ориентир раскрытия творческих потенциалов человека, можно говорить об усугубляющемся кризисе ценности творчества.

Учительство — ученичество

Учитель для традиционного общества являлся фигурой сакральной. Через отношения «учитель — ученик» осуществлялась в социуме трансляция ценностей и знаний. Транслировался прежде всего духовный опыт цивилизаций. Учитель учил жизни, и учительство никогда не сводилось к формированию компетенций. Отношения «учитель — ученик» носили всегда личностный, субъект-субъектный характер, можно было даже говорить об определённой форме духовного родства между ними.

Великими учителями считались создатели религиозных учений. Христос был учителем апостолов, апостолы стали учителями всего человечества. На любом историческом этапе имелись признанные учителя общества и учителя человечества. Сегодня определиться с тем, кого можно считать учителем российского народа и, тем более, учителем всего человечества, довольно проблематично. И не в отсутствии ли учителей следует искать причины постигшего мир духовного кризиса?

Учитель, как и воин, является столпом системы национальной безопасности. Получаемые от учителя учеником знания и ценности — это тот потенциал, который при столкновении государств оказывается либо выше, либо ниже, чем у противника, что и оказывается в итоге фактором побед и поражений. Оскару Пешелю — известному немецкому географу и антропологу — принадлежит часто ошибочно приписываемое О. Бисмарку высказывание: «Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем».

В противоречии с традиционной ценностью учительства выступает закреплённый на уровне закона взгляд на образование как услугу. Учитель есть педагог — буквально — ведущий ребёнка. При образовательной услуге нет педагога, а отношения «учитель — ученик» заменяются отношениями «коучер — клиент». Десакрализует статус педагога в современной России и то социально аутсайдерское положение, которое занимают в реальности школьные учителя. Низкая заработная плата, беззащитность перед буллингом со стороны школьников, бюрократический прессинг

всякого рода административных структур — о какой сакральности при такой ситуации может идти речь? И в контексте объявленного Президентом России 2023 года годом педагога и наставника поставить задачу восстановления традиционной роли учителя в обществе было бы крайне важно.

Высшая цивилизационно-идентичная власть

Высшая власть в традиционном обществе обладала атрибутами сакральности. Правитель государства являлся персонифицированным символом всего социума. Дискредитация этого символа означала оскорбление народа — всех и каждого. Отдавая жизнь за правителя, герои отдавали её не за персону непосредственную, а за персонификацию разделяемых народом традиционных ценностей. «Жизнь за царя», — называлась посвящённая подвигу Ивана Сусанина, используемая в системе национальных нарративов знаменитая опера М. И. Глинки. «За Родину! За Сталина!» — с этими словами шли в бой герои Великой Отечественной войны. И на Сталина переносилась в этом случае та сакральность, которая прежде связывалась с фигурой царя.

Царь обладал высшей харизмой, являлся помазанником Божьим. Он в этом отношении не был фигурой сугубо светской. Вне религиозной системы координат вся система царской (пропущено слово?) не могла быть адекватно понята. Традиционная система жизнеустройства не являлась деспотией, понимаемой в западном обществоведении в качестве неограниченной власти деспота. Более правильным было бы определение этой системы в качестве теократии. Праведное государство управлялось непосредственно Богом через фигуру царя — помазанника Божьего. И царь был легитимен только тогда, когда его деятельность и образ соотносились с закрепляемыми религией традиционными ценностями. Тогда он был царь подлинный. Если же правитель отступал от традиции, его считали узурпатором, самозванцем, обличали как антихриста.

Сорок вторая статья Основных законов Российской империи определяла вероисповедальный принцип монархов: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хра-

нитель догматов господствующей веры и блюститель Правоверия и всякого в Церкви Святой благочестия». Таким образом, неправо-славный император был бы попросту незаконен.

По народным представлениям:

«Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»;

«Нельзя земле без Царя стоять»;

«Без Царя — земля вдова»;

«Государь — батько, земля — matka».

Исходя из представления о невозможности православным обходиться без царя, после расстрела в 1918 г. императорской семьи крестьяне Костромской губернии выдвигают нового царя из собственной среды.

Мистический статус царской власти отражали другие народные пословицы:

«Бог батько, Государь дядько»;

«Царь от Бога пристав»;

«Правда Божья, и суд царёв»;

«Одному Богу Государь ответ держит»;

«За царское согрешенье Бог всю землю казнит, за угодность — милует»;

«Коли Царь Бога знает, Бог и Царя, и народ знает»;

«Народ согрешит — Царь умолит».

Начавшаяся с позднего средневековья десакрализация царской власти переходила и на все другие институты общественного устройства. Демонтаж монархии вызвал в народах силы разрушения традиции. Фразу «если Бога нет, то всё позволено» можно было бы перефразировать и иначе: «если царя нет, то всё позволено». И дело тут не в монархии. Монархия и республика есть лишь формы власти, а во властном идейном месседже.

Приверженность традиционным ценностям не означает, впрочем, быть обязательно монархистом. Известны монархии, идущие против традиции. Монарх может служить и Богу, и его противостоятелям. Традиционное общество знало государство с разными формами правления. Праведным государством могла быть и республика. Республиканское устройство существует и по сей день на Афоне. Главное было другое — восприятие высшей государственной власти, реализующей традиционные ценности в качестве

самостоятельной ценностной позиции. Можно и нужно любить такую власть, быть преданным ей и даже отдавать за неё жизнь.

С начала Нового времени в противоположность традиционному восприятию власти стал формироваться подход, сообразно с которым она есть неизбежное зло — Левиафан. Такой подход был положен в основание теории общественного договора. Власть не просто десакрализуется, но и инфернализируется. Общество противопоставляется власти. Наиболее радикальному обличению подвергается власть «автократических государств», в перечень которых зачисляется прежде всего Россия. На лиц, поддерживающих власть, либеральная тусовка смотрит, как на людей второго сорта, «ватников», «совков», «быдло». Ответом на эту дискредитацию должно быть откровенное манифестирование того, что высшая власть в государстве является одной из значимых традиционных ценностей. А из этого должен следовать запрет осмеяния и осквернения её образа.

* * *

Представленный набор традиционных ценностей не является окончательным. Каждая позиция может уточняться и корректироваться. Но сам этот перечень, полагаем, может быть взят за основу в качестве рабочей гипотезы для дальнейшего обсуждения. Заявляемые ценности должны быть соотнесены друг с другом в рамках единой смысловой системы нового учения и новой идеологии. Проработка такого соотнесения — задача для новых научно-общественных институций России, титаническая работа, которая ещё предстоит.

Заключение

Мир с 2022 года стал иным. Глобализм, бравший до этого одно за другим препятствия традиционного общества, столкнулся с сопротивлением. Силы сопротивления глобальному мировому порядку возглавила Россия. Противоборство «Россия — Запад» (экономическое, информационно-психологическое и военнотехническое) имеет в своей основе противоборство ценностное. Но система ценностей, которую защищает Россия в этой борьбе, была до последнего времени не манифестирована. Время такой манифестации пришло.

Традиционные ценности уже заявлены фактически как фундамент новой идеологии России. Но речь идет не просто о российской модели жизнеустройства. Объединиться вокруг традиционных ценностей предлагается всему человечеству. На наших глазах формируется новая система ценностных координат человечества, в которой предельно определённо, как никогда исторически прежде, ставится вопрос о планетарном противостоянии добра и зла, в которое вовлечены все без исключения государства и цивилизации. На тёмном полюсе этой борьбы находятся постмодерн и пост-постмодерн, глобализм и неонацизм, трансгуманизм и консюмеризм, однополярность и неомальтузианство. Вокруг этих установок объединилось условное сообщество Запада. Но вовсе не Запад — одна из исторических цивилизаций мира является антиподом традиции. Западная цивилизация явилась первой жертвой антицивилизационных сил, и она нуждается в спасении и освобождении от режима антицивилизации. На светлом полюсе находятся силы, встающие под знамя традиционных ценностей — российские, китайские, иран-

ские — всех цивилизаций и народов, не принимающих перспективы низвержения в бездну расчеловечивания.

Цивилизационное и идеологическое своеобразие развития народов не являются препятствием такого объединения. Православная Россия и исламский Иран могут объединиться на основе традиционных ценностей против общего врага — власти антихриста в христианской или Даджжала в исламской эсхатологиях. Коммунистическая идеология Китая не является принципиальным препятствием принятия платформы традиционных ценностей, связываемых с генезисом китайской цивилизации, и синтез такого рода фактически складывается в КНР при руководстве Си Цзиньпина. На повестке дня стоит вопрос о союзе государств и общественных сил, объединённых на новой традиционалистской платформе. Нужна структура, подобная созданному большевиками в 1919 году Коминтерну — Планетарный Традиционалистский альянс. В рамках него должны появиться свои традиционалистские институты — общественных наук, подготовки кадров, творчества в сфере культуры.

Формула успеха России — возвращение к себе. Отступление от собственного цивилизационного фундамента вызвало, с одной стороны, кризисные процессы, с другой, оказались заблокированы колоссальные цивилизационные потенциалы развития России. Цивилизационная матрица России и есть её традиционные ценности и культурные коды. Заявляя ориентир традиционных ценностей, Россия заявляет программу цивилизационного самовосстановления.

Могут, конечно, возразить, что бюрократия, как чиновники — «чего изволите», так и «эффективные менеджеры», извратят традиционные ценности на первом же шаге. Но угроза такого рода существовала всегда, по отношению к любой выдвигаемой идеологии. Пока есть слова о традиционных ценностях, можно сказать — «только слова». Но слова тоже имеют значения. Слово само может воевать. Манифестация слов «традиционные ценности» уже само по себе задаёт определённый вектор движения и направленности мысли. А далее — дорогу осилит идущий.

Список использованных источников и литературы:

1. Агурский, М. С. Идеология национал-большевизма / М. С. Агурский. — Paris : YMCA-PRESS, 1980. — 321 с.
2. Алейник, Р. М. Образ человека во французской постмодернистской литературе / Р. М. Алейник // Спектр антропологических учений. — Москва : ИФ РАН, 2006. — С. 199–214.
3. Андреев, Д. Роза Мира. Метафилософия истории / Д. Андреев. — Москва: Прометей, 1991. — 288 с.
4. Антихрист (Из истории отечественной духовности) : антология. — Москва : Высшая школа, 1995. — 415 с.
5. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. — Москва: Междунар. отношения, 1993. — 256 с.
6. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. — Москва : Индрик, 1994. — Т. 3. — 840 с.
7. Багдасарян, В. Э. 22.02.2022. Том 1: Проект «Запад» / В. Э. Багдасарян. — Москва : Концептуал, 2022. — 368 с.
8. Багдасарян, В. Э. 22.02.2022. Том 2: Русская альтернатива / В. Э. Багдасарян. — Москва : Концептуал, 2022. — 352 с.
9. Багдасарян, В. Э. История общественно-политической мысли России: учебное пособие / В. Э. Багдасарян. — Москва: ИНФРА-М, 2020. — 247 с.
10. Багдасарян, В. Э. Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе / В. Э. Багдасарян. — Москва : Духовное просвещение, 2019. — 296 с.
11. Багдасарян, В. Э. Матрицы общественного сознания / В. Э. Багдасарян. — Москва : Наше завтра, 2021. — 416 с.
12. Багдасарян, В. Э. Политическая символика / В. Э. Багдасарян. — Москва : ИНФРА-М, 2017. — 221 с.
13. Багдасарян, В. Э. Российское образование: выбор пути / В. Э. Багдасарян. — Москва : Отчий дом, 2019. — 336 с.

14. Багдасарян, В. Э. Россия — Запад: цивилизационная война / В. Э. Багдасарян. — Москва: Форум: Инфра-М., 2017. — 410 с.
15. Багдасарян, В. Э. Ценностные основания государственной политики / В. Э. Багдасарян. — Москва: ИНФРА-М, 2018. — 286 с.
16. Багдасарян, В. Э. Справедливость VS Любовь. Идеалы общественного строительства: историко-культурные и философские основания / В. Э. Багдасарян, архимандрит Сильвестр (Лукашенко). — Москва: Изд-во «Отчий дом», 2020. — 240 с.
17. Багдасарян, В. Э. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики / В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский. — Москва: Изд-во «БОС», 2022. — 324 с.
18. Багдасарян, В. Э. Высшие ценности российского государства / В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. — Москва: Научный эксперт, 2012. — 624 с.
19. Багдасарян, В. Э. Превосходство, присвоение, неравенство / В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. — Москва: Научный эксперт, 2013. — 304 с.
20. Багдасарян, В. Э. Религиозное и научное познание / В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. — Москва: Научный эксперт, 2013. — 344 с.
21. Багдасарян, В. Э. Сложная социальная система в витальном подходе / В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. — Москва: Научный эксперт, 2013. — 392 с.
22. Барбашин, М. Ю. Столкновение традиционализма и постмодерна в современных этнополитических процессах транзитивного общества / М. Ю. Барбашин // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2008. — Vol. 11. — № 2. — P. 168–178.
23. Бенуа, А. Вперёд, к прекращению роста! Эколого-философский трактат / А. Бенуа. — Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2012. — 110 с.
24. Бенуа, А. Против либерализма: к четвёртой политической теории / А. Бенуа. — Москва: Амфора, 2009. — 480 с.
25. Бенуа, А. Традиция и консервативная мысль / А. Бенуа. — Москва: Тотенбург, 2017. — 186 с.
26. Бердяев, Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. — Москва: АСТ: Фолио, 2003. — 679 с.
27. Бердяев, Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. О России и русской философской культуре. — Москва: Наука, 1990. — С. 43–271.
28. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — Москва: Наука, 1990. — 224 с.
29. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — Москва: Добросвет: КДУ, 2011. — 392 с.

30. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — Москва : РИПОЛ классик, 2015. — 320 с.
31. *Быстров, В. Ю.* Рене Генон / В. Ю. Быстров. — Санкт-Петербург : Наука, 2014. — 255 с.
32. *Бьюкенен, П. Дж.* Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. — Москва : АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. — 444 с.
33. *Ваджра, А.* Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии / А. Ваджра. — Москва : АСТ, 2007. — 544 с.
34. *Валлерстайн, И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. — Москва : Товарищество научных изданий «КМК», 2008. — 176 с.
35. *Вандерхилл, Э.* Мистики XX века: энциклопедия / Э. Вандерхилл. — Москва : МИФ : Локид, 1996. — 522 с.
36. *Ваней, Е.* Некоторые аспекты русского космизма / Е. Ваней. — Новосибирск, 2007. — 188 с.
37. *Вдовин, А. И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа / А. И. Вдовин. — Москва : Вече, 2013. — 624 с.
38. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. — Москва, 1991. — С. 61–272.
39. *Вернадский, В. И.* Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. — Москва : Айрис-пресс, 2012. — 576 с.
40. *Вежи:* сборник статей о русской интеллигенции. — Москва : РИПОЛ классик, 2017. — 330 с.
41. *Владимирский, Б. М.* Пути русского космизма. Судьбы людей и идей. Влияние космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной / Б. М. Владимирский, Л. Д. Кисловский. — Москва : Либроком, 2011. — 144 с.
42. *Волков, В. Н.* Постмодерн и его интерпретации: монография / В. Н. Волков. — Москва : Издательские решения, 2017. — 606 с.
43. *Волков, В. Н.* Постмодерн: недоверие к метанарративам / В. Н. Волков // Культурное наследие России. — 2015. — № 2. — С. 3–11.
44. *Волков, В. Н.* Семья, эротика, секс и любовь в эпоху постмодерна / В. Н. Волков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2014. — № 3. — С. 35–57.
45. *Генон, Р.* Восток и Запад / Рене Генон; пер. с франц. Т. Любимовой. — Москва : Беловодье, 2021. — 216 с.
46. *Генон, Р.* Духовное владычество и мирская власть / Р. Генон. — Москва : Беловодье, 2012. — 196 с.
47. *Генон, Р.* Заметки об инициации / Р. Генон // Символика креста. — Москва : Прогресс-Традиция, 2008. — 704 с.
48. *Генон, Р.* Инициация и духовная реализация / Р. Генон. — Москва : Тотенбург, 2020. — 248 с.

49. *Генон, Р.* Кризис современного мира / Р. Генон. — Москва : Эксмо, 2008. — 784 с.
50. *Генон, Р.* Очерки о традиции и метафизике / Р. Генон. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 320 с.
51. *Генон, Р.* Символы священной науки / Р. Генон. — Москва : Беловодье, 2004. — 480 с.
52. *Генон, Р.* Царство количества и знамения времени / Р. Генон. — Москва : Беловодье, 2011. — 304 с.
53. *Горелов, А. А. А. С.* Хомяков: учение о соборности и русская община / А. А. Горелов // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 2. — С. 78–97.
54. *Громов, М. Н.* Идеиные течения древнерусской мысли / М. Н. Громов, В. В. Мильков. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2001. — 960 с.
55. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — Москва : ИЦ «Древнее и современное», 2002. — 550 с.
56. *Дебор, Г.* Общество спектакля / Ги Дебор. — Москва : Логос, 1999. — 224 с.
57. *Делёз, Ж.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — 672 с.
58. *Деррида, Ж.* Глобализация. Мир. Космополитизм / Ж. Деррида // Космополис. — 2004. — № 2 (8). — С. 125–140.
59. *Дианова, В. М.* Постмодернистская философия искусства: Истоки и современность / В. М. Дианова. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1999. — 240 с.
60. Древнекитайская философия : собрание текстов в двух томах. — Т. 1. — Москва : Мысль, 1972. — 363 с.; Т. 2. — Москва : Мысль, 1973. — 384 с.
61. *Дугин, А. Г.* Постфилософия: три парадигмы в истории философской мысли / А. Г. Дугин. — Москва : Евразийское движение, 2009. — 744 с.
62. *Дугин, А. Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Г. Дугин. — Санкт-Петербург, 2007. — 382 с.
63. *Дугин, А. Г.* Мистерии Евразии / А. Г. Дугин. — Москва: Арктогея, 1996. — 200 с.
64. *Дугин, А. Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А. Г. Дугин. — Москва : Евразийское движение, 2009. — 744 с.
65. *Дугин, А. Г.* Философия Традиционализма / А. Г. Дугин. — Москва : Арктогея-Центр, 2002. — 624 с.
66. *Замалеев, А. Ф.* Мыслители Киевской Руси / А. Ф. Замалеев, В. А. Зоц. — 2-е изд. — Киев : Вища школа, 1987. — 184 с.
67. *Зеньковский, В.* Смысл Православной культуры / В. Зеньковский. — Москва : Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2007. — 272 с.

68. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. — Москва : Наука, 1994. — 443 с.
69. Иерусалимский, Ю. Ю. Концепция национальной идеи / Ю. Ю. Иерусалимский, арх. Сильвестр (Лукашенко) // Изборский клуб. — 2017. — № 1 (47). — С. 58–61.
70. Ильин, И. П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм / И. П. Ильин. — Москва : Интрада, 1996. — 256 с.
71. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. — Москва : Интрада, 1998. — 255 с.
72. Инглегарт, Р. Модернизация и постмодернизация / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — Москва, 1999. — С. 267–268.
73. Иоанн (Снычев И. М., митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; 1927–1995). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания / И. М. Снычев. — Саратов : Надежда, 1995. — 334 с.
74. Казинцев, А. И. Симулякр или стекольное царство / А. И. Казинцев. — Москва : Яуза : Эксмо, 2004. — 448 с.
75. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2004. — 832 с.
76. Клибанов, А. И. Духовная культура Средневековой Руси / А. И. Клибанов. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 368 с.
77. Косинова, О. А. К вопросу о трактовке понятия «традиция» в отечественной педагогике / О. А. Косинова // Электронный научный журнал Московского гуманитарного университета. — 2009. — № 2.
78. Крылов, А. О. Раннее Новое время как исторический период в мировой и отечественной историографии / А. О. Крылов // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — №. 2. — С. 71–77.
79. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
80. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев. — Москва: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. — 132 с.
81. Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / К. Н. Леонтьев. — Москва : Республика, 1996. — 799 с.
82. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 160 с.
83. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. — Москва : Советский писатель, 1991. — 480 с.
84. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 2000. — 704 с.

85. *Лотман, Ю. М.* Беседы о русской культуре / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 1994. — 339 с.
86. *Маньковская, Н. Б.* Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 347 с.
87. *Маркарян, Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 78–96.
88. *Миллс, Ч. Р.* Социологическое воображение / Ч. Р. Миллс. — Москва : Издательский дом «Nota bene», 2001. — 264 с.
89. *Назаров, М. В.* Вождю Третьего Рима / М. В. Назаров. — Москва : Русская идея, 2004. — 992 с.
90. *Нечипуренко, В. Н.* Ритуал (опыт социально-философского анализа) / В. Н. Нечипуренко. — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 2002. — 279 с.
91. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Иноземцева. — Москва : Academia, 1999. — 640 с.
92. *Носачёв, П. Г.* Интегральный традиционализм: между политикой и эзотерикой / П. Г. Носачёв // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2013. — № 4. — С. 203–222.
93. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс. Дегуманизация искусства. Беспхребетная Испания / Х. Ортега-и-Гассет. — Москва : АСТ, 2008. — 347 с.
94. *Островская, Е. П.* Космос и карма: введение в буддийскую культуру / Е. П. Островская, В. И. Рудой. — Санкт-Петербург : СПбКО, 2009. — 548 с.
95. *Палама, Г.* Беседы : в 3 т. / Г. Палама. — Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
96. *Платон.* Собрание сочинений : в 4 т. — Москва : Мысль, 1990.
97. *Платонов, О. А.* Русская цивилизация. История и идеология русского народа / О. А. Платонов. — Москва : Алгоритм, 2010. — 944 с.
98. *Полонская, И. Н.* Традиция: от сакральных оснований к современности / И. Н. Полонская. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2006. — 272 с.
99. *Полосин, В. С.* Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии / В. С. Полосин. — Москва : Ладомир, 1999. — 440 с.
100. Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля / авт.-сост. В. И. Даль. — Москва : Рус. яз. Медиа, 2004. — 814 с.
101. Прохоров, Г. М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...»: Древняя Русь как историко-культурный феномен / Г. М. Прохоров. — Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2010. — 320 с.
102. Прохоров, Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы / Г. М. Прохоров. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 289 с.

103. Русский космизм: антология философской мысли / Сост.: С. Г. Семёнова, А. Г. Гачева. — Москва : Педагогика-пресс, 1993. — 365 с.
104. Рыков, А. В. Постмодернизм как «радикальный консерватизм». Проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960–1990-х гг. / А. В. Рыков. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 376 с.
105. Светлов, П. Н. Традиции как проявление исторической преемственности: дис... канд. филос. наук / П. Н. Светлов. — Чебоксары, 2008. — 141 с.
106. Селицкий, А. Л. Культурные смыслы литературного и живописного пейзажа в постмодернистском дискурсе // Идеи и идеалы. — 2020. — Т. 12. — № 2. — Ч. 2. — С. 382–398.
107. Сокал, А. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 2002. — 248 с.
108. Сэджвик, М. Наперекор современному миру. Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века / М. Сэджвик. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 534 с.
109. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — Москва : ГУП «Облиздат» : ТОО «Алир», 1998. — 672 с.
110. Тойнби, А. Дж. Постижение истории : сборник / А. Дж. Тойнби. — Москва : Рольф, 2001. — 640 с.
111. Тойнби, А. Дж. Пережитое. Мои встречи / А. Дж. Тойнби. — Москва : Айрис-Пресс, 2003. — 672 с.
112. Тойнби, А. Дж. Цивилизации перед судом истории / А. Дж. Тойнби. — Москва : Айрис-пресс, 2003. — 592 с.
113. Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен Традиции) / С. В. Алексеев, К. С. Бенедиктов, Д. М. Володихин, Н. В. Иртенина. — Москва : Мануфактура, 2004. — 182 с.
114. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. — Москва : АСТ : ЛЮКС, 2004. — 352 с.
115. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас. — Москва : Весь Мир, 2002. — 144 с.
116. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. — Москва : Весь Мир, 2008. — 416 с.
117. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — Москва : АСТ, 2003. — 603 с.
118. Цапф, В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социологические исследования. — 1998. — № 8. — С. 14–26.

119. Черняев, Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия / Н. И. Черняев / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. — Москва : Изд-во журн. «Москва», 1998. — 430 с.
120. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер. — Москва : Мысль, 1993.
121. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. — Москва : Эксмо, 2003. — 480 с.
122. Эпштейн, М. Н. Постмодерн в русской литературе / М. Н. Эпштейн. — Москва : Высшая школа, 2005. — 495 с.
123. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. — Москва : Ладомир, 2004. — 342 с.
124. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. — Москва : Ренессанс, 1991. — 304 с.
125. Attali, J. 1492 (Nouvelles Etudes Historiques) / J. Attali. — Paris : Fayard, 1991. — 381 p.
126. Bolonkin, A. Universe, Human Immortality and Future Human Evaluation / A. Bolonkin. — Amsterdam : Elsevier, 2010. — 142 p.
127. Epstein, M. Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture / M. Epstein, A. Genis, V.-G. Slobodanka. — New York, Oxford : Berghahn Books, 2016. — 580 p.
128. Epstein, M. After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture / M. Epstein. — Amherst : University of Massachusetts Press, 1995. — 392 p.
129. Hofstede, G. Culture's Consequences. International Differences in Work Related Values / G. Hofstede. — London : Beverly Hills, 1980. — 474 p.
130. Sedgwick, M. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century / M. Sedgwick. — New York : Oxford University Press, 2004. — 369 p.
131. Theories of Modernity and Postmodernity / Bryan S. Turner (ed.). — L.: Sage, 1990. — 184 p.
132. Toffler, A. Powershift Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st century / A. Toffler. — New York, 1990. — 585 p.

Научное издание

Багдасарян Вардан Эрнестович
архимандрит Сильвестр (Лукашенко)

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ:
СТРАТЕГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Под научной редакцией
Ю. Ю. Иерусалимского

ISBN 978-5-91722-468-8

Подписано в печать 1.06.2022. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура Arnold. Формат 60 × 84^{1/16}. Усл. печ. л. 14,42.

Тираж 1000 экз. Заказ № 8226.

Отпечатано в ООО «Специализированный полиграфический комбинат»
Ярославль, пр. Авиаторов, 155в. Тел.: (4852) 989-400, 989-500